

ISSN 2409-7136 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 06-10-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права (Франция),
danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 06-10-2024

Founder: Danilenko Vasiliiy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava (Frantsiya), danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «НОТА ВЕНЕ» (ООО «НБ-МЕДИА»).
115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kraigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Marek - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «НОТА ВЕНЕ» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович -доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушкинская ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзноуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Перихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая

кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор , 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» , Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет , Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, -, novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса , Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации , профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией , 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasiliyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kraigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Bojarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universit?t Bremen, Universit?tsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica - Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich - Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,
aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudriskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

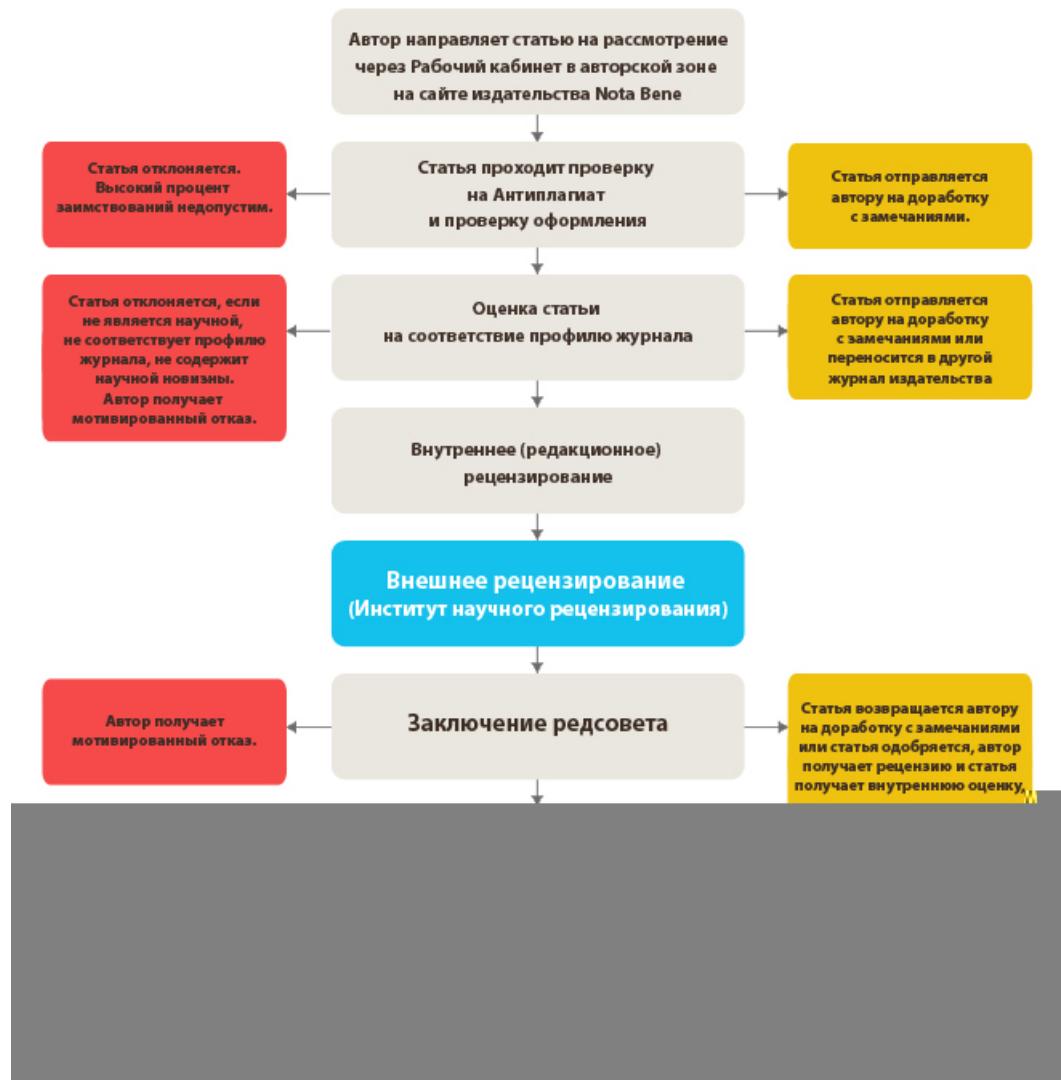
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Бормотова Л.В. Разумность сроков уголовного судопроизводства - частный случай неоправданной правовой конвергенции, нарушающей исторический уклад	1
Бурцева В.В. Искусственное прерывание беременности как способ реализации и нарушения репродуктивного права женщины: уголовно-правовой взгляд на проблему	17
Ревенко Н.И. Доказывание по делам о мошенничествах, совершенных способом «Ваш родственник попал в беду»	29
Чагина Е.М., Сысоев Ю.Е. Административная и уголовная ответственность за нарушение прав потребителей в законодательстве Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовое исследование	38
Чарыков А.В. Место и роль адвоката-защитника в процессе доказывания в розыскном типе уголовного судопроизводства	57
Рушанян Д.А. Уголовно-правовая регламентация института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий: исторические аспекты	72
Лайкова Е.А., Рогова Е.В. Некоторые проблемы применения норм, устанавливающих ответственность за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранных граждан и лиц без гражданства	85
Китсинг В.А. Понятие и виды преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок	96
Ванян Д.Н. Дифференциация ответственности за преступления против личности: эволюция в российском уголовном законодательстве	109
Полуян Д.А. Определение понятия «самозанятый» и его историческое развитие	124
Англоязычные метаданные	142

Contents

Bormotova L.V. The reasonableness of the duration of criminal proceedings - a special case of unjustified legal convergence that violates the historical order	1
Burtseva V.V. Abortion as a way of violating a woman's reproductive right: a criminal-legal view of the problem	17
Revenko N.I. Proving in cases of fraud committed in the way "Your relative got into trouble"	29
Chagina E.M., Sisoev Y.E. Administrative and criminal liability for violation of consumer rights in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus: a comparative legal study	38
Charikov A.V. The place and role of a defense lawyer in the process of proof in the investigative type of criminal proceedings	57
Rushanyan D.A. Criminal law regulation of the responsibility for the involvement of minors in the commission of crimes and other anti-social actions: historical aspects	72
Laikova E.A., Rogova E.V. Some problems of the application of norms establishing liability for fictitious registration and fictitious registration of foreign citizens and stateless persons	85
Kitsing V.A. The concept and types of crimes committed by contract executors in the field of state and municipal procurement	96
Vanyan D.N. Differentiation of responsibility for crimes against the person: evolution in Russian criminal legislation	109
Poluyan D.A. Definition of the concept of "self-employed" and its historical development	124
Metadata in english	142

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Бормотова Л.В. Разумность сроков уголовного судопроизводства - частный случай неоправданной правовой конвергенции, нарушающей исторический уклад // Юридические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.9.71580 EDN: ANMVVT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71580

**Разумность сроков уголовного судопроизводства -
частный случай неоправданной правовой конвергенции,
нарушающей исторический уклад****Бормотова Ладмила Валерьевна**

ORCID: 0000-0002-6003-2675

кандидат юридических наук

доцент; кафедра уголовно-процессуального права; Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия

197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5

[✉ ogulada@rambler.ru](mailto:ogulada@rambler.ru)[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.9.71580

EDN:

ANMVVT

Дата направления статьи в редакцию:

26-08-2024

Дата публикации:

13-09-2024

Аннотация: В рамках данного исследования предметом изучения стали отдельные знаковые исторические этапы становления и развития института сроков уголовного производства. Преследуется цель выявления национальной традиции регулирования сроков и механизмов ускорения уголовных процедур. Объектом изучения стали уголовно-процессуальные нормы разного периода времени развития законодательства в России, отечественная судебная практика и практика Европейского суда по правам человека в контексте решения вопроса о необходимости существования требования о разумности сроков уголовного судопроизводства в системе традиционных российских принципов. Исследование основано на общенаучных и частно-научных методах

познания, что позволило проанализировать источники по выбранной теме и синтезировать знание об эволюции сроков уголовного производства. Метод сравнительно-исторического правоведения позволил сформулировать вывод о приверженности законодательной традиции разделения принципов-идей и конкретных правил производства предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Сделан вывод, что требование о разумности сроков производства по уголовным делам в историческом контексте совершенно оправдано было адресовано органам предварительного расследования как правило о незамедлительной процессуальной деятельности. Изменение статуса этого правила на принцип существенным образом не изменило правоприменительную деятельность, но внесло дисбаланс в системный подход регулирования уголовно-процессуальных отношений. Меры по ускорению судебного рассмотрения, упомянутые в положениях ст. 6.1 УПК РФ и соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации имеют смешанную природу. Директивы председателя суда относительно мер по ускорению производства противоречат независимости судей и нарушают принцип законности. В связи с этим озвучено предложение об исключении данного требования из системы принципов с последующим дополнением общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства.

Ключевые слова:

исторические этапы, принципы, уголовное судопроизводство, предварительное расследование, правосудие, разумность сроков, ускорение, конвергенция, судебное рассмотрение, законодательство

Введение

Значение принципов уголовного судопроизводства - в их системном влиянии на построение уголовно-процессуальных отношений с момента начала уголовного преследования и до окончания исполнения приговора для всех участников производства по делу. Это идеальные руководящие начала для осуществления процессуальных и следственных действий, принятия решений, процесса доказывания и применения мер принуждения. Система принципов уголовного процесса должна быть константой, инструментом непоколебимости формы, порядка производства. Однако с момента принятия в 2001 году Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), наблюдается совершенно иная история: массовые изменения и корректировки, договорные процедуры, конфиденциальные следственные действия и участники, сложные пути обжалования судебных решений, чуждые принципы построения процессуальной деятельности, - изменения ради «разрешения конкретного казуса» [\[1, с. 475\]](#). Что и произошло 30 апреля 2010 г. в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ) и с появлением надстроичного принципа над всей системой – «разумности сроков уголовного судопроизводства» (ст. 6.1 УПК РФ). Следует согласиться с мнением ученых, которые указывают, что отсутствие в нормах УПК РФ до 2010 года и в предыдущих Кодексах регламентации сроков уголовного судопроизводства в отдельном принципе не означало непризнание необходимости соблюдения сроков в процессе производства по уголовному делу [\[2, 3, 4, 5, 6, 7\]](#). И.В. Стуконог отмечает, что при проведении реформы 1864 года уже ставилась задача сохранения «разумной быстроты»

уголовного судопроизводства наряду с соблюдением равенства прав сторон [\[5, с. 33\]](#). Потому нельзя сказать, что имплементация в отечественное законодательство требований о разумности сроков производства по уголовным делам носила новаторский характер, поскольку аналогичные правила уже к тому моменту исторически сложились, были встроены в саму "ткань" кодифицированного источника, охватывались содержанием других принципов.

В настоящем исследовании преследуется цель выявления исторически сложившейся модели правового регулирования сроков уголовного судопроизводства, ее самодостаточности в виде регулятивных приемов на отдельных этапах и в отдельных следственных, судебных и процессуальных действиях.

Методы исследования

Исследование основано на общенаучных и частно-научных методах познания. Благодаря применению общелогических правил выполнения мыслительных операций удалось проанализировать большой объем информационных и научных источников по выбранной теме и синтезировать знание об эволюции уголовно-процессуальных отношений, складывающихся по поводу определения сроков производства. Метод сравнительно-исторического правоведения позволил сформулировать вывод о приверженности законодательной традиции разделения принципов-идей и конкретных правил производства предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Результаты исследования

В положениях ст. 36 Судебника 1497 года применялся термин «не волокитно», то есть без излишнего промедления, относительно времени производства судебных процедур [\[8, с. 39\]](#). Требования, предъявляемые к скорости осуществления судебного разбирательства, были обусловлены недопустимостью несения лицами, участвующими в деле, дополнительных процессуальных и материальных издержек. Аналогичное положение закреплялось в норме ст. 72 Судебника 1550 года [\[8, с. 47\]](#). Уже на данном этапе исторического развития отечественный законодатель осознавал негативные последствия чрезмерной длительности процесса, а потому внедрял специальные отдельные правила.

В ст. 15, 22, 24 Главы 10 Соборного Уложения 1649 года правовая категория разумного срока уголовного судопроизводства получила более подробную правовую регламентацию [\[8, с. 58-60\]](#). Она характеризовалась двумя основными аспектами. Во-первых, на судью была возложена общая обязанность вести судебное разбирательство «без волокитно». Во-вторых, если судья, руководствуясь личными или корыстными побуждениями, намеренно создавал ситуацию, в которой рассмотрение дела затягивалось или участники процесса несли дополнительные убытки, то он привлекался к ответственности в порядке, определенном «государем» (царем).

Интерес представляет то, какие нормотворческие и правоприменительные приемы применялись в целях ускорения судебного разбирательства в разные исторические периоды. Так, например, Именным указом от 21 февраля 1697 г. были отменены очные ставки в судных делах [\[8, с. 148\]](#). В преамбуле к Указу содержится пояснение о том, что применяемые в рамках состязательного процесса способы доказывания приводят к напрасной судебной волоките, убыткам и разорениям, в силу неправды и лукавства, то есть использования сторонами различных ухищрений, необоснованно затягивавших

судебное разбирательство.

Отметим, что для данного исторического периода было характерно сохранение некоторых древнерусских традиций состязательного уголовного процесса, связанных с самостоятельным представлением сторонами суду доказательств, свидетельствующих в пользу их позиции. Законодатель, расценивая такую модель судебного разбирательства как неэффективную, утвердился в выводе о необходимости замены состязательного процесса инквизиционным.

В период правления Императора Петра I был принят ряд других правовых мер, направленных на ускорение судебного разбирательства. К их числу следует относить:

- установление предельных сроков судопроизводства;
- установление ответственности свидетелей за уклонение от явки в суд;
- установление правовых основ института заочного судебного разбирательства [\[9, с. 19\]](#).

Впоследствии предпринимались и иные попытки законодательной борьбы с чрезмерной длительностью судебных процессов. Однако, следует согласиться с позицией Д. Г. Рожкова, который говорит о том, что вплоть до Судебной реформы 1864 года уголовное судопроизводство оставалось крайне медлительным [\[10, с. 273\]](#).

С принятием Устава уголовного судопроизводства [\[11\]](#) (далее – Устав), было упразднено правило о предельном времени длительности уголовного процесса. Но, между тем, системный анализ отдельных положений указанного правового документа свидетельствует о том, что законодатель стремился к достижению наиболее быстрого, но при этом эффективного расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел:

- установлена материальная ответственность свидетеля, который не явился в суд в назначенный срок при отсутствии уважительных причин (ст. 69 Устава);
- отсутствие уважительной причины неявки стороны к мировому судье после отложения рассмотрения дела для предоставления дополнительных доказательств предполагало возложение на нее судебных издержек, понесенных добросовестной стороной (ст. 73-75 Устава);
- неявка обвиняемого в проступке к мировому судье выступала основанием для реализации мировым судьей права на вынесение заочного приговора (ст. 133 Устава).

Особое внимание следует уделить вопросу допустимости подачи частных жалоб отдельно от отзывов на приговоры в случае медлительности производства (ч. 1 ст. 152 Устава). При таких обстоятельствах мировой судья, рассматривавший уголовное дело, давал объяснение перед съездом мировых судей не позднее, чем через три дня с момента получения жалобы.

Вопросам разумности срока уголовного судопроизводства посвящены также отдельные нормы Учреждения судебных установлений 1864 года (далее – Учреждение) [\[12, с. 128\]](#). В соответствии с Главой 3 Учреждения, судебные установления и лица прокурорского надзора ежегодно направляли в Министерство юстиции отчеты по судебному ведомству. В соответствии со ст. 181 Учреждения, в таких отчетах должны были быть обозначены причины, обусловливающие замедление рассмотрения дел. Кроме того, в соответствии со ст. 255 Учреждения, к полномочиям министра юстиции относилось право на

пресечение медленности процессов. В случае обнаружения подобного в каком-либо судебном установлении, министр юстиции обязывал председателя представить ему соответствующие объяснения. Если причинами медленности движения дел выступали нарушения, допущенные самим судебным установлением, то в порядке ст. 258 Учреждения министр юстиции был вправе возбудить дисциплинарное производство. В отношении начала каждого следствия прокурором докладывалось в течение трех дней министру юстиции по установленной форме (ст. 296.1 Устава в редакции от 1909 г.) [\[7. с. 90\]](#).

Указанное свидетельствует о том, что уже в нормах дореволюционного законодательства прослеживается формирование правового осмысления необходимости соблюдения разумности сроков уголовного судопроизводства. В силу специфики юридической техники, применяемой законодателем в данный исторический период, говорить о сформированности исследуемой правовой категории, безусловно, не приходится.

В период правления советской власти кардинального изменения в модели правового регулирования разумного срока уголовного судопроизводства не произошло. Выявить его содержание возможно только в смысловом контексте, посредством анализа правовых норм, закрепляющих механизмы недопущения затягивания процессуальных процедур. Так, в ст. 87-92 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 года (постановление ВЦИК от 25.05.1922г., далее – УПК РСФСР 1922 г.) впервые устанавливались общие положения об исчислении и порядке восстановления процессуальных сроков.

Применительно к подавляющему большинству стадий уголовного судопроизводства и отдельным процессуальным действиям устанавливались предельные сроки их осуществления. Например, максимальный срок производства дознания составлял один месяц (ст. 107 УПК РСФСР 1922 г.), а максимальный срок производства предварительного следствия составлял два месяца со дня объявления подозреваемому постановления о привлечении его в качестве обвиняемого (ст. 119 УПК РСФСР 1922 г.).

В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в редакции 1923 года (постановление ВЦИК от 15.02.1923г., далее – УПК РСФСР 1923 г.) при невозможности окончания предварительного следствия в срок два месяца следователь был обязан обосновать перед прокурором причины такой задержки (ст. 116 УПК РСФСР 1923 г.). Как и ранее, осуществление производства по уголовному делу в народном суде предельным сроком не ограничивалось.

В свете принятия Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР 27 октября 1960 г. (далее – УПК РСФСР) одной из основных задач уголовного судопроизводства стало его ускорение через быстроту раскрытия преступления, что нормативно закрепилось в положениях статьи третьей действовавшего на ту пору законодательства РСФСР. Постановка указанной задачи обусловила применение законодателем корреспондирующих юридических конструкций, характеризующих длительность уголовного процесса. Так, в ст. 44 УПК РСФСР применяется формулировка «в целях наиболее быстрого, полного и объективного рассмотрения дела», а в ст. 132 УПК РСФСР «в целях обеспечения наибольшей быстроты расследования». В числе иных правовых установлений, позволяющих контекстуально выявить смысловое содержание рассматриваемого элемента процессуальной формы, следует выделить:

- решение по заявлениям и сообщениям о преступлении принималось уполномоченным должностным лицом в срок, не превышающий трех суток, а в исключительных случаях –

десяти суток (ст. 109 УПК РСФСР);

- оптимальные сроки дознания (не свыше десяти суток при дальнейшем проведении предварительного следствия в обязательном порядке) и следствия (не более одного месяца в соответствии со ст. 121 УПК РСФСР);
- предельный срок осуществления предварительного следствия по общему правилу составлял два месяца (ст. 133 УПК РСФСР);
- устанавливались основания и сроки приостановления предварительного следствия (ст. 195 УПК РСФСР);
- обязанность вынесения судебного постановления о предании обвиняемого суду в течение 14 суток с момента поступления материалов уголовного дела в суд (статья 239 УПК РСФСР).

Постановка задачи уголовного судопроизводства как быстрого и полного раскрытия преступлений опосредовала по М. С. Строговичу достижение главной цели – установление фактических обстоятельств по делу, то есть объективной истины. При этом требование эффективности процессуальных средств в достижении указанной цели подчас способно привести к чрезмерной процессуальной экономии, упростительству процессуальной формы, ограничению правовых гарантий участников производства по уголовному делу. А, значит, во «главу угла» развития уголовно-процессуального права должно быть положено соответствие процессуальных средств основной цели [\[13, с. 137\]](#).

К моменту указанного измышления великого ученого-процессуалиста советской науки в общемировой практике уже получили распространение нормы международных документов о правах человека, в том числе в области уголовной юрисдикции. Поэтому, думается, что теория уголовного процесса стала «напитываться» общемировыми тенденциями применения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 в Риме 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция) и ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого 16 декабря 1966г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, и ратифицированного указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973г. № 4812-VIII с заявлением (далее – Пакт). При этом отечественная наука была более прогрессивна и дальновидна. Ведь прямое толкование указанных международных источников дает нам понимание того, что категория разумности применима к судебным процедурам, однако не охватывает и не способна охватить в абсолюте все уголовно-процессуальные отношения.

В современный период становления уголовно-процессуального права, наступивший после распада Советского Союза и признания независимости Российской Федерации, законодательное признание разумного срока уголовного судопроизводства выявляется через конституционные предписания того периода времени (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) и официальную ратификацию Конвенции в 1998 году. Соответственно, до момента введения Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ в УПК РФ ст. 6.1, разумный срок уголовного судопроизводства рассматривался в качестве составного элемента фундаментального принципа правосудия – права на справедливое судебное разбирательство, имплементированного в российскую правовую систему [\[14, 15\]](#), или как самостоятельный принцип процессуальной экономии [\[16\]](#), или как средство регулирования уголовно-процессуальной деятельности, обеспечения правомочий участников производства по уголовным делам [\[17\]](#). Отметим, что именно в таком свете исследуемая правовая категория изучалась в положениях уголовно-процессуальной

доктрины до 2010 года.

Главной причиной к правовому оформлению стало не только стремление нашего государства соответствовать высоким мировым стандартам. Ведь, как было отмечено выше, эти стандарты, – а именно: разумности, быстроты, полноты и справедливости, как важные маркеры отнюдь не карательного типа развития уголовного судопроизводства, а восстановительного, – были фактически характерны большей части советского и досоветского периодов. Причиной нормотворческой надстройки над системой принципов уголовного процесса в Главе второй УПК РФ в виде указания на некую специальную «разумность» выступила прецедентная практика Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), выявившая «отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты лиц». Ярким примером тому является Дело «Бурдов (Burdov) против России» (постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г. по жалобе № 33509/04). Целью данной статьи не охватывается необходимость подробного исследования содержания данного постановления или других ему аналогичных. Констатируем лишь тот факт, что критический анализ европейской судебной практики в отношении Российской Федерации показывает явную и чрезмерную политизированную антироссийскую позицию относительно качества отечественных уголовно-правовых процедур. Примечательным является наличие внутригосударственного судебного органа, способного не только внести правовую определенность по рассматриваемому вопросу, но свидетельствует о более ранней по времени озвученной позиции. Речь к примеру, идет о постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова», которым была отмечена необходимость институционального закрепления возмещения вреда, причиненного действиям или бездействием органов государственной власти в ходе любого вида отечественного судопроизводства. Но все же следует констатировать факт того, что именно обязание, выраженное в постановлении Европейского суда по правам человека по делу Бурдова против Российской Федерации, поставило точку в разрешении вопроса о легализации механизмов компенсации вреда, причиненного гражданам длительностью рассмотрения уголовных дел судами и неоправданного затягивания сроков. Таким образом, случилась довольно успешная конвергенция в отечественный уголовный процесс международных инструментов прецедентного права.

В 2016 году Верховным Судом РФ дано разъяснение нижестоящим судам о неотчуждаемости права на компенсацию за нарушение сроков уголовного процесса (постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 29.03.2016г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»). Предусмотренный порядок компенсации по своей юридической природе является административным, гражданско-правовым. Вопрос об ускорении рассмотрения уголовного дела в суде разрешается председателем суда уголовно-процессуальными методами, как бы обратное не утверждалось в самом постановлении (п. 23), а также в отдельных исследованиях [\[18, с. 44\]](#). Однако критерии и пределы такого контроля председателем суда сроков судебного рассмотрения законодатель не определил и оставил на усмотрение непоименованного субъекта процессуального права, что есть само по себе нарушение ряда принципов: законности (ст. 7 УПК РФ), осуществления правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ), независимости судей (ст. 8.1 УПК РФ).

Если полагать, что ожидаемым эффективным результатом конвергенции международных норм о соблюдении разумности сроков было смешение уголовного, административного и внепроцессуального порядков производства, то эта программа по «запутыванию клубка» юридических норм успешно реализована. Гражданину, чьи права нарушены неоправданным затягиванием сроков производства, достаточно сложно разобраться с порядком компенсации, бесплатного юридического сопровождения не организовано, «автоматически» председатель суда в стадиях судебного разбирательства, прокурор и руководитель следственного органа на этапе досудебного производства соответствующими полномочиями не наделены. Вопиющие случаи, требующие «включения» конвергированного в отечественную уголовно-процессуальную практику международного механизма, носят единичный характер. Так, в Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации приведен пример с 15-летним расследованием и судебным рассмотрением уголовного дела в отношении гр. М. В отношении обвиняемой в 2021 году вынесен обвинительный приговор с назначением наказания в виде лишения свободы на срок 5 лет, который она фактически отбыла в изоляции от общества в период уголовного преследования [\[19, с. 226\]](#).

Заключение

Подводя итог данному исследованию, отметим, что фактическое признание недопустимости судебной волокиты и чрезмерной длительности уголовного преследования были предметом обжалования и жесткого контроля во все исторические периоды развития уголовно-процессуальной деятельности. Основным отечественным пресекательным инструментом воздействия на правоприменителя являлось установление предельных сроков производства следственных процессуальных действий, принятия решений. Административные инструменты организационно-распорядительного характера также имели место быть как в эпоху правления Петра Первого, так и в период действия Уставов Уголовного Судопроизводства 1864 года, однако, как верно отмечается в юридической литературе [\[20, с. 33\]](#), их эффективность слаба и вступает в противоречие с процессуальной независимостью субъекта доказывания. Не стоит игнорировать исторические уроки и обременять и без того сложную процессуальную деятельность дополнительными механизмами, содержание которых уже подразумевается в устоявшейся системе принципов. Решение проблемы затягивания сроков досудебного производства может быть, на наш взгляд, в снижении нагрузки следователей по расследованию преступлений средней тяжести, сосредоточения их усилий на наиболее опасных преступлениях. В этой части мы полностью согласны с формами ускорения досудебного производства, предлагаемыми некоторыми учеными [\[21, с. 120\]](#).

В части ускорения судебного рассмотрения, необходимо предпринять следующие меры процессуального характера:

- актуализировать и сократить сроки поступления уголовного дела в суд;
- назначить предельные сроки рассмотрения дел о преступлениях небольшой и средней тяжести;
- отказаться от повсеместной практики возвращения уголовных дел для устранения препятствий в порядке ст. 237 УПК РФ;
- пересмотреть возможность отказа обвиняемого от постановления приговора без проведения судебного разбирательства в связи с его согласием с предъявленным обвинением в ходе предварительного слушания.

Подобные и иные меры в совокупности с имеющимися требованиями в действующем уголовно-процессуальном законодательстве вполне способны обеспечить разумность соблюдения сроков, равно как и реализацию системы принципов российского судопроизводства без каких-бы то ни было уточнений оценочной категории «разумности» в российском законодательстве.

Библиография

1. Поляков, М. П. Корректируемая законность как принцип уголовного процесса / М. П. Поляков // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 473-476.
2. Кушнерев, В. И. Некоторые вопросы реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства в нормах о процессуальных сроках стадии возбуждения уголовного дела / В. И. Кушнерев // Наука и новация: современные проблемы теории и практики права: сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках IV Международного Фестиваля науки, Москва, 20–21 февраля 2019 года. – Москва: Московский государственный областной университет, 2019. – С. 168-170.
3. Кушнерев, В. И. Структура нормы-принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» в российском праве / В. И. Кушнерев // Академическая мысль. – 2018. – № 1(2). – С. 115-118.
4. Урывкова, А. Е. Некоторые проблемы правового регулирования процессуальных сроков в стадии возбуждения уголовного дела / А. Е. Урывкова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2021. – Т. 2, № 4 (100). – С. 120-133. – DOI: 10.51965/2076-7919_2021_2_4_120
5. Родионова, Ю. В. Особенности исчисления процессуальных сроков на стадии возбуждения уголовного дела / Ю. В. Родионова, Е. А. Курнышева // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2015. – № 4 (10). – С. 129-132.
6. Стуконог, И. В. Сравнительный анализ регламентации процессуальных сроков по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и УПК России / И. В. Стуконог // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1 (50). – С. 168-174.
7. Ростова, В. Н. Процессуальная регламентация начала уголовного процесса согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 года / В. Н. Ростова // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник статей по материалам XVI международной научно-практической конференции. Том № 11 (15): Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2018. – С. 86-92.
8. Титов, Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России: учебное пособие / Ю.П. Титов. – Москва: Проспект, 1997. – 472 с.
9. Волынец, К. И. Исторические предпосылки появления положения о разумном сроке уголовного судопроизводства в российском праве / К.И. Волынец // Вестн. Том. гос. ун-та. – Право. – 2012. – № 3 (5). – С. 18-24.
10. Рожков, Д. Г. Истоки появления категории «Разумный срок» в уголовном процессе России / Д.Г. Рожков // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2012. – № 3 (32). – С. 273-276.
11. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года: текст. – Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 646 с.
12. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 3. – Санкт-Петербург: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1867. – 213 с.
13. Строгович, М.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / М.С. Строгович, П.С. Элькинд // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1976. – № 4. – С. 135-137.
14. Баранова, М. А. Разумный срок уголовного судопроизводства как принцип осуществления процессуальной деятельности / М. А. Баранова // Вестник Саратовской

- государственной академии права. – 2010. – № 6 (76). – С. 52-55.
15. Апостолова, Н. Н. Разумный срок уголовного судопроизводства / Н. Н. Апостолова // Российской юстиции. – 2010. – № 9. – С. 63-66.
16. Смолин, А. Ю. Разумный срок уголовного судопроизводства-проявление принципа процессуальной экономии / А. Ю. Смолин // Российский следователь. – 2010. – № 19. – С. 9-11.
17. Петрова, Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности: монография / Г. Б. Петрова; под ред. В. М. Корнукова. – Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2006. – 182 с.
18. Королева, Е. В. Обращение к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела / Е. В. Королева // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 1. – С. 43-47. – DOI: 10.34076/2410_2709_2021_1_43.
19. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – Режим доступа: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/14493f2b-4975-49d0-86dd-c9ac917436fe/0447a931-4bc9-4ceb-ae92-b32f8d741412.pdf>.
20. Мазюк, Р. В. Процессуальные действия председателя суда для ускорения рассмотрения дела в уголовном судопроизводстве / Р. В. Мазюк, В. С. Логачева // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 4(12). – С. 24-34.
21. Качалова, О. В. Ускоренное досудебное производство в российском уголовном процессе: формирование оптимальных моделей / О. В. Качалова, В. М. Герасенков // Правосудие. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 103-121. – DOI: 10.37399/2686-9241.2022.1.103-121

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема разумности сроков уголовного судопроизводства. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования раскрыта: "Исследование основано на общенаучных и частно-научных методах познания. Благодаря применению общелогических правил выполнения мыслительных операций удалось проанализировать большой объем информационных и научных источников по выбранной теме и синтезировать знание об эволюции уголовно-процессуальных отношений, складывающихся по поводу определения сроков производства. Метод сравнительно-исторического правоведения позволил сформулировать вывод о приверженности законодательной традиции разделения принципов-идей и конкретных правил производства предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Значение принципов уголовного судопроизводства - в их системном влиянии на построение уголовно-процессуальных отношений с момента начала уголовного преследования и до окончания исполнения приговора для всех участников производства по делу. Это идейные руководящие начала для осуществления процессуальных и следственных действий, принятия решений, процесса доказывания и применения мер принуждения. Система принципов уголовного процесса должна быть

константой, инструментом непоколебимости формы, порядка производства. Однако с момента принятия в 2001 году Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), наблюдается совершенно иная история: массовые изменения и корректировки, договорные процедуры, конфиденциальные следственные действия и участники, сложные пути обжалования судебных решений, чуждые принципы построения процессуальной деятельности, – изменения ради «разрешения конкретного казуса» [1, с. 475]. Что и произошло 30 апреля 2010 г. в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ) и с появлением надстроичного принципа над всей системой – «разумности сроков уголовного судопроизводства» (ст. 6.1 УПК РФ). Следует согласиться с мнением ученых, которые указывают, что отсутствие в нормах УПК РФ до 2010 года и в предыдущих Кодексах регламентации сроков уголовного судопроизводства в отдельном принципе не означало непризнание необходимости соблюдения сроков в процессе производства по уголовному делу [2, 3, 4, 5, 6, 7]. И.В. Стуконог отмечает, что при проведении реформы 1864 года уже ставилась задача сохранения «разумной быстроты» уголовного судопроизводства наряду с соблюдением равенства прав сторон [5, с. 33]. Потому нельзя сказать, что имплементация в отечественное законодательство требований о разумности сроков производства по уголовным делам носило новаторский характер, поскольку таковые правила уже имели место быть достаточно давно".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора: "Указанное свидетельствует о том, что уже в нормах дореволюционного законодательства прослеживается формирование правового осмысления необходимости соблюдения разумности сроков уголовного судопроизводства. В силу специфики юридической техники, применяемой законодателем в данный исторический период, говорить о сформированности исследуемой правовой категории, безусловно, не приходится"; "К моменту указанного измышления великого ученого-процессуалиста советской науки в общемировой практике уже получили распространение нормы международных документов о правах человека, в том числе в области уголовной юрисдикции. Поэтому, думается, что теория уголовного процесса стала «напитываться» общемировыми тенденциями применения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 в Риме 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция) и ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого 16 декабря 1966г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, и ратифицированного указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973г. № 4812-VIII с заявлением (далее – Пакт). При этом отечественная наука была более прогрессивна и дальновидна. Ведь прямое толкование указанных международных источников дает нам понимание того, что категория разумности применима к судебным процедурам, однако не охватывает и не способна охватить в absolute все уголовно-процессуальные отношения"; "Если полагать, что ожидаемым эффективным результатом конвергенции международных норм о соблюдении разумности сроков было смешение уголовного, административного и внепроцессуального порядков производства, то эта программа по «запутыванию клубка» юридических норм успешно реализована. Гражданину, чьи права нарушены неоправданным затягиванием сроков производства, достаточно сложно разобраться с порядком компенсации, бесплатного юридического сопровождения не организовано, «автоматически» председатель суда в стадиях судебного разбирательства, прокурор и руководитель следственного органа на этапе досудебного производства соответствующими полномочиями не наделены" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки

и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор выявляет исторически сложившиеся модели правового регулирования сроков уголовного судопроизводства в России и определяет их значение. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Потому нельзя сказать, что имплементация в отечественное законодательство требований о разумности сроков производства по уголовным делам носило новаторский характер, поскольку таковые правила уже имели место быть достаточно давно" - "Потому нельзя сказать, что имплементация в отечественное законодательство требований о разумности сроков производства по уголовным делам носила новаторский характер, поскольку таковые правила уже имели место достаточно давно" (орфографическая и стилистическая ошибки).

Ученый отмечает: "Интерес представляет, то, какие нормотворческие и правоприменительные приемы применялись в целях ускорения судебного разбирательства в разные исторические периоды" - первая запятая является лишней.

Автор указывает: "Постановка указанной задачи, обусловила применение законодателем корреспондирующих юридических конструкций, характеризующих длительность уголовного процесса" - первая запятая является лишней.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 21 источником (монографией, научными статьями, учебным пособием, аналитическими материалами). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Е. В. Королева и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("... фактическое признание недопустимости судебной волокиты и чрезмерной длительности уголовного преследования были предметом обжалования и жесткого контроля во все исторические периоды развития уголовно-процессуальной деятельности. Основным отечественным пресекательным инструментом воздействия на правоприменителя являлось установление предельных сроков производства следственных процессуальных действий, принятия решений. Административные инструменты организационно-распорядительного характера также имели место быть как в эпоху правления Петра Первого, так и в период действия Уставов Уголовного Судопроизводства 1864 года, однако, как верно отмечается в юридической литературе [20, с. 33], их эффективность слаба и вступает в противоречие с процессуальной независимостью субъекта доказывания. Не стоит игнорировать исторические уроки и обременять и без того сложную процессуальную деятельность дополнительными механизмами, содержание которых уже подразумевается в устоявшейся системе принципов. Решение проблемы затягивания сроков досудебного производства может быть, на наш взгляд, в снижении нагрузки следователей по расследованию преступлений средней тяжести, сосредоточения их усилий на наиболее опасных преступлениях. В этой части мы полностью согласны с формами ускорения досудебного производства, предлагаемыми некоторыми учеными [21, с. 120]. В части

ускорения судебного рассмотрения, необходимо предпринять следующие меры процессуального характера: - актуализировать и сократить сроки поступления уголовного дела в суд; - назначить предельные сроки рассмотрения дел о преступлениях небольшой и средней тяжести; - отказаться от повсеместной практики возвращения уголовных дел для устранения препятствий в порядке ст. 237 УПК РФ; - пересмотреть возможность отказа обвиняемого от постановления приговора без проведения судебного разбирательства в связи с его согласием с предъявленным обвинением в ходе предварительного слушания. Подобные и иные меры в совокупности с имеющимися требованиями в действующем уголовно-процессуальном законодательстве вполне способны обеспечить разумность соблюдения сроков, равно как и реализацию системы принципов российского судопроизводства без каких-бы то ни было уточнений оценочной категории «разумности» в российском законодательстве"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного процесса при условии ее небольшой доработки: устраниении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Разумность сроков уголовного судопроизводства - частный случай неоправданной правовой конвергенции, нарушающей исторический уклад».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам установления разумных сроков уголовного судопроизводства. Автором рецензируемой статьи на основе анализа исторического опыта рассматривается проблема необходимости установления разумных сроков уголовного судопроизводства. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, исторические документы и правовые источники, нормы действующего законодательства, материалы судебной практики, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «В настоящем исследовании преследуется цель выявления исторически сложившейся модели правового регулирования сроков уголовного судопроизводства, ее самодостаточности в виде регулятивных приемов на отдельных этапах и в отдельных следственных, судебных и процессуальных действиях». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В статье указано, что «Исследование основано на общенаучных и частно-научных методах познания. Благодаря применению общелогических правил выполнения мыслительных операций удалось проанализировать большой объем информационных и научных источников по выбранной теме и синтезировать знание об эволюции уголовно-процессуальных отношений, складывающихся по поводу определения сроков производства. Метод сравнительно-исторического правоведения позволил сформулировать вывод о приверженности законодательной традиции разделения принципов-идей и конкретных правил производства предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «с момента принятия в 2001 году Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), наблюдается совершенно иная история: массовые изменения и корректировки, договорные процедуры, конфиденциальные следственные действия и участники, сложные пути обжалования судебных решений, чуждые принципы построения процессуальной деятельности, – изменения ради «разрешения конкретного казуса» [1, с. 475]. Что и произошло 30 апреля 2010 г. в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ) и с появлением надстроичного принципа над всей системой – «разумности сроков уголовного судопроизводства» (ст. 6.1 УПК РФ)».

Следует также положительно оценить использование автором рецензируемой статьи примеров из судебной практики. В частности, отметим следующий авторский вывод: «В 2016 году Верховным Судом РФ дано разъяснение нижестоящим судам о неотчуждаемости права на компенсацию за нарушение сроков уголовного процесса (постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 29.03.2016г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»)».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема установления разумных сроков уголовного судопроизводства сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором статьи в том, что «Значение принципов уголовного судопроизводства – в их системном влиянии на построение уголовно-процессуальных отношений с момента начала уголовного преследования и до окончания исполнения приговора для всех участников производства по делу. Это идейные руководящие начала для осуществления процессуальных и следственных действий, принятия решений, процесса доказывания и применения мер принуждения. Система принципов уголовного процесса должна быть константой, инструментом непоколебимости формы, порядка производства».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.
Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «фактическое признание недопустимости судебной волокиты и чрезмерной длительности уголовного преследования были предметом обжалования и жесткого контроля во все исторические периоды развития уголовно-процессуальной деятельности. Основным отечественным пресекательным инструментом воздействия на правоприменителя являлось установление предельных сроков производства следственных процессуальных

действий, принятия решений. Административные инструменты организационно-распорядительного характера также имели место быть как в эпоху правления Петра Первого, так и в период действия Уставов Уголовного Судопроизводства 1864 года, однако, как верно отмечается в юридической литературе [20, с. 33], их эффективность слаба и вступает в противоречие с процессуальной независимостью субъекта доказывания. Не стоит игнорировать исторические уроки и обременять и без того сложную процессуальную деятельность дополнительными механизмами, содержание которых уже подразумевается в устоявшейся системе принципов. Решение проблемы затягивания сроков досудебного производства может быть, на наш взгляд, в снижении нагрузки следователей по расследованию преступлений средней тяжести, сосредоточения их усилий на наиболее опасных преступлениях. В этой части мы полностью согласны с формами ускорения досудебного производства, предлагаемыми некоторыми учеными [21, с. 120]».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«В части ускорения судебного рассмотрения, необходимо предпринять следующие меры процессуального характера: - актуализировать и сократить сроки поступления уголовного дела в суд; - назначить предельные сроки рассмотрения дел о преступлениях небольшой и средней тяжести; - отказаться от повсеместной практики возвращения уголовных дел для устранения препятствий в порядке ст. 237 УПК РФ; - пересмотреть возможность отказа обвиняемого от постановления приговора без проведения судебного разбирательства в связи с его согласием с предъявленным обвинением в ходе предварительного слушания».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с уголовным процессом.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Кушнерев В.И., Мазюк Р.В., Поляков М.П., Родионова Ю.В., Ростова В.Н. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области уголовного процесса.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его

мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье проблемам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Бурцева В.В. Искусственное прерывание беременности как способ реализации и нарушения репродуктивного права женщины: уголовно-правовой взгляд на проблему // Юридические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.9.71752 EDN: FJMWW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71752

Искусственное прерывание беременности как способ реализации и нарушения репродуктивного права женщины: уголовно-правовой взгляд на проблему**Бурцева Виктория Васильевна**

соискатель; кафедра уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовская государственная юридическая академия

410056, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Вольская, 1

A small rectangular portrait of a woman with blonde hair, wearing a white t-shirt, holding a statue of Lady Justice (scale and sword) in front of her.
✉ victoria.perchenko@yandex.ru[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.9.71752

EDN:

FJMWW

Дата направления статьи в редакцию:

19-09-2024

Дата публикации:

26-09-2024

Аннотация: Через призму уголовно-правовых воззрений в статье подняты вопросы понятия и содержания репродуктивного права женщины и необходимости признания искусственного прерывания беременности способом реализации названного права женщины, с одной стороны, и способом его нарушения – с другой. Подчеркивается, что в условиях демографического кризиса злободневен вопрос эффективной уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие по поводу репродуктивного права женщины и его уголовно-правовой охраны. Предметом исследования являются российское современное уголовное законодательство, а также научные труды, отражающие затронутые в работе проблемы. Особое внимание уделяется проблемам нарушения

репродуктивного права женщины и вопросам правовой охраны данного конституционно значимого права. Методологическую основу составляет всеобщий диалектический метод познания. Наряду с ним использованы общенаучные и частно-научные методы: догматический, герменевтический, формально-логический, системный, структурно-функциональный, формально-юридический, правового моделирования и др. Результаты исследования: проведенный анализ показал, что Основной закон страны, здравоохранительное и административно-деликтное законодательство признают репродуктивное право женщины и позитивно решают вопрос относительно его охраны. Однако в действующем российском уголовном законе отсутствует система норм, которые бы эффективно охраняли репродуктивное право женщины. Отсутствие системного подхода в правовом поле негативно сказывается на беспрепятственной реализации важнейшего права женщины. Поэтому нужны дополнительные гарантии такой реализации, функцию которых способна выполнить уголовно-правовая охрана, которая может восполнить недостающее звено системности российского права в анализируемой сфере. Вывод, сделанный в результате исследования: в настоящее время назрела острая потребность в законодательном закреплении специальных норм, в которых необходимо предусмотреть уголовную ответственность за различные посягательства на репродуктивное право женщины.

Ключевые слова:

демографическая политика, уголовно-правовая охрана, преступление, аборт, искусственное прерывание беременности, репродуктивное право, криминализация, общественная опасность, объект преступления, беременность

В настоящее время ведутся научные дискуссии о необходимости или возможности сохранения за женщиной права на искусственное прерывание беременности и о целесообразности эффективной уголовно-правовой охраны ее репродуктивного права [\[1\]](#), [\[2\]](#), [\[3\]](#), [\[4\]](#), [\[5\]](#), [\[6\]](#), [\[7\]](#).

Ведущая роль в решении данной проблемы может принадлежать реформе уголовно-правовых норм в сфере охраны репродуктивного права женщины в контексте искусственного прерывания беременности как способа реализации данного права.

С учетом поставленной проблемы важно рассмотреть искусственное прерывания беременности в качестве способа реализации и нарушения репродуктивного права женщины, а также предложить некоторые пути ее решения.

Для этого прежде всего важно выяснить понятие репродуктивного права и адаптировать его к потребностям уголовного законодательства.

При определении юридической природы репродуктивных прав следует помнить о том, что им присущ комплексный характер. Они включают в себя целый ряд элементарных прав, которые закреплены в международно-правовых документах о правах и свободах человека, в законах и иных правовых актах. И. Г. Пирожкова и И. В. Поминова справедливо указывают, что международное право под репродуктивными правами понимает «часть законных прав и свобод, связанных с воспроизведением и сексуальным здоровьем человека» [\[8, с.52\]](#). М. А. Лаврик разделяет репродуктивные права на две категории: репродуктивные права негативного характера (аборт, стерилизация, контрацепция) и репродуктивные права позитивного характера (искусственное

оплодотворение) [\[9\]](#). Е. С. Плотникова указывает, что репродуктивное право женщины выражается, в том числе, «в зачатии, вынашивании и рождении ребенка» [\[10, с.9\]](#).

С учетом изложенного под репродуктивным правом женщины целесообразно понимать ее право на воспроизведение потомства, выбор количества и времени рождения детей, планирование беременности, право на прерывание нежелательной беременности, а также право на информацию в сфере своего репродуктивного здоровья. Репродуктивное право есть свобода выбора того, желает ли женщина иметь детей, в каком количестве, каким способом женщина желает зачать ребенка. При этом в реализацию данного права никто, включая биологического отца ребенка, не может вмешиваться, так как репродуктивная свобода женщины есть ее неотчуждаемое право.

Адаптированными к реальной жизни и проблемам уголовно-правовой охраны видятся два способа реализации женщиной репродуктивного права: 1) планирование беременности и рождение детей, 2) искусственное прерывание нежелательной беременности. При этом реализация данного права происходит исключительно по свободному волеизъявлению женщины. Данную позицию поддерживает Г. Б. Романовский [\[11, с.9\]](#).

Думается, что законодательная регламентация, защита и охрана репродуктивного права женщины способствует надлежащему правовому регулированию права на искусственное прерывание беременности. Под искусственным прерыванием беременности необходимо понимать медицинское вмешательство медикаментозным и (или) хирургическим методом, в результате которого происходит гибель и (или) изгнание плода из утробы беременной женщины.

С позиции репродуктивного права женщины искусственное прерывание беременности имеет двуаспектное значение, выступая:

- 1) способом реализации данного права, при котором женщина имеет право прервать нежелательную беременность;
- 2) способом нарушения данного права, при котором искусственное прерывание беременности проводится при нарушении порядка проведения искусственного прерывания беременности, а также помимо или вопреки воле беременной женщины.

Поскольку репродуктивное право женщины принадлежит к числу важнейших конституционных прав, его правовая охрана должна быть системной и эффективной. Основной закон страны, здравоохранительное и административно-деликтное законодательство признают репродуктивное право женщины и позитивно решают вопрос относительно его охраны.

Вместе с тем есть основания полагать, что охранительное уголовное законодательство не уделяет должного внимания репродуктивному праву женщины. В связи с этим необходимо признать справедливым следующее утверждение Н. А. Подольского: «Несмотря на значимость для общества и государства защиты репродуктивных прав, структура уголовного законодательства выстроена без их учета» [\[12, с.126\]](#).

В юридической литературе к преступлениям, косвенно затрагивающим репродуктивное право женщины, относят убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) и др [\[12, с.127-128\]](#). Основным объектом названных

преступлений уголовно-правовая доктрина признает жизнь и здоровье личности [\[13, с.143\]](#); [\[14, с.16\]](#).

Проблема уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины частично, опосредованно затрагивается нормативными предписаниями, содержащимися в ст. 123 «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности» УК РФ. Однако названное преступление теоретики уголовного права традиционно относят к преступлениям, ставящим в опасность жизнь и здоровье [\[15, с.66\]](#); [\[16, с.42\]](#).

Кроме того, практическая реализация существующей сегодня нормы ст. 123 УК РФ вызывает много вопросов, связанных с отсутствием надлежащей уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины.

Статья 123 УК РФ в настоящее время находит редкое применение. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2011, 2013 гг. за незаконное производство аборта было осуждено по два человека по ч. 1 и ч. 3 ст. 123 УК РФ; в 2012 г. по ч. 1 ст. 123 УК РФ был осужден один человек, по ч. 3 ст. 123 УК РФ – двое; в 2014 г. – по одному осужденному по ч. 1 и ч. 3 ст. 123 УК РФ; в 2015 г. по ч. 1 ст. 123 УК РФ – один осужденный, по ч. 3 ст. 123 УК РФ – ноль; в 2016, 2017, 2020, 2022, 2023 гг. по ст.123 УК РФ было ноль осужденных; в 2018, 2019, 2021 гг. по ч. 1 ст. 123 УК РФ ноль осужденных, по ч. 3 ст.123 УК РФ – по одному за каждый год.

Как правило, статья 123 УК РФ находит реализацию в правоприменительной практике, если незаконное проведение искусственного прерывания беременности повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть беременной женщины [См.: Приговор Нижнесергинского районного суда Свердловской области от 21 февраля 2008 г. по делу № 1-76/2008. URL: Интернет-проект РосПравосудие: <https://rospravosudie.com/court-nizhneserginskij-rajonnyj-sud-sverdlovskaya-oblast-s/act-102738760/> (дата обращения: 14.09.2024); Приговор Бикинского городского суда Хабаровского края от 27 декабря 2010 г. по делу № 1-233/2010. URL: Интернет-проект РосПравосудие: <https://rospravosudie.com/court-bikinskij-gorodskoj-sud-xabarovskij-kraj-s/act-104115428/> (дата обращения: 14.09.2024); Приговор Александровского районного суда Ставропольского края от 07 июня 2018 г. по делу № 1-57/2018. URL: Интернет-проект: Судебные и нормативные акты РФ: <https://sudact.ru/regular/doc/jDHnwHmTDY0N/> (дата обращения: 14.09.2024).] Обвиняемые были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 123 Уголовного кодекса Российской Федерации, и им было назначено наказание в виде двух лет лишения свободы.

Кроме того, уголовные дела по признакам ч. 1 ст.123 УК РФ возбуждаются в связи с выявлением фактов незаконного искусственного прерывания беременности в процессе различных проверок деятельности медицинских работников [См.: Приговор Заводского районного суда г. Грозного Чеченской Республики от 6 июля 2017 г. по делу № 1-97/2017. URL: Интернет-проект: Судебные и нормативные акты РФ: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-zavodskoi-raionnyi-sud-g-groznogo-chechenskaia-respublika/> (дата обращения: 14.09.2024)].

Как показывает практика судов общей юрисдикции, за несоблюдение нормативных правил проведения искусственного прерывания беременности, в большинстве случаев врачи привлекаются к уголовной ответственности по ч.2 ст.118 УК РФ – причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей [См.: Апелляционное постановление Прохладненского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от

22 декабря 2017 г. по делу № 10-30/2017. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 02.03.2023); Апелляционное постановление Каменского городского суда Алтайского края от 12 сентября 2018 г. по делу № 10-7/2018. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 15.09.2024); Постановление Мирового судьи судебного участка №3 Кировского района г. Саратова от 10 февраля 2016 г. № 1-4/16. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 15.09.2024); Приговор Мирового судьи судебного участка Дебесского района Удмуртской Республики от 10 апреля 2017 г. № 1-1/17. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 15.09.2024); Приговор Мирового судьи судебного участка № 2 Апанасенковского района Ставропольского края от 26 апреля 2017 г. № 1-3/2/17. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 15.09.2024); Приговор Мирового судьи судебного участка № 2 Апанасенковского района Ставропольского края от 26 апреля 2017 г. № 1-3/17. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 15.09.2024)], по ч. 1 ст. 109 УК РФ – причинение смерти по неосторожности [См.: Приговор Марковского городского суда Саратовской области от 15 июня 2018 г. по делу № 1-56/2018. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 15.09.2024); Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 26 февраля 2018 г. по делу № 22-416/2018. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 15.09.2024); Апелляционное постановление Самарского областного суда от 28 февраля 2018 г. по делу № 22-1095/2018. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 15.09.2024)], по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ – совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства с причинением тяжких последствий [См.: Приговор Верховного Суда Республики Алтай от 07 февраля 2017 г. по делу № 2-1/2017. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 16.09.2024)].

В проанализированных и во многих других случаях, встречающихся в судебной практике, происходит нарушение нормативно-правовых актов, регламентирующих проведение искусственного прерывания беременности, врачом акушером-гинекологом. Это дает основание сделать вывод о том, что проведение искусственного прерывания беременности в нарушение установленных правил такой операции является посягательством на репродуктивное право женщины. И в таких ситуациях беременная остается незащищенной вопреки прямому указанию в здравоохранительном законодательстве на необходимость решения проблемы на уголовно-правовом уровне. А значит, и с точки зрения правоприменительной практики, во главу угла должна быть поставлена уголовно-правовая охрана репродуктивного права женщины.

Таким образом, в настоящее время в деятельности правоохранительных и правоприменительных органов отсутствует единая концепция уголовной ответственности лиц, которые провели искусственное прерывание беременности, пренебрегая правовыми нормами, регулирующими правила проведения искусственного прерывания беременности. Одним из возможных решений выявленной проблемы стало бы закрепление на уровне уголовного законодательства репродуктивного права женщины в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, в связи с чем Уголовный кодекс Российской Федерации в данном контексте нуждается в переменах.

Классическим определением объекта преступления в теории российского уголовного права признается следующее: объект преступления – это общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств. Как справедливо отмечает Г.В. Верина, «концепция «объект преступления есть общественные отношения» выдержала испытание временем» [\[17, с.94\]](#). Б. С. Никифоров считал, что «нельзя отделять интересы личности от нее самой и затем выводить личность за рамки общественных

отношений» [\[18, с.83\]](#).

В теории уголовного права современного этапа развития непосредственным объектом преступления «незаконное проведение искусственного прерывания беременности» признаются общественные отношения по обеспечению безопасности жизни и здоровья беременной женщины. Такая трактовка объекта преступного деяния не претерпела изменений за долгую историю и все перипетии советского уголовного права [\[19, с.196\]](#), [\[20, с.63\]](#), [\[21, с.8\]](#), [\[22, с.17\]](#), [\[23, с.21\]](#), [\[24, с.12\]](#).

Необходимо подчеркнуть, что обращаясь к лицу, не имеющему высшего медицинского образования соответствующего профиля, по поводу проведения ей операции по искусственному прерыванию беременности, женщина дает согласие на причинение вреда ее репродуктивному праву, а также ее репродуктивному здоровью. Ввиду чего непосредственным объектом преступления «незаконное проведение искусственного прерывания беременности» целесообразно признать репродуктивное право женщины. С точки зрения концепции объекта преступления – общественных отношений репродуктивное право женщины как объект преступления применительно к проблеме настоящего исследования можно определить через призму общественных отношений, связанных с реализацией женщиной репродуктивного права посредством искусственного прерывания беременности.

Есть основания полагать, что проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим образования соответствующего медицинского профиля, при согласии на то абортируемой, посягает на репродуктивное право беременной женщины и является общественно опасным деянием.

Исходя из вышесказанного считаем целесообразным для усиления уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины состав преступления «незаконное проведение искусственного прерывания беременности» в ныне действующей редакции статьи 123 УК РФ модифицировать, дополнив его признаками, учитывающими согласие беременной женщины на проведение операции.

Повышенную общественную опасность представляет проведение искусственного прерывания беременности без согласия беременной женщины, о чем мы говорили ранее [\[25\]](#). Это обусловлено причинением существенного вреда ее репродуктивному праву, поскольку лишает женщину, помимо ее воли, возможности родить ребенка. Данное обстоятельство позволяет рассматривать отсутствие волеизъявления женщины на искусственное прерывание беременности в качестве критерия криминализации искусственного прерывания беременности без согласия беременной женщины

Необходимо оговориться, что квалификация правоприменителем искусственного прерывания беременности без согласия беременной женщины по ст. 111 УК РФ противоречит здравому смыслу, ибо состав преступления «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» (ст. 111 УК РФ) предназначен для того, чтобы защитить личность от физического насилия, целью которого является причинение вреда здоровью, где прерывание беременности может быть следствием такого причинения вреда. Само по себе искусственное прерывание беременности не может охватываться понятием «тяжкий вред здоровью». В ч. 3 ст. 123 УК РФ в действующей ныне редакции установлен, как выше подчеркивалось, квалифицирующий признак, основой которого является тяжкий вред здоровью, причиненный по неосторожности абортмахером вследствие проведения искусственного прерывания беременности. Посему важно констатировать, что не может умышленный тяжкий вред здоровью причинить по

неосторожности тяжкий вред здоровью. Данную позицию красноречиво подтверждает практика судов общей юрисдикции Российской Федерации [См.: Приговор Уярского районного суда Красноярского края от 8 сентября 2021 г. по делу № 1-82/2021. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 15.09.2024); Приговор Кинельского районного суда Самарской области от 17 мая 2021 г. по делу № 1-95/2021. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 15.09.2024)]. Здесь цель подсудимых была направлена на причинение физических страданий потерпевшим путем насилистических действий, связанных с избиением. При этом прерывание беременности стало результатом такого насилия.

Искусственное прерывание беременности может быть проведено как умышленно, так и быть неосторожным последствием деяния. Неосторожная форма вины возможна при ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей врачом акушером-гинекологом, приведшем к искусственному прерыванию беременности.

В последнее время участились случаи врачебной ошибки при искусственном прерывании беременности, когда происходит перепутывание пациентов. Так, например, в 2019 году в Сеуле [Врачи перепутали пациенток и сделали аборт по ошибке. URL: <https://ru.sputnik.kz/20190925/abort-oshibka-11620327.html> (дата обращения: 17/09/2024)], а в 2024 году в Праге [Перепутали пациенток и сделали аборт не той беременной: страну сотряс скандал. URL: <https://www.kp.ru/daily/27586.5/4911861/> (дата обращения: 14.09.2024)] произошли идентичные случаи: женщины обратились в клинику за плановым осмотром протекания беременности. Однако врачами были перепутаны их медицинские карты с медицинскими картами других пациентов и женщинам было проведено искусственное прерывание беременности против их воли и без их согласия вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей врачом акушером-гинекологом.

По российскому уголовному законодательству подобные последствия могут относиться к причинению тяжкого вреда здоровья по неосторожности. Что, думается, неверно ввиду того, что женщине причиняется ущерб прежде всего ее репродуктивному праву.

Считаем, что в уголовном законодательстве России необходимо предусмотреть уголовную ответственность врачей за преступные действия, нарушающие порядок и принципы оказания медицинской помощи населению. Данный вывод опирается также на суждение А. Г. Блинова о том, что «социальному результатом действия уголовного закона в сфере здравоохранения выступает удержание медицинского работника от совершения общественно опасного действия (бездействия) во время исполнения профессиональных функций» [26, с.72].

Привлечение к уголовной ответственности медицинских работников за ненадлежащее исполнение ими своих профессиональных обязанностей, рассматриваемых через призму темы настоящего исследования, будет способствовать сохранению репродуктивного права женщин и исполнению руководящих начал медицинского законодательства.

Таким образом, в Уголовном кодексе РФ необходимо криминализировать ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей врачом акушером-гинекологом, повлекшее по неосторожности искусственное прерывание беременности.

Еще одним деянием, посягающим на репродуктивное право женщины, является принуждение женщины к искусственному прерыванию беременности, о чём автор указывал ранее [27]. При этом принуждение включает в себя физическое и психическое принуждение [28, с.52]; [29, с.41]; [30]. Считаем, что под принуждением в уголовном праве

необходимо понимать психическое или физическое принуждение потерпевшего в целях получения его согласия на то или иное действие.

Понуждение женщины к искусственному прерыванию беременности может происходить путем: угрозы и (или) применения физического насилия; а также распространения сведений, позорящих честь и достоинство беременной женщины, или иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшей

Считаем, что криминализация понуждения к искусственному прерыванию беременности будет способствовать правовой охране семьи, материнства и детства в целом.

Подытоживая вышеизложенное, подчеркнем, что репродуктивное право женщины необходимо признать самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны. В целях надлежащей защиты данного архиважного конституционно-значимого права целесообразно криминализировать следующие деяния:

- Искусственное прерывание беременности с согласия беременной женщины лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля;
- Искусственное прерывание беременности без согласия беременной женщины;
- Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей врачом акушером-гинекологом, повлекшее по неосторожности искусственное прерывание беременности;
- Понуждение женщины к искусенному прерыванию беременности.

Взятие репродуктивного права женщины под уголовно-правовую охрану, соответственно, признание на уровне российского уголовного законодательства репродуктивного права женщины самостоятельным объектом правовой охраны позволит российскому законодателю сформировать системный подход к вопросам защиты неотъемлемого важнейшего права женщины. О необходимости самостоятельной уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины позволяет вести речь, помимо вышеприведенных аргументов, ст. 2 УК РФ, согласно которой важнейшей задачей уголовного закона России является охрана прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств.

Библиография

1. Газазян М. Г., Хардиков А. В. Почему аборт остается популярным методом регулирования рождаемости в России // Вестник РУДН. Серия: Медицина. – 2009. – №7. – С.142–145.
2. Радшиханова Д. К. Репродуктивные права личности: сущность и правовая природа // Социальное и пенсионное право. – 2007. – № 4. – С. 40–45.
3. Перевозчикова Е. В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2006. – 28 с.
4. Павлова Ю. В. Конституционно-правовое обеспечение свободы репродуктивного выбора как одной из форм реализации права человека на жизнь // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – №1. – С. 39-40.
5. Тимошенко И. В., Чумакова К. Н. Репродуктивные права человека: теория вопроса // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2004. – № 8. – С.195-196.
6. Радченко М. В. Ненадлежащее врачевание в репродуктивной сфере: уголовно-правовой аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 26 с.
7. Крылова Е. Б. Соотношение права женщины на материнство и права ребенка на жизнь

- // Ученые записки. – 2012. – № 5. – С. 29-32.
8. Пирожкова И. Г., Поминова И. В. Международные стандарты и дефиниция репродуктивных прав человека: проблема неопределенности в отечественном правопорядке // Медицина. – 2022. – № 1. – С. 50-59.
9. Лаврик М. А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 3. – С. 16-26.
10. Плотникова Е. С. Репродуктивные права человека и их защита в Российской Федерации и зарубежных странах (конституционно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2023. – 22 с.
11. Романовский Г. Б. О праве на аборт в России и за рубежом // Гражданин и право. – 2017. – № 5. – С. 3-15.
12. Подольный Н. А. Объект уголовно-правовой защиты репродуктивных прав // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2020. – Т. 8. – № 4 (32). – С. 124-131.
13. Загородников Н.И. Преступления против здоровья. – М.: Юрид. лит., 1969. – 166 с.
14. Дядюн К. В. Анализ объективных признаков состава ст. 123 УК РФ: проблемные вопросы законодательного подхода и правоприменения // Адвокат. – 2014. – № 9. – С. 29-35.
15. Уголовное право в 2-х т. Т. 2. Особенная часть: учебник / А.В. Наумов [и др.]; отв. ред. А.В. Наумов, А. Г. Кибальник. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, – 2023. – 499 с.
16. Иванов В. Д. Уголовное законодательство Российской Федерации. Т. 2. Особенная часть. – Ростов-на-Дону: Булат, 1996. – 160 с.
17. Верина Г. В. Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы: монография – М.: Юрлитинформ, 2018. – 200 с.
18. Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву – М.: Госюриздан, 1960. – 228 с.
19. Бедрин А. А. Преступный выкидыш – Нижний Новгород: Нижегор. Печатное Дело, 1915. – 196 с.
20. Киселева М. В. Уголовно-правовая охрана материнства – М.: Юрлитинформ, 2011. – 216 с.
21. Красиков А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. – Саратов: Полиграфист, 1996. – 211 с.
22. Лапшина Н. С. Аборт / под ред. И.Т. Голякова – М.: Юриздан, 1939. – 25 с.
23. Мендельсон Г. А. Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву в свете Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г «Об отмене запрещения аборта» / под ред. В. Д. Меньшагина. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1957. – 64 с.
24. Шаргородский М. Д. Ответственность за преступления против личности. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1953. – 106 с.
25. Бурцева В. В. Уголовно-правовая охрана репродуктивного права женщины: реальность и перспективы // Государство и право России в современном мире: сб. докл. XII Московской юридической недели. В 5 ч. Ч. 4. – М.: Изд. центр Ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. – С. 17-20.
26. Блинов А. Г. Значение уголовно-правового воздействия в здравоохранительном правоотношении // Право. Законодательство. Личность. – 2015. – № 1 (20). – С. 67-72.
27. Бурцева В.В. Репродуктивное право женщины как объект уголовно-правовой охраны: постановка проблемы // Право и политика. 2018. № 7. С.28-35. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.7.26879 URL: https://e-notabene.ru/lpmag/article_26879.html
28. Иванов В. Ф. Уголовно-правовая оценка понуждения: дис. ... канд. юрид. наук. –

Саратов, 1986. – 196 с.

29. Зарипов В. Г. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве: понятие, виды, ответственность: автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2007. – 21 с.
30. Нуркаева Т. Н. Применение насилия и пытки как признаки превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): проблемы законодательной регламентации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2023. – № 4. – С. 62-68.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, искусственное прерывание беременности как способ реализации и нарушения репродуктивного права женщины. Автор сосредоточил свое внимание на анализе уголовно-правового аспекта проблемы. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В настоящее время ведутся научные дискуссии о необходимости или возможности сохранения за женщиной права на искусственное прерывание беременности и о целесообразности эффективной уголовно-правовой охраны ее репродуктивного права [1]; [2]; [3]; [4]; [5]; [6]; [7]. Ведущая роль в решении данной проблемы может принадлежать реформе уголовно-правовых норм в сфере охраны репродуктивного права женщины в контексте искусственного прерывания беременности как способа реализации данного права. С учетом поставленной проблемы важно рассмотреть искусственное прерывания беременности в качестве способа реализации и нарушения репродуктивного права женщины, а также предложить некоторые пути ее решения".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора, к примеру: "С учетом изложенного под репродуктивным правом женщины целесообразно понимать ее право на воспроизведение потомства, выбор количества и времени рождения детей, планирование беременности, право на прерывание нежелательной беременности, а также право на информацию в сфере своего репродуктивного здоровья. Репродуктивное право есть свобода выбора того, желает ли женщина иметь детей, в каком количестве, каким способом женщина желает зачать ребенка. При этом в реализацию данного права никто, включая биологического отца ребенка, не может вмешиваться, так как репродуктивная свобода женщины есть ее неотчуждаемое право"; "С позиции репродуктивного права женщины искусственное прерывание беременности имеет двухаспектное значение, выступая:

1) способом реализации данного права, при котором женщина имеет право прервать нежелательную беременность; 2) способом нарушения данного права, при котором искусственное прерывание беременности проводится при нарушении порядка проведения искусственного прерывания беременности, а также помимо или вопреки воле беременной женщины"; "Статья 123 УК РФ в настоящее время находит редкое применение. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2011, 2013 гг. за незаконное производство аборта было осуждено по два человека по ч. 1 и ч. 3 ст. 123 УК РФ; в 2012 г. по ч. 1 ст. 123 УК РФ был осужден один человек, по ч. 3 ст. 123 УК РФ – двое; в 2014 г. – по одному осужденному по ч. 1 и ч. 3 ст. 123 УК РФ; в 2015 г. по ч. 1 ст. 123 УК РФ – один осужденный, по ч. 3 ст. 123 УК РФ

- ноль; в 2016, 2017, 2020, 2022, 2023 гг. по ст.123 УК РФ было ноль осужденных; в 2018, 2019, 2021 гг. по ч. 1 ст. 123 УК РФ ноль осужденных, по ч. 3 ст.123 УК РФ – по одному за каждый год. Как правило, статья 123 УК РФ находит реализацию в правоприменительной практике, если незаконное проведение искусственного прерывания беременности повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть беременной женщины"; "В проанализированных и во многих других случаях, встречающихся в судебной практике, происходит нарушение нормативно-правовых актов, регламентирующих проведение искусственного прерывания беременности, врачом акушером-гинекологом. Это дает основание сделать вывод о том, что проведение искусственного прерывания беременности в нарушение установленных правил такой операции является посягательством на репродуктивное право женщины. И в таких ситуациях беременная остается незащищенной вопреки прямому указанию в здравоохранительном законодательстве на необходимость решения проблемы на уголовно-правовом уровне. А значит, и с точки зрения правоприменительной практики, во главу угла должна быть поставлена уголовно-правовая охрана репродуктивного права женщины" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор исследует понятие репродуктивного права, анализирует способы его реализации женщиной и его нарушения, выявляет пробелы действующего уголовного законодательства в сфере охраны репродуктивного права женщины и предлагает пути его совершенствования. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 30 источниками (монографиями, диссертационными работами, научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Подытоживая вышеизложенное, подчеркнем, что репродуктивное право женщины необходимо признать самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны. В целях надлежащей защиты данного архиважного конституционно-значимого права целесообразно криминализировать следующие деяния:

- Искусственное прерывание беременности с согласия беременной женщины лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля;
- Искусственное прерывание беременности без согласия беременной женщины;
- Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей врачом акушером-гинекологом, повлекшее по неосторожности искусственное прерывание беременности;
- Понуждение женщины к искусенному прерыванию беременности.

Взятие репродуктивного права женщины под уголовно-правовую охрану, соответственно, признание на уровне российского уголовного законодательства репродуктивного права женщины самостоятельным объектом правовой охраны позволит российскому законодателю сформировать системный подход к вопросам защиты неотъемлемого важнейшего права женщины. О необходимости самостоятельной

уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины позволяет вести речь, помимо вышеприведенных аргументов, ст. 2 УК РФ, согласно которой важнейшей задачей уголовного закона России является охрана прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, семейного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Ревенко Н.И. Доказывание по делам о мошенничествах, совершенных способом «Ваш родственник попал в беду» // Юридические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.9.71792 EDN: DUHVGQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71792

Доказывание по делам о мошенничествах, совершенных способом «Ваш родственник попал в беду»**Ревенко Наталья Ивановна**

кандидат юридических наук

доцент; кафедра уголовного процесса и криминалистики; Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

644099, Россия, Омская область, г. Омск, ул. Красина, 2, кв. 40

✉ revenko.ni@mail.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.9.71792

EDN:

DUHVGQ

Дата направления статьи в редакцию:

19-09-2024

Дата публикации:

26-09-2024

Аннотация: Предметом исследования является процесс уголовно-процессуального доказывания по делам о мошенничестве, совершенном способом «Ваш родственник попал в беду». Данный способ мошенничества реализуется, как правило, группой лиц, и задача следователя при осуществлении предварительного расследования – собрать, проверить и оценить совокупность доказательств, указывающих на определенную форму соучастия при совершении преступления, закрепленную в Уголовном кодексе РФ. На основе анализа уголовных дел исследуется типичная совокупность идеальных и материальных следов, которые фиксирует следователь в соответствующих видах уголовно-процессуальных доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Эта совокупность доказательств дает следователю основания утверждать, что при совершении мошенничества участники преступной

группы заранее планируют преступления, распределяют роли и осуществляют совместную согласованную деятельность по реализации преступного замысла. Исследование проведено с использованием общенаучных методов познания: анализа, синтеза, дедукции, аналогии; эмпирических методов: описания, сравнения, а также частнонаучных методов: правосоциологического, формально-юридического. Проведенный анализ уголовных дел по мошенничествам, совершенным способом «Ваш родственник попал в беду», позволил выделить совокупность доказательств, дающих основание квалифицировать данные преступления как совершенные группой лиц по предварительному сговору. Вместе с тем в работе обозначена проблема недоступности для правоохранительных органов информации из мессенджера «Телеграм» о планировании и подготовке преступлений, что делает невозможным установление организаторов и других членов преступной группы и не позволяет квалифицировать действия соучастников как совершенные организованной группой. Последнее является важным с точки зрения привлечения к уголовной ответственности всех членов преступной группы и более точной квалификации и определения тяжести преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору. Отмеченное должно повлечь адекватные деятельности организованной преступной группы вид и размер уголовного наказания. Только в этом случае можно действительно повысить эффективность правоохранительной системы в вопросах профилактики и борьбы с рассматриваемым видом мошенничества.

Ключевые слова:

мошенничество, мошенник, расследование, соучастие в преступлении, группа лиц, организованная группа, устойчивость преступной группы, доказывание, профилактика мошенничества, наказание

Профилактическая работа по предупреждению дистанционного мошенничества, в том числе в отношении пожилых людей, безусловно, привела к определенным положительным результатам. В частности, пожилые люди не отвечают на звонки на сотовый телефон с незнакомых номеров, не пользуются онлайн-банком. Однако мошенники, зная эти особенности поведения пожилых людей, стали совершать преступления с учетом данной информации. В частности, в настоящее время пожилые люди все чаще становятся жертвами мошенников, совершающих преступление способом «Ваш родственник попал в беду». Реализуя этот способ, преступники звонят пожилым людям на стационарный телефон, убеждают передать деньги курьеру, а не переводить их через онлайн-банк.

Очевидно, что данный способ мошенничества может реализовываться только группой лиц с распределением ролей. Так, организаторы и исполнители преступления общаются с потерпевшими дистанционно, представляясь работниками различных, в том числе правоохранительных, органов и, как следствие, сами забрать у потерпевших наличные денежные средства не могут. Для реализации преступного замысла в преступную группу непременно вовлекается курьер, задача которого – забрать наличные деньги у обманутых потерпевших и перевести их на указанный ему банковский счет.

В этой связи при расследовании данного способа мошенничества перед следователем стоит задача – собрать необходимую совокупность доказательств, указывающих на совершение преступления группой лиц в соучастии, которая осложняется тем, что в настоящее время установить всех участников преступления не представляется

возможным. Использование мошенниками IP-технологий при осуществлении звонков, общение членов группы через закрытый мессенджер «Телеграм» приводит к тому, что по делам данной категории к уголовной ответственности привлекается только мошенник-курьер. Личности организаторов и других членов преступной группы не устанавливаются. Н. В. Шепель отмечает, что «расследование мошеннических преступлений, совершенных с использованием средств сотовой связи и сети Интернет, требует от должностных лиц, его осуществляющих, углубленного анализа схем и способов совершения таких преступлений и вместе с тем индивидуального подхода к каждому выявленному факту мошенничества подобного рода, а также использования специальных познаний в области информационно-телекоммуникационных технологий» [\[1, с. 87\]](#).

Вопросы доказывания по делам о мошенничестве изучались А. К. Щербаченко [\[2\]](#), В. В. Соловьевым [\[3\]](#), А.В. Агутиным, Е. З. Трошкиным [\[4\]](#),Д. И. Ураковым [\[5\]](#), однако авторами не рассматривался вопрос о доказывании формы соучастия преступления по делам о мошенничестве, совершенным способом «Ваш родственник попал в беду».

В соответствии со ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Факт совершения мошенничества группой лиц подтверждается определенной совокупностью доказательств. В первую очередь это показания потерпевших, которые в ходе допроса подробно рассказывают о том, как стали жертвами мошенничества. Во многих случаях потерпевшие сообщают следователю о том, что звонили два человека. Один из них представился следователем или прокурором. Второй звонивший потерпевшему является якобы близким родственником. В данной ситуации, зная криминалистическую характеристику личности мошенников [\[6, с. 232\]](#), можно было бы выдвинуть версию, что с потерпевшим общалось одно и то же лицо. Однако в практике встречаются ситуации, когда разговор вели мужчина как представитель правоохранительных органов и женщина, говорившая от имени якобы близкого родственника, попавшего в дорожно-транспортное происшествие и нуждающегося в финансовой помощи. Например, потерпевшая по уголовному дела пояснила, что «в трубке услышала женский голос, женщина плакала и называла ее мамой, говорила, что это ее дочь, что попала в аварию. После чего с ней стал разговаривать мужчина» [Приговор Кировского районного суда г. Томска от 29.12.2023 по делу № 1-104/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/c08euDEapBN0/>].

Также о наличии в преступной группе двух и более лиц свидетельствует то, что мошенники просят потерпевшего передать деньги курьеру, называя его имя и согласовывая время. Имя мошенника-курьера, очевидно, выдуманное, но человек, которому передают деньги потерпевшие, представляется именно этим именем. Доказательствами совершения преступления двумя и более лицами являются также показания свидетелей.

В качестве доказательств выступают и показания задержанного мошенника-курьера, допрашиваемого в качестве подозреваемого. Как показывает практика, в большинстве случаев курьеры дают признательные показания, подробно рассказывают о том, как были вовлечены в преступную группу и о ее преступной деятельности. Согласно материалам уголовных дел, в своих показаниях курьеры рассказывают о механизме вовлечения их в преступную группу, для чего чаще всего используется мессенджер «Телеграм». Через данный ресурс происходит общение с куратором, который сопровождает курьера при совершении нескольких преступлений. Куратор сообщает

адреса потерпевших; называет имя, которым необходимо представиться; сумму, которая должна быть передана мошеннику-курьеру, а также сообщает сумму похищенных денежных средств, которая должна быть перечислена другим участникам преступной группы.

Важными материальными следами для доказывания совместных действий мошенников являются следы, сохраняющиеся в сотовом телефоне мошенника-курьера [7, с. 65], которые позволяют получить данные о контактах с кураторами преступной группы, о вызове мошенником такси для проезда к месту жительства потерпевшего и обратно, как правило, до торгового центра, филиала банка, где находится банкомат для перечисления похищенных денег другим участникам преступной группы. К рассматриваемой группе следов относятся данные банковской карты, оформленной на одного из соучастников преступления, куда курьер перечисляет похищенные денежные средства, и данные по банковской операции перевода определенной денежной суммы, которая соответствует похищенной у потерпевших за минусом в среднем 5 – 10%, которые вычтены для оплаты преступных действий курьера.

Совокупность приведенных следов позволяет доказывать наличие договоренности о распределении ролей в целях осуществления преступления. Мошенники, курирующие преступление, четко обозначают действия, которые должны совершить лица, звонящие потерпевшим по телефону, и действия, которые должен совершить мошенник-курьер. Последнему дается подробная инструкция, включающая в себя имена потерпевших; имя, которым должен называться сам курьер; сумму денежных средств, которую необходимо похитить; сумму денежного вознаграждения курьеру, которую он может забрать себе после совершения преступления; банковские реквизиты, куда необходимо перевести похищенные деньги сразу после совершения преступления.

Необходимо подчеркнуть, что в преступной группе не просто распределяются роли, но и дается вполне подробная инструкция с конкретными пошаговыми действиями, которые должен совершить мошенник-курьер; даются рекомендации по поведению курьера в момент общения с потерпевшими.

Таким образом, совокупность перечисленных доказательств при их надлежащем сборе и фиксации позволяет получить достаточную доказательственную базу и квалифицировать преступления как совершенные группой лиц по предварительному сговору.

А. А. Бессонов отмечает, «успех в противодействии киберпреступности зиждется на своевременном выявлении конкретных преступлений, установлении всех обстоятельств и совершивших их лиц...» [8, с. 111]. Использование преступниками мессенджера «Телеграм», как правило, не позволяет правоохранительным органам устанавливать всех членов преступной группы [9, с. 36]. Данный вопрос, находящийся отчасти в плоскости морально-нравственных категорий, должен найти свое конструктивное разрешение, поскольку, апеллируя к категориям «свобода личности», «конфиденциальность» и др., нельзя прямо или косвенно препятствовать торжеству закона, возможности поиска и задержания организаторов и членов организованных преступных групп, жертвами которых регулярно по всей стране становятся сотни тысяч граждан. Причем большой процент потерпевших – это люди пожилого возраста, защите которых государство должно уделять особое внимание.

Невозможность в настоящее время установить в ходе расследования организаторов и исполнителей преступлений, совершенных дистанционно, приводит к сложностям в определении и доказывании следователем формы соучастия в преступлении. Анализ

практики расследования подобных преступлений показывает, что в большинстве случаев следователь и суд приходят к выводу, что преступления совершены группой лиц по предварительному сговору. Вместе с тем есть все основания считать, что данные преступления могут квалифицироваться как совершенные организованной группой.

Правильность квалификации, как справедливо отмечает Н. К. Семернёва, «означает прежде всего торжество принципов, закрепленных в уголовном законе: законности, равенства граждан перед законом, личной индивидуальной ответственности, справедливости» [\[10, с. 16\]](#). Квалификация преступления тесно связана с видом и размером наказания.

В настоящее время анализ судебной практики свидетельствует о том, что при назначении уголовного наказания мошенникам-курьерам в недостаточной степени учитывается их роль в преступной группе, а последняя не определяется как «организованная». Как следствие, оценка судом тяжести преступного деяния курьера является не вполне обоснованной, что приводит к осуждению их на относительно незначительные сроки лишения свободы.

В действительности при совершении преступления мошенник-курьер играет в нем ключевую роль – непосредственно забирает денежные средства и лично контактирует с потерпевшими, прекрасно понимая их возраст и соответствующее ему состояние здоровья. В этой связи данный участник группы получает, по нашему мнению, наказание, несоразмерное тяжести совершенного преступления. При условии, что организаторов и других членов преступной группы, как правило, не задерживают, это приводит к тому, что все усилия по профилактике данного вида преступлений не дают положительного эффекта [\[11, с. 21\]](#). Это нивелирует усилия всей правоохранительной системы по предупреждению и профилактике данного вида дистанционного мошенничества. Более того, несоразмерность наказания тяжести преступления влечет высокий процент рецидива лиц, осужденных за совершение мошенничества данным способом.

Необходимо принять во внимание, что тяжесть совершенного мошенниками-курьерами преступления определяется значительными суммами денежных средств, которые они похищают у пожилых, зачастую немощных и одиноких людей, для которых последствия эмоционального потрясения, очевидно, негативно влияют на состояние их здоровья. Данный аспект суд практически не учитывает при определении вида и размера наказания курьерам. При этом весьма противоречивыми являются характеристики мошенников-курьеров, которые учитываются судом при смягчении наказания. В частности, судом принимается во внимание положительные характеристики по месту жительства и т.д., что явно противоречит их реальному поведению, когда мошенник-курьер в течение одного дня может сознательно и планомерно похитить большие суммы денег (не исключено, что последние накопления) у немощных пожилых людей.

Результаты исследования позволяют сделать заключение, что комплекс материальных и идеальных следов, остающихся после совершения мошенничества способом «Ваш родственник попал в беду», при надлежащих сборе, проверке и фиксации позволит следователю обеспечить доказывание того, что преступление совершено группой лиц по предварительному сговору.

Требует особого внимания оценка преступной деятельности одного из соучастников – мошенника-курьера, которому, как правило, назначается незначительное наказание, несмотря на то, что он играет определяющую роль в совершении и непосредственно

завершении преступления, а именно похищении наличных денежных средств у потерпевших. Данные преступные действия, совершенные в группе лиц по предварительному сговору, должны получать соответствующую правовую оценку при назначении судом вида и размера наказания.

Решение комплекса вопросов по сбору доказательств о действиях преступной группы, в том числе при возможности получения информации из мессенджера «Телеграм» и иных закрытых интернет-ресурсов, позволит более точно квалифицировать мошенничества, совершаемые либо группой лиц по предварительному сговору, либо организованной преступной группой. Это является крайне важным, во-первых, с точки зрения привлечения к уголовной ответственности всех членов преступной группы и, во-вторых, для более точной квалификации и определения тяжести совершенных преступлений. В результате появится возможность более точно определять вид и размер наказания за совершенные мошенниками преступления, повысить эффективность борьбы и профилактический эффект деятельности правоохранительной системы.

Библиография

1. Шепель Н. В. Получение сведений доказательственного значения при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием средств сотовой связи и сети интернет // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (63). С. 84-87.
2. Щербаченко А. К. Базовая методика расследования мошенничеств, совершенных группой лиц: теоретические основы и прикладные аспекты : автореф. дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону. 2022. 54 с.
3. Соловьев В. В. Организация доказывания в досудебном производстве по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.11, 12.00.09. Москва. 2013. 23 с.
4. Агутин А. В., Трошкин Е. З., Соловьев В. В. Организация доказывания в досудебном производстве по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества: основания и структура : монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. 144 с.
5. Ураков Д. И. Уголовное преследование по уголовным делам о мошенничестве в сфере экономической деятельности : монография; под научной редакцией профессора А. С. Александрова. Москва : Юрлитинформ, 2018. 195 с.
6. Ревенко Н. И. Криминалистическая характеристика личности преступника и жертвы мошенничества, совершенного способом «Ваш родственник попал в беду» // Закон и право. 2024. № 8. С. 229-233. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-8-229-233.
7. Ревенко Н.И. Материальные и электронно-цифровые следы как элемент криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных способом «Ваш родственник попал в беду» // Юридические исследования. 2024. № 8. С.58-66. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.8.71604 EDN: RZJBHD URL: https://e-notabene.ru/lr/article_71604.html
8. Бессонов А. А. Проблемные вопросы установления признаков организованной группы по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 1. С. 108-119. DOI: 10.61205/S160565900027800-4.
9. Павлинов А. В., Помыкалова И. В. «Телефонное мошенничество» (ст. 159 УК РФ) и провокация дачи взятки как новая угроза безопасности Российского государства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 35-40. DOI: 10.61205/jzsp.2023.048.
10. Семернёва Н. К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная) : науч.-практ. пособие. Москва : Проспект ; Екатеринбург : Издательский дом «Урал. гос. юрид.

акад.», 2010. 296 с.

11. Семенихина Т. Н. Профилактика мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Общество и право. 2023. № 2 (84). С. 20-23.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, доказывание по делам о мошенничествах, совершенных способом «Ваш родственник попал в беду». Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Профилактическая работа по предупреждению дистанционного мошенничества, в том числе в отношении пожилых людей, безусловно, привела к определенным положительным результатам. В частности, пожилые люди не отвечают на звонки на сотовый телефон с незнакомых номеров, не пользуются онлайн-банком. Однако мошенники, зная эти особенности поведения пожилых людей, стали совершать преступления с учетом данной информации. В частности, в настоящее время пожилые люди все чаще становятся жертвами мошенников, совершающих преступление способом «Ваш родственник попал в беду». Реализуя этот способ, преступники звонят пожилым людям на стационарный телефон, убеждают передать деньги курьеру, а не переводить их через онлайн-банк.

Очевидно, что данный способ мошенничества может реализовываться только группой лиц с распределением ролей. Так, организаторы и исполнители преступления общаются с потерпевшими дистанционно, представляясь работниками различных, в том числе правоохранительных, органов и, как следствие, сами забрать у потерпевших наличные денежные средства не могут. Для реализации преступного замысла в преступную группу непременно вовлекается курьер, задача которого – забрать наличные деньги у обманутых потерпевших и перевести их на указанный ему банковский счет. В этой связи при расследовании данного способа мошенничества перед следователем стоит задача – собрать необходимую совокупность доказательств, указывающих на совершение преступления группой лиц в соучастии, которая осложняется тем, что в настоящее время установить всех участников преступления не представляется возможным. Использование мошенниками IP-технологий при осуществлении звонков, общение членов группы через закрытый мессенджер «Телеграм» приводит к тому, что по делам данной категории к уголовной ответственности привлекается только мошенник-курьер. Личности организаторов и других членов преступной группы не устанавливаются. Н. В. Шепель отмечает, что «расследование мошеннических преступлений, совершенных с использованием средств сотовой связи и сети Интернет, требует от должностных лиц, его осуществляющих, углубленного анализа схем и способов совершения таких преступлений и вместе с тем индивидуального подхода к каждому выявленному факту мошенничества подобного рода, а также использования специальных познаний в области информационно-телекоммуникационных технологий» [1, с. 87]". Ученым раскрыта степень изученности проблемы: "Вопросы доказывания по делам о мошенничестве изучались А. К. Щербаченко [2], В. В. Соловьевым [3], А.В. Агутиным, Е. З. Трошкиным [4], Д. И. Ураковым [5], однако авторами не рассматривался вопрос о

доказывании формы соучастия преступления по делам о мошенничестве, совершенным способом «Ваш родственник попал в беду»".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора, к примеру: "В качестве доказательств выступают и показания задержанного мошенника-курьера, допрашиваемого в качестве подозреваемого. Как показывает практика, в большинстве случаев курьеры дают признательные показания, подробно рассказывают о том, как были вовлечены в преступную группу и о ее преступной деятельности. Согласно материалам уголовных дел, в своих показаниях курьеры рассказывают о механизме вовлечения их в преступную группу, для чего чаще всего используется мессенджер «Телеграм». Через данный ресурс происходит общение с куратором, который сопровождает курьера при совершении нескольких преступлений. Куратор сообщает адреса потерпевших; называет имя, которым необходимо представиться; сумму, которая должна быть передана мошеннику-курьеру, а также сообщает сумму похищенных денежных средств, которая должна быть перечислена другим участникам преступной группы"; "К рассматриваемой группе следов относятся данные банковской карты, оформленной на одного из соучастников преступления, куда курьер перечисляет похищенные денежные средства, и данные по банковской операции перевода определенной денежной суммы, которая соответствует похищенной у потерпевших за минусом в среднем 5 – 10%, которые вычтены для оплаты преступных действий курьера"; "Использование преступниками мессенджера «Телеграм», как правило, не позволяет правоохранительным органам устанавливать всех членов преступной группы [9, с. 36]. Данный вопрос, находящийся отчасти в плоскости морально-нравственных категорий, должен найти свое конструктивное разрешение, поскольку, апеллируя к категориям «свобода личности», «конфиденциальность» и др., нельзя прямо или косвенно препятствовать торжеству закона, возможности поиска и задержания организаторов и членов организованных преступных групп, жертвами которых регулярно по всей стране становятся сотни тысяч граждан. Причем большой процент потерпевших – это люди пожилого возраста, защите которых государство должно уделять особое внимание"; "В настоящее время анализ судебной практики свидетельствует о том, что при назначении уголовного наказания мошенникам-курьерам в недостаточной степени учитывается их роль в преступной группе, а последняя не определяется как «организованная». Как следствие, оценка судом тяжести преступного деяния курьера является не вполне обоснованной, что приводит к осуждению их на относительно незначительные сроки лишения свободы" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор исследует особенности доказывания по делам о мошенничествах, совершенных способом «Ваш родственник попал в беду», выявляет соответствующие проблемы и предлагает пути их решения. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 11 источниками (монографиями, диссертационными работами, научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы

обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Результаты исследования позволяют сделать заключение, что комплекс материальных и идеальных следов, остающихся после совершения мошенничества способом «Ваш родственник попал в беду», при надлежащем сборе, проверке и фиксации позволит следователю обеспечить доказывание того, что преступление совершено группой лиц по предварительному сговору. Требует особого внимания оценка преступной деятельности одного из соучастников – мошенника-курьера, которому, как правило, назначается незначительное наказание, несмотря на то, что он играет определяющую роль в совершении и непосредственно завершении преступления, а именно похищении наличных денежных средств у потерпевших. Данные преступные действия, совершенные в группе лиц по предварительному сговору, должны получать соответствующую правовую оценку при назначении судом вида и размера наказания. Решение комплекса вопросов по сбору доказательств о действиях преступной группы, в том числе при возможности получения информации из мессенджера «Телеграм» и иных закрытых интернет-ресурсов, позволит более точно квалифицировать мошенничества, совершаемые либо группой лиц по предварительному сговору, либо организованной преступной группой. Это является крайне важным, во-первых, с точки зрения привлечения к уголовной ответственности всех членов преступной группы и, во-вторых, для более точной квалификации и определения тяжести совершенных преступлений. В результате появится возможность более точно определять вид и размер наказания за совершенные мошенниками преступления, повысить эффективность борьбы и профилактический эффект деятельности правоохранительной системы"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, уголовного процесса при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Чагина Е.М., Сысоев Ю.Е. Административная и уголовная ответственность за нарушение прав потребителей в законодательстве Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовое исследование // Юридические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.9.71826 EDN: IEBECU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71826

Административная и уголовная ответственность за нарушение прав потребителей в законодательстве Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовое исследование**Чагина Елизавета Михайловна**

младший научный сотрудник; Центр частного права; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черёмушкинская, 31

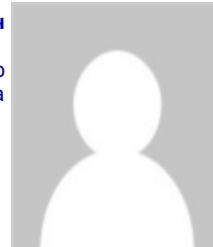
✉ chagina.elizaveta1997@mail.ru

Сысоев Юрий Евгеньевич

старший преподаватель; кафедра организации деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения; Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел имени В.Я. Кикотя

117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12

✉ support_mosu@mvdu.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.9.71826

EDN:

IEBECU

Дата направления статьи в редакцию:

23-09-2024

Дата публикации:

30-09-2024

Аннотация: Российская Федерация и Республика Беларусь состоят в ряде

интеграционных объединений, таких как Евразийский экономический союз и Союзное государство, членство в которых предполагает сближение национального правового регулирования в ряде сфер с целью создания правовых основ функционирования единого экономического пространства. Это касается в том числе гармонизации законодательства в сфере защиты прав потребителей. Однако необходимо учитывать, что охрана и защита прав потребителей осуществляется не только частно правовыми, но и публично-правовыми средствами. Это актуализирует вопрос о необходимости и возможности гармонизации положений национального законодательства, устанавливающих уголовную и административную ответственность за нарушение прав потребителей. Кроме того, сравнительный анализ норм уголовного и административного законодательства двух стран в указанной сфере представляет интерес еще и потому, что позволяет сопоставить различные подходы к регулированию публично-правовой ответственности за нарушение прав потребителей и учесть релевантный опыт правового регулирования другой страны при развитии национального законодательства. Методология исследования обусловлена его предметом. В качестве основных методов авторами используются сравнительно-правовой, формально-юридический методы, метод анализа и толкования нормативно-правовых актов. В результате исследования делается вывод, что в настоящее время полная гармонизация положений национального уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, устанавливающих ответственность за нарушение прав потребителей, не является необходимой. В ходе развития национального законодательства может учитываться опыт другого государства, однако прежде всего необходимо опираться на состояние национального правового регулирования в области защиты прав потребителей. Также обосновывается вывод о формировании различных подходов к установлению публично-правовой ответственности в двух странах: если в Российской Федерации основной акцент делается на мерах административно-правового воздействия, что обусловило развитие положений законодательства об административных правонарушениях и декриминализацию ряда деяний, посягающих на права потребителей, то в Республике Беларусь законодатель исходит из необходимости более широкого применения мер уголовно-правового воздействия, в то время как административно-правовое регулирование носит фрагментарный характер.

Ключевые слова:

защита прав потребителей, уголовное право, преступление, декриминализация, административное право, административное правонарушение, публично-правовая ответственность, Евразийский экономический союз, Союзное государство, гармонизация законодательства

Общие замечания

В современных экономических условиях и охрана и защита прав граждан – потребителей товаров и услуг является не менее значимой задачей государства, чем обеспечение прав предпринимателей. Создание должного уровня гарантий прав потребителей крайне важно для экономики, поскольку потребительский спрос является мощным фактором ее развития. Так, по данным Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) доля потребительских расходов в ВВП стран – участниц Евразийского экономического союза превышает (далее – ЕАЭС) 50% (<https://potrebitel.eaeunion.org/ru>). Кроме того, защита прав граждан как потребителей является также проявлением социальной функции

государства, поскольку призвана в том числе дать им доступ к различного рода социальным благам и обеспечить достойный уровень жизни. В связи с этим в литературе отмечается, что «охрана и обеспечение эффективной защиты прав потребителей относятся к приоритетным направлениям развития современных правопорядков, ориентированных на построение гражданского общества, правового и социального государства». [1, с. 15]

Указанные обстоятельства предопределяют необходимость обеспечения гарантий прав потребителей нормами не только частного, но и публичного права, а именно посредством установления административной и уголовной ответственности, что позволяет государству предотвращать, во-первых, массовые, а во-вторых, наиболее общественно опасные нарушения прав потребителей. Сказанное в полной мере относится как к законодательству Российской Федерации, так и законодательству Республики Беларусь. Ст. 43 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон РФ «О защите прав потребителей») установлено, что нарушение прав потребителей влечет наступление не только гражданско-правовой, но и в случаях, предусмотренных законом, уголовной и административной ответственности. Из положений ст. 42 и 43 Закона Республики Беларусь от 09.01.2002 № 90-З «О защите прав потребителей» (далее – Закон РБ «О защите прав потребителей») следует, что законодательство Республики Беларусь устанавливает за нарушение прав потребителей как гражданскую, так и административную и уголовную ответственность.

Между тем необходимо отметить следующее. Обе страны являются членами ряда региональных объединений, участие в которых предполагает гармонизацию законодательства в области защиты прав потребителей, что актуализирует вопрос о том, предполагает ли это сближение только положений законодательства, регулирующего гражданско-правовые отношения с участием потребителей, или также положений законодательства уголовного и административного, регулирующего публично-правовые отношения, связанные с привлечением к публичной ответственности лиц, совершивших преступления либо административные правонарушения, которые посягают на права потребителей.

Российская Федерация и Республика Беларусь являются членами ЕАЭС, в рамках которого в соответствии с Договором о ЕАЭС 2014 г. государства-члены обязуются проводить согласованную политику в области охраны и защиты прав потребителей (ст. 61), в том числе принимать меры, направленные на сближение законодательства стран-участниц, то есть установление сходного, сопоставимого регулирования в вопросах защиты прав потребителей (подп. 5 п. 3 Приложения № 13 к Договору о ЕАЭС). Однако означает ли это сближение мер уголовного и административного законодательства в части ответственности за деяния, посягающие на права потребителей? Необходимо отметить, что ЕЭК обладает полномочиями по выработке рекомендаций для стран – членов ЕАЭС, определяющих направления совершенствования правового регулирования в области защиты прав потребителей (подп. 2 п. 6 Приложения № 13 к Договору о ЕАЭС). Между тем такие рекомендации содержат положения, касающиеся гражданско-правового регулирования договорных отношений с участием потребителей, в вопросах же установления мер публично-правовой ответственности за нарушение прав потребителей ЕЭК исходит из того, что данная сфера относится сугубо к компетенции национального законодателя, поэтому, как правило, рекомендации не содержат положений, касающихся данного вопроса. В качестве единственного исключения может быть названа Рекомендация Коллегии ЕЭК от 21.05.2019 № 15 «Об общих вопросах к

установлению особых мер защиты прав и интересов отдельных категорий потребителей», в которой указывается, что в целях защиты уязвимых категорий потребителей, таких как инвалиды, несовершеннолетние, лица пожилого возраста и т.п., законодательство стран – участниц ЕАЭС может предусматривать особые меры по защите прав и интересов таких лиц, в том числе специальные меры ответственности за введение их в заблуждение относительно потребительских свойств, качества или доступности товара, а также за отказ им в доступе к товарам, работам или услугам (п. 6). Формулировка названного положения дает основания для вывода о том, что в данном случае речь может идти в том числе об установлении в национальном законодательстве публично-правовой, например, административной, ответственности за нарушение прав таких лиц, однако прямого требования закрепления таких мер в Рекомендации не содержится.

Из сказанного следует вывод, что в рамках ЕАЭС, очевидно, предполагается сближение в первую очередь гражданско-правового регулирования в области защиты прав потребителей, тогда как установление мер публично-правовой ответственности отнесено к сфере усмотрения национального законодателя. Однако в связи с этим нельзя не отметить, что совершенствование гражданско-правового регулирования потребительских отношений обычно влечет также модернизацию системы мер публично-правовой ответственности за нарушение прав потребителей: так, например, в Российской Федерации изменения Закона РФ «О защите прав потребителей» повлекло преобразование норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), устанавливающих ответственность за нарушение прав потребителей, в том числе включение в Кодекс новых составов административных правонарушений в данной области. [2]

Россия и Беларусь также являются членами Союзного государства, созданного на основании Договора от 1999 г. Сама идея создания Союзного государства заключается в «единении народов двух стран в демократическое правовое государство» (ст. 1). Это предопределяет более глубокий характер интеграционных процессов, в том числе процессов гармонизации и последующей унификации законодательства в области охраны и защиты прав потребителей.

В частности, Договором предусматривается установление в рамках Союзного государства единых правил защиты прав потребителей (ст. 17). Данный вопрос отнесен к исключительному ведению Союзного государства, что предполагает принятие соответствующих документов именно его органами, а не органами стран-участниц (ст. 59). По вопросам нормативно-правового регулирования, отнесенными к исключительному ведению Союзного государства, принимаются законы или декреты – акты, имеющие обязательное значение для всех стран-участниц и обладающие прямым действием (ч. 1 ст. 60). Однако необходимо отметить, что такие акты, как это следует из ст. 17 Договора, принимаются по вполне определенному кругу вопросов, отнесенных к исключительному ведению Союзного государства.

В целом же вопрос гармонизации и унификации законодательства относится к совместному ведению Союзного государства и стран-участниц (ст. 18). По предметам совместного ведения принимаются нормативно-правовые акты в форме Основ законодательства или директив, которые, являясь обязательными, оставляют для стран-участниц определенный простор для усмотрения при регулировании той или иной сферы общественных отношений (ч. 4 ст. 60). В Договоре прямо указывается, что «нормативно-правовые акты Союзного государства по предметам совместного ведения Союзного государства реализуются путем принятия национальных нормативно-правовых актов

государств-участников по соответствующим вопросам» (ч. 3 ст. 59). В связи с этим представляется, в ряде областей, могут сохраняться определенные различия правового регулирования, хотя и предполагается его сближение.

Следует отметить, что в литературе критически оценивается «сплошная гармонизация» даже законодательства о защите прав потребителей. Т.А. Горупа в связи с этим отмечает, что при всей необходимости процессов гармонизации, а в некоторых аспектах и унификации законодательства странам нужно сохранять собственные традиции нормативно-правового регулирования в целях стимулирования конкурентной среды. [3. с. 118] Тем более едва ли возможна полная унификация уголовного законодательства или законодательства об административных правонарушениях, даже если это касается только вопросов установления ответственности за нарушение прав потребителей. Закрепление сопоставимого уровня гарантий прав потребителей, разумеется, касается в том числе и ответственности за нарушение их прав. Однако установление административной или уголовной ответственности за те или иные нарушения прав потребителей не может основываться на чисто механическом копировании опыта законодательного регулирования другого государства, а должно учитывать состояние национального правового регулирования защиты прав потребителей и правоприменительной практики.

Вместе с тем исследование положений законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, устанавливающих административную и уголовную ответственность за нарушение прав потребителей, представляет интерес с научной точки зрения, поскольку позволяет сопоставить два различных подхода к определению публично-правовой ответственности хозяйствующих субъектов за нарушение прав граждан-потребителей.

Специфика темы исследования определяет выбор методологии: прежде всего, речь идет об использовании формально-юридического, а также сравнительно-правового методов исследования.

Уголовная ответственность за нарушение прав потребителей в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь

В российской научной литературе специальному рассмотрению уголовной ответственности за нарушение прав потребителей уделяется достаточно мало внимания, что не в последнюю очередь связано с тем, что действующая редакция Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) не закрепляет составы преступлений, в которых права потребителей являлись бы основным объектом уголовно-правовой охраны. Внимания заслуживает работа Е.Ю. Поспеловой, в которой предпринята попытка классификации преступлений, посягающих на права потребителей. [4] В свою очередь, в белорусской юридической литературе вопросам уголовной ответственности за нарушение прав потребителей уделяется более пристальное внимание, в частности, в работах В.В. Хилюты и К.Ю. Щербак. Последним автором уделяется внимание не только исследованиям в области уголовного права Республики Беларусь, но и сравнительно-правовому анализу норм уголовного права государств постсоветского пространства. [5]

Исследование проблематики уголовной ответственности за нарушение прав потребителей требует прежде всего определить, какие именно преступления следует относить к нарушающим права потребителей.

Так, Е.Ю. Поспелова выделяет преступления, нарушающие права потребителя на

владение, пользование и распоряжение собственностью (ст. 159 УК РФ), преступления, которые нарушают права потребителя на получение товаров и услуг надлежащего качества или право на получение достоверной информации о товаре, работе или услуге либо о продавце (изготовителе, исполнителе) (ст. 180, 181, 184 УК РФ), а также преступления, которые нарушают право потребителя на безопасность товаров, работ и услуг (ст. 215-1, 238 УК РФ).[\[4, с. 7\]](#) Между тем данная точка зрения представляется спорной хотя бы потому, что автором объединяются в одну категорию составы преступлений, имеющие различные объекты, т.е. общественные отношения, которым причиняется вред преступным посягательством[\[6, с. 198-210\]](#) Так, например, объектом мошенничества (ст. 159 УК РФ) являются отношения собственности, объектом незаконного использования средств индивидуализации (ст. 180 УК РФ) – отношения сфере интеллектуальной собственности, объектом производства, хранения, перевозки, сбыта товаров и продукции, либо выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ) – общественные отношения по поводу жизни и здоровья человека[\[7, с. 194\]](#). Разумеется, все названные деяния так или иначе причиняют вред правоотношениям, в которых участвует потребитель, однако указанные нормы имеют и иные объекты уголовно-правовой охраны, права же потребителей ими защищаются лишь косвенным образом.

Можно сказать, что непосредственно на охрану прав потребителей направлена лишь ст. 238 УК РФ в том смысле, что ею защищается право потребителей на безопасность товаров, работ и услуг для жизни и здоровья, предусмотренное ст. 7 Закона РФ «О защите прав потребителей». Тем не менее, в данном случае объект уголовно-правовой охраны не ограничивается только лишь договорными отношениями, в которых участвуют граждане-потребители, а охватывает в принципе отношения, связанные с охраной здоровья населения. Именно в силу данного обстоятельства потерпевшим по ст. 238 УК РФ может быть признано любое физическое лицо, вне зависимости от того, состояло ли оно в договорных отношениях с лицом (организацией), осуществлявшим производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 238 УК РФ, имеет формальный состав, то есть для привлечения лица к ответственности не требуется наступление последствий в виде причинения вреда здоровью потребителей. Вместе с тем Верховным Судом Российской Федерации обращается внимание на то, что для привлечения лица к ответственности по ч. 1, а также п. «а» (совершение деяния группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой) и п. «б» (если деяние касалось товаров, работ или услуг, которые предназначены для детей в возрасте до 6 лет) ч. 2 ст. 238 УК РФ обязательным условием является наличие реальной опасности товаров, продукции, работ либо услуг для жизни или здоровья человека (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»). В случае же, если лицо осуществляет продажу товаров, выполняет работы либо оказывает услуги ненадлежащего качества или с нарушением установленных законом требований, однако это не создает опасности для жизни и здоровья потребителей, такое лицо будет нести не уголовную, а административную ответственность по ст. 14.4 КоАП РФ либо, если имело место нарушение требований технических регламентов, по ст. 14.43 КоАП РФ (п. 3

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»). Материальный состав имеют преступления, предусмотренные п. «в» ч. 2 (если совершение указанных действий повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти человеку) и ч. 3 ст. 238 УК РФ (если совершение указанных действий повлекло по неосторожности смерть двух и более лиц).

Деяния, перечисленные в ст. 238 УК РФ, характеризуются умышленной формой вины (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»). В литературе при этом обоснованно обращается внимание на то, что совершение данного преступления возможно как с прямым, так и с косвенным умыслом, поскольку в формулировке нормы отсутствует указание на то, что реализуемые товары, продукция и т.д. должны *заведомо* не отвечать требованиям безопасности. [\[8, с. 55\]](#) Данная позиция находит подтверждение и в судебной практике (см. напр. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21.07.2021 по делу № 77-2256/2021).

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ) так же, как и УК РФ, содержит нормы, устанавливающие ответственность за выпуск либо реализацию недоброкачественной продукции (ст. 337 УК РБ) и за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 338 УК РБ).

Ст. 337 УК РБ устанавливает ответственность за ряд деяний.

В-первых, это выпуск на товарный рынок либо реализация потребителям недоброкачественной продукции, *заведомо способной* повлечь заболевания или отравления людей, или *заведомо загрязненной* радионуклидами сверх допустимых уровней. Данный состав предусматривает административную преюдицию, т.е. преступление должно быть совершено в течение года после привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние, предусмотренное ст. 17.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП РБ). Состав является формальным, поскольку не требует наступления каких-либо опасных последствий для привлечения лица к уголовной ответственности. Преступление характеризуется умышленной формой вины, причем именно в форме прямого умысла, о чем свидетельствует указание на то, что лицо должно *заведомо* знать об опасности продукции.

Во-вторых, названная норма устанавливает ответственность за выпуск либо реализацию недоброкачественной продукции, *повлекшие* по неосторожности причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения (ч. 2 ст. 337 УК РБ) либо смерть человека (ч. 3 ст. 337 УК РБ). Названные деяния характеризуются сложной виной, то есть умышленным совершением преступления и неосторожностью по отношению к наступившим в результате этого преступления последствиям (ст. 25 УК РБ). В целом такие преступления признаются совершенными умышленно.

Необходимо принимать во внимание, что под продукцией в ст. 337 УК РБ понимаются не только товары, которые непосредственно реализуются гражданам-потребителям, но и любая иная продукция, предназначенная не для личного потребления, а для использования в производственной и иной деятельности. [\[9, с. 41\]](#) В связи с этим следует учитывать, что объектом уголовно-правовой охраны являются не только право потребителей на безопасность товаров, а в целом отношения по охране здоровья

населения.

Ст. 338 УК РБ устанавливает ответственность за выполнение работ или оказание услуг, заведомо не отвечающих требованиям безопасности для жизни или здоровья потребителей, повлекшие по неосторожности причинение менее тяжкого телесного повреждения (ч. 1 ст. 338 УК РБ) либо причинение смерти или тяжкого телесного повреждения (ч. 2 ст. 338 УК РБ). В данном случае налицо отличие подхода к установлению ответственности в уголовном законе России и Беларуси: если состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 238 УК РФ, носит формальный характер, то в УК РБ уголовная ответственность за выполнение работ или оказание услуг, которые не отвечают требованиям безопасности, предусмотрена только в случае наступления каких-либо последствий для жизни или здоровья людей, то есть преступление имеет материальный состав. Так же, как и деяния, предусмотренное ч. 2 ст. 337 УК РБ, преступления, указанные в ст. 338 УК РБ, характеризуется сложной виной.

До 2003 г. УК РФ предусматривал также ответственность за обман потребителей (ст. 200 УК РФ), под которым понималось обмеривание, обвесивание, обсчет, введение в заблуждение относительно потребительских свойств или качества товара (услуги) или иной обман потребителей, совершенные в значительном или крупном размере (ст. 200 УК РФ). Значительным размером при этом признавалось причинение потребителю ущерба в размере более одной десятой минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ), а крупным размером – в размере не менее одного МРОТ. В литературе данная норма уголовного закона подвергалась критической оценке, в частности, указывалось на то, что столь низкий размер причиненного ущерба не дает оснований считать, что названное деяние обладает тем уровнем общественной опасности, который дает основания считать его преступлением. [\[10\]](#)

Также УК РФ устанавливалась ответственность за использование в рекламе заведомо ложной информации о товарах, работах или услугах, а также их изготовителях, продавцах или исполнителях, совершенное из корыстной заинтересованности и причинившее значительный ущерб (ст. 182 УК РФ). В литературе данная норма также рассматривалась как направленная на охрану прав и интересов потребителей, с чем следует согласиться. [\[11, с. 23\]](#)

Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ указанные нормы УК РФ были отменены. В пояснительной записке к соответствующему законопроекту указывалось, что ответственность за обман потребителей, а также за нарушение законодательства о рекламе уже установлена КоАП РФ, что является достаточным. Вместе с тем обращается внимание на то, что это не дает оснований говорить о полной декриминализации обмана потребителей в отечественном уголовном праве, поскольку совершение такого рода действий охватывается ст. 159 УК РФ, устанавливающей ответственность за мошенничество. [\[12, с. 95\]](#) То же самое можно сказать и о заведомо ложной рекламе, которая может рассматриваться как средство совершения мошеннических действий. [\[13, с. 43\]](#)

Уголовный закон Республики Беларусь также ранее предусматривал ответственность за обман потребителей (ст. 257 УК РБ). В отличие от российского, белорусский закон не конкретизировал, в какой именно форме обман совершается. В доктрине в связи с этим отмечалось, что «под обманом потребителей следует понимать любые действия виновного, направленные на получение от граждан сумм, превышающих стоимость товара или оказанной услуги, занижение (заявление) качественных или количественных

характеристик реализуемых товаров, выполняемых работ или оказываемых услуг». [\[14, с. 328\]](#) УК РБ предусматривалось наступление уголовной ответственности за обман потребителей не только в случае, если данное деяние повлекло причинение потребителю ущерба в значительном размере (т.е. в размере одной второй от размера базовой величины, установленного на день совершения преступления), но и в случае, если лицо ранее привлекалось к административной ответственности за обман потребителей, независимо от размера причиненного ущерба.

Названная норма УК РБ подвергалась критической оценке в научной литературе. Так, В.В. Хилюта обращал внимание на проблемы разграничения составом обмана потребителей и мошенничества, в том числе на то, что однородные действия квалифицируются по-разному в зависимости от того, является ли потерпевшим от преступления гражданин-потребитель либо гражданин, приобретающий товары с целью осуществления предпринимательской деятельности, или юридическое лицо. [\[14, с. 240-243\]](#) Также ученым отмечалось, что установление минимальной величины ущерба как необходимого условия привлечения к уголовной ответственности в размере всего лишь половины размера базовой величины свидетельствует о незначительной общественной опасности последствий обмана потребителей, что, в свою очередь, ставит под сомнение необходимость криминализации данного деяния. [\[15, с. 39-40\]](#) В 2024 г. ст. 257 УК РБ была отменена.

В то же время в УК РБ сохраняется норма об ответственности за распространение заведомо ложной информации о товарах и услугах либо применение рекламы, вводящих в заблуждение потребителей относительно качества, количества, состава, способа изготовления и иных характеристик товаров, работ или услуг (ст. 250 УК РБ). Обращает внимание, что в отличие от ранее действовавшего российского уголовного закона, УК РБ формулирует данный состав преступления как формальный, поскольку ответственность наступает независимо от того, повлекло ли совершение вышеуказанных действий причинение какого-либо ущерба. В доктрине в связи с этим отмечается, что данное обстоятельство не позволяет считать распространение заведомо ложной информации о товарах, работах или услугах разновидностью мошенничества, поскольку последнее предполагает наступление последствий в виде причинения потерпевшему имущественного ущерба. [\[16, с. 37\]](#) Преступление характеризуется умышленной формой вины. Квалифицирующим признаком для данного состава преступления является распространение заведомо ложной информации в отношении продукции, могущей причинить вред здоровью потребителей (ч. 2 ст. 250 УК РБ).

В научной литературе высказывается мнение, что действия, предусмотренные ст. 250 УК РБ, по существу представляют собой либо нарушение законодательства о рекламе, либо обман потребителей, в связи с чем наличие уголовной ответственности за такого рода деяния при наличии мер административного воздействия критикуется как избыточное. [\[15, с. 39\]](#) Вместе с тем данная позиция видится небесспорной. Действительно, КоАП РБ устанавливает ответственность за нарушение законодательства о рекламе (ст. 13.9 КоАП РБ), которая предполагает ответственность в том числе за недостоверную рекламу в том смысле, в котором она понимается в ст. 26 Закона Республики Беларусь от 10.05.2007 № 225-З «О рекламе», равно как и ответственность за обман потребителей (ст. 13.10 КоАП РБ), который предполагает в том числе доведение до сведения одного или множества потребителей заведомо ложной информации о характеристиках товара, работы или услуги. В связи с этим можно согласиться, что деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 250 УК РБ полностью охватываются указанными составами административных правонарушений.

Вместе с тем распространение заведомо ложной информации либо применение вводящей в заблуждение рекламы в отношении товаров, работ или услуг, которые могут причинить вред здоровью потребителей, обладает гораздо большей общественной опасностью, нежели просто нарушение законодательства о рекламе или обман потребителей, поскольку потенциально может повлечь наступление тяжких последствий, в связи с чем установление уголовной ответственности в данном случае видится обоснованным.

Таким образом, до 2024 г. уголовное законодательство Республики Беларусь отличалось от российского более строгим подходом в отношении криминализации обмана потребителей, однако на сегодняшний день в обеих странах указанное деяние является только административным правонарушением. Однако, в отличие от уголовного права России, в белорусском уголовном праве сохраняются положения об ответственности за распространение заведомо ложной информации о товарах, работах и услугах или вводящей в заблуждение рекламы. С учетом высказываемой в научной литературе критики указанных норм УК РБ, представляется тем не менее оправданным закрепление в уголовном законе ответственности за распространение заведомо ложной информации о товарах, работах и услугах или вводящей в заблуждение рекламы в отношении товаров, работ или услуг, которые могут причинить вред жизни или здоровью потребителя, причем именно как формального состава преступления, поскольку общественная опасность подобных действий достаточно высока.

Вместе с тем нельзя не отметить более мягкий подход законодательства Республики Беларусь в части установления уголовной ответственности за реализацию недоброкачественной продукции и выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, поскольку уголовная ответственность за такие деяния наступает либо при условии наступления общественно опасных последствий, либо предполагает наличие административной преюдиции. Напротив, уголовный закон Российской Федерации дает возможность привлечения к уголовной ответственности за реализацию небезопасных товаров, работ и услуг просто в силу самого факта совершения данных действий, безотносительно наступления общественно опасных последствий и независимо от того, привлекалось ли лицо ранее к административной ответственности.

Административная ответственность за нарушение прав потребителей в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь

В российской литературе вопросы административной ответственности за нарушение прав потребителей не так часто заслуживают детального анализа. Как правило, проблемы административной ответственности за нарушение прав потребителей рассматриваются не обособленно, а в рамках более общих исследований, как, например, это было сделано О.Е. Стародубовой и П.П. Кабытовым.^[1, с. 174-184] Особенного упоминания заслуживает диссертационное исследование Е.И. Жадановой, посвященное вопросам определения критериев выделения административных правонарушений, посягающих на права потребителей, классификации таких нарушений и анализу норм об ответственности за них.^[17] Что касается белорусской научной мысли, то вопросы административной ответственности за нарушение прав потребителей рассматривались в диссертации Т.А. Горупы.^[18] Однако обращает внимание, что значительная часть работ по рассматриваемой теме была издана три и более года назад, вследствие чего не учитывает изменения российского законодательства об административных правонарушениях, произошедшие в 2022-2023 гг., а также принятие в 2021 г. нового КоАП РБ. Кроме того, внимание ученых сосредоточено на анализе положений

национального законодательства, а не на сравнительно-правовых исследованиях.

Следует оговориться, что далее под административными правонарушениями в области защиты прав потребителей понимаются только административные правонарушения, которые непосредственно посягают на гражданско-правовые отношения с участием потребителей. Поскольку ранее одним из авторов этот вопрос рассматривался более детально [\[19\]](#), здесь мы не будем останавливаться на этом подробно.

КоАП РФ предусматривает разветвленную систему положений, устанавливающих ответственность за нарушение прав потребителей.

Прежде всего стоит назвать ст. 14.7, которая устанавливает ответственность за обман потребителей. Таковой может выражаться в обмеривании, обвесивании, обсчете потребителя, а также совершении иных действий, которые направлены на преднамеренное введение потребителя в заблуждение и которые могут повлиять на совершение сделки. [\[20, с. 106\]](#) Частным случаем обмана потребителей является введение потребителя в заблуждение относительно потребительских свойств или качества товара (ч. 2 ст. 14.7 КоАП РФ). За данное деяние установлена более строгая ответственность, что во многом обусловлено высокой значимостью информации о потребительских свойствах и качестве товара как для обеспечения потребителю возможности совершить свободный и осознанный выбор товара (ст. 11 Закона РФ «О защите прав потребителей»), так и права на безопасность приобретаемого товара для жизни и здоровья (ст. 7 Закона РФ «О защите прав потребителей»).

Обман потребителей следует отличать от нарушения права потребителя на получение полной и достоверной информации о товаре, работе или услуге (ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ). Ответственность за данное деяние наступает в случаях, когда потребителю не предоставлена информация о товаре, работе или услуге, которая в обязательном порядке должна быть предоставлена ему в соответствии с Законом РФ «О защите прав потребителей» или иными нормативными правовыми актами, однако не была предоставлена, и при этом такие действия не связаны с введением потребителя в заблуждение. [\[2, с. 8\]](#) Также необходимо учитывать, что с учетом положений ст. 12 Закона РФ «О защите прав потребителей» непредоставление потребителю необходимой информации о товаре (работе, услуге) может рассматриваться как неправомерное уклонение от заключения публичного договора.

КоАП РФ также установлена ответственность за продажу товаров, выполнение работ, оказание услуг при отсутствии установленной информации об изготовителе, продавце или исполнителе либо иной информации, предоставление которой в соответствии с законом обязательно (ст. 14.15 КоАП РФ). В отличие от ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ для привлечения к ответственности по данной статье необходимо, чтобы заключение договора с потребителем состоялось (см. п. 39 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020).

КоАП РФ предусматривает ответственность за включение в договор с потребителем условий, ущемляющих его права по сравнению с тем, как они гарантируются законом (ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ). Частным случаем включения в договор несправедливых условий является включение в него условий, которые обуславливают приобретение основных товаров, работ, услуг обязательным приобретением дополнительных товаров, работ, услуг в случае, если иное не предусмотрено законом. Данные действия образуют особый состав административного правонарушения, предусмотренный ч. 2.1 ст. 14.8 КоАП РФ. Кроме того, указанная норма устанавливает также ответственность за неправомерные

действия продавца, совершаемые до заключения договора с потребителем и выражющиеся в навязывание потребителю дополнительных товаров, работ или услуг за отдельную плату.

КоАП РФ также содержит ряд положений, направленных на защиту социально уязвимых категорий потребителей. Во-первых, это норма об ответственности за непредоставление потребителю льгот и преимуществ, положенных ему по закону (ч. 3 ст. 14.8 КоАП РФ). Во-вторых, положения об ответственности за отказ потребителю в заключении с ним договора по причинам, связанным с состоянием его здоровья, возрастом и т.п. (ч. 5 ст. 14.8 КоАП РФ). Последняя норма следует Рекомендации Коллегии ЕЭК от 21.05.2019 № 15 «Об Общих подходах к установлению особых мер защиты прав и интересов отдельных категорий потребителей», которой обращается внимание на необходимость повышенной охраны и защиты прав уязвимых категорий потребителей.

КоАП РФ также установлена ответственность за:

- неисполнение обязанности по обеспечению возможности оплаты товаров (работ, услуг) путем наличных расчетов или с использованием национальных платежных инструментов в рамках национальной системы платежных карт по выбору потребителя (ч. 4 ст. 14.8 КоАП РФ);
- необоснованный отказ в рассмотрении требований потребителя, связанных с нарушением его прав, либо уклонение от их рассмотрения в установленном законом порядке (ч. 4.1 ст. 14.8 КоАП РФ);
- продажу отдельных видов технически сложных товаров с предустановленными программами для ЭВМ с нарушением установленного законом требования об обеспечении возможности использовать отдельных видов технически сложных товаров с предустановленными программами для ЭВМ, странами происхождения которых являются РФ или другие страны – члены ЕАЭС (ч. 6 ст. 14.8 КоАП РФ);
- отказ в заключении, изменении или расторжении договора с потребителем в связи с отказом последнего предоставить свои персональные данные в случае, когда их предоставление не является необходимым для исполнения обязательств по договору и не обязательно в соответствии с законом (ч. 7 ст. 14.8 КоАП РФ).

Также стоит отметить ст.14.15 КоАП РФ, устанавливающую ответственность за нарушение правил продажи отдельных видов товаров. Вместе с тем представляется, что данная норма имеет в качестве объекта административного правонарушения не только гражданско-правовые отношения с участием потребителей, но и административно-правовые отношения в сфере регулирования торговли.

На защиту прав потребителей направлена также ст. 14.4 КоАП РФ, которой установлена ответственность за продажу товаров, выполнение работ либо оказание населению услуг ненадлежащего качества или с нарушением установленных законом требований. Вместе с тем данное административное правонарушение посягает не только на отношения с участием потребителей, но и на отношения в сфере регулирования торговли, а также в сфере обеспечения охраны здоровья населения.

В сравнении с российским, законодательство Республики Беларусь в вопросах установления административной ответственности за нарушение прав потребителей куда более лаконично.

По сути, непосредственно на охрану и защиту прав потребителей направлена ст. 13.10

КоАП РБ, устанавливающая ответственность за обман потребителей. В отличие от российского, белорусский закон не раскрывает, в какой именно форме может быть совершен обман потребителей, однако в литературе поддерживается мнение, что обман потребителей заключается в любых действиях, направленных на введение потребителя в заблуждение относительно количественных характеристик товара, его комплектности, а также качества товаров, работ и услуг. [\[21, с. 115\]](#) ч. 2 ст. 13.10 КоАП РБ устанавливает более строгую ответственность за обман потребителей, совершенный в течение одного года после наложения административного взыскания за такое же нарушение либо в значительном размере (то есть на сумму половины размера базовой величины, установленного на день совершения правонарушения). По сути, данная норма воспроизводит положения ранее действовавшей ст. 257 УК РБ.

На защиту прав потребителей отчасти направлена и ст. 13.11 КоАП РБ, устанавливающая ответственность за нарушение порядка осуществления торговли и общественного питания, оказания услуг населению, реализации товаров физическими лицами. Вместе с тем представляется, составы административных правонарушений, предусмотренных данной нормой, все же имеют в качестве основного объекта посягательства правоотношения в сфере государственного регулирования торговли, тогда как отношения с участием потребителей являются дополнительным объектом.

То же можно сказать в отношении ст. 17.4 КоАП РБ, устанавливающей ответственность за выпуск на товарный рынок либо реализацию потребителям недоброкачественной продукции, заведомо способной повлечь заболевания или отравления людей или заведомо загрязненной радионуклидами сверх допустимых уровней. Безусловно, названное правонарушение посягает на права потребителей, прежде всего, на их право на безопасность товаров, работ и услуг (ст. 5 Закона РБ «О защите прав потребителей»), однако оно посягает в целом на отношения в области охраны здоровья населения.

Таким образом, можно видеть, что законодательство Российской Федерации характеризуется более детальной регламентацией административной ответственности за нарушение прав потребителей, ее большей конкретизацией, что выражается в закреплении в КоАП РФ целого ряда составов административных правонарушений, посягающих на права потребителей. В связи с этим представляется, что законодательство Республики Беларусь в данной области нуждается в совершенствовании в целях расширения административно-правовых гарантий защиты потребителей от нарушений со стороны недобросовестных хозяйствующих субъектов.

Заключение

Несмотря на потребность в сближении положений законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, устанавливающих ответственность за нарушение прав потребителей, представляется, что на сегодняшний день полная гармонизация положений уголовного законодательства, так и законодательства об административных правонарушениях в этой части вряд ли возможна и необходима. Развитие законодательства в данной области не должно основываться на чисто механическом копировании опыта правового регулирования другого государства, а учитывать состояние национального правового регулирования защиты прав потребителей.

Сравнительно-правовой анализ положений уголовного и административного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь позволяет сделать вывод о формировании в двух странах принципиально разных подходов к установлению публично-правовой ответственности за нарушение прав потребителей.

Для российского законодательства характерным является приоритет применения мер административно-правового воздействия. При этом положения, устанавливающие административную ответственность за нарушение прав потребителей, носят очень детализированный характер. Уголовная ответственность рассматривается как крайняя мера, применимая лишь в случаях опасного посягательства не просто на права потребителей, но на здоровье населения.

В свою очередь законодательство Республики Беларусь исходит из необходимости более широкого применения мер уголовно-правового воздействия в случае серьезных нарушений прав потребителей. При этом нормы об административной ответственности за посягательства на права потребителей малочисленны и отличаются меньшей детализацией по сравнению с российским законодательством. Вместе с тем прослеживается тенденция постепенного снижения значимости уголовно-правового воздействия для обеспечения охраны и защиты прав потребителей, что неизбежно влечет необходимость совершенствования законодательства об административных правонарушениях в рассматриваемой сфере.

Библиография

1. Защита прав потребителей: в поисках оптимальной модели: монография / П.Д. Багрянская, М.О. Дьяконова, П.П. Кабытов и др.; отв. ред. С.А. Синицын, М.Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021. – 268 с.
2. Чагина Е.М., Лубянникова А.С. Эволюция законодательства об административной ответственности за нарушение прав потребителей // Административное и муниципальное право. 2024. № 4. С.1-15. DOI: 10.7256/2454-0595.2024.4.71588 EDN: RLSAKP URL: https://e-notabene.ru/ammag/article_71588.html
3. Гораупа Т.А. Защита прав потребителей в аспекте интеграционных процессов (на примере Европейского союза и Евразийского экономического союза) // Право.ру. 2016. № 4 (42). С. 115-120.
4. Поспелова Е.Ю. Криминологические и уголовно-правовые аспекты защиты прав потребителей: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. – 21 с.
5. Щербак К.Ю. Криминализация деяний, причиняющих вред здоровью населения при производстве и обороте продукции, в законодательстве государств – участников СНГ // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2022. № 12. С. 136-141.
6. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание. / Голик Ю.В. и др.; под ред. А. И. Коробеева. - СПб: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 1131 с.
7. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 4: Преступления против общественной безопасности. / Комиссаров В. С. и др.; под ред. А. И. Коробеева. - СПб: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 672 с.
8. Прокш М. Ответственность за нарушение прав потребителей // Законность. 2003. № 10. С. 52-56.
9. Щербак К.Ю. Продукция, не отвечающая требованиям безопасности для жизни и здоровья потребителей как предмет преступления, предусмотренного ст. 337 Уголовного кодекса Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2023. № 9. С. 40-45.
10. Егорова Н.А. Уголовная ответственность за обман потребителей // Российский следователь. 2003. № 8. С. 10-12.
11. Ценова Т.Л. О применении ст. 182 УК РФ «Заведомо ложная реклама» // Российский следователь. 2004. № 1. С. 23-24.

12. Зайцев О.А., Нудель С.Л. Реализация Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года и ее роль в обеспечении национальной безопасности: уголовно-правовой аспект // Журнал российского права. 2021. N 8. С. 86 - 103.
13. Меркулова С.Н., Пронькина Е.А. Реклама как средство совершения мошеннических действий // Реклама и право. 2006. № 1. С. 43-44.
14. Хилюта В.В. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: проблемы правотворчества и правоприменения : монография – Гродно: ГрГУ, 2014. – 456 с.
15. Хилюта В.В. Нужна ли уголовная ответственность за обман потребителей? // Юстиция Беларуси. 2017. № 3. С. 38-42.
16. Хилюта В.В. Распространение ложной информации о товарах и услугах: преступление или правонарушение? // Юстиция Беларуси. 2018. № 8. С. 36-39.
17. Жаданова Е.И. Административная ответственность юридических лиц за нарушение законодательства о защите прав потребителей : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 – М., 2014.
18. Горупа Т. А. Административно-правовая защита прав потребителей в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 – Минск, 2002. – 21 с.
19. Чагина Е.М., Чамина А.А. Административная ответственность за нарушение законодательства в сфере защиты прав потребителей: к вопросу об определении объекта правонарушения // NB: Административное право и практика администрирования. 2024. № 3. С.1-15. DOI: 10.7256/2306-9945.2024.3.71550 EDN: RRBBLQ URL: https://enotabene.ru/al/article_71550.html
20. Шайхеев Т.И. Правовые позиции судов по экономическим спорам в примерах из судебной практики // Арбитражные споры. 2022. № 3. С. 103-162.
21. Шелегова Н.А. Общая характеристика наиболее распространенных административных правонарушений в отношении потребителей в Республике Беларусь // Актуальные вопросы теории и практики применения административного, административно-деликтного и административно-процессуального законодательства в правоохранительной деятельности : сборник статей / редкол.: Ю. П. Шкаплеров (председ.) [и др.]. – Могилев: Могилевский институт МВД, 2023. С. 112–116.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, административная и уголовная ответственность за нарушение прав потребителей в законодательстве Российской Федерации и Республике Беларусь. Автор сосредоточил свое внимание на изучении сравнительно-правового аспекта вопроса. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования раскрыта: "Специфика темы исследования определяет выбор методологии: прежде всего, речь идет об использовании формально-юридического, а также сравнительно-правового методов исследования".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В современных экономических условиях и охрана и защита прав граждан – потребителей товаров и услуг является не менее значимой задачей государства, чем обеспечение прав предпринимателей. Создание должного уровня гарантий прав потребителей крайне важно для экономики, поскольку потребительский

спрос является мощным фактором ее развития. Так, по данным Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) доля потребительских расходов в ВВП стран – участниц Евразийского экономического союза превышает (далее – ЕАЭС) 50% (<https://potrebitel.eaeunion.org/ru>). Кроме того, защита прав граждан как потребителей является также проявлением социальной функции государства, поскольку призвана в том числе дать им доступ к различного рода социальным благам и обеспечить достойный уровень жизни. В связи с этим в литературе отмечается, что «охрана и обеспечение эффективной защиты прав потребителей относятся к приоритетным направлениям развития современных правопорядков, ориентированных на построение гражданского общества, правового и социального государства». [1, с. 15] Указанные обстоятельства предопределяют необходимость обеспечения гарантий прав потребителей нормами не только частного, но и публичного права, а именно посредством установления административной и уголовной ответственности, что позволяет государству предотвращать, во-первых, массовые, а во-вторых, наиболее общественно опасные нарушения прав потребителей. Сказанное в полной мере относится как к законодательству Российской Федерации, так и законодательству Республики Беларусь"; "Между тем необходимо отметить следующее. Обе страны являются членами ряда региональных объединений, участие в которых предполагает гармонизацию законодательства в области защиты прав потребителей, что актуализирует вопрос о том, предполагает ли это сближение только положений законодательства, регулирующего гражданско-правовые отношения с участием потребителей, или также положений законодательства уголовного и административного, регулирующего публично-правовые отношения, связанные с привлечением к публичной ответственности лиц, совершивших преступления либо административные правонарушения, которые посягают на права потребителей"; "... исследование положений законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, устанавливающих административную и уголовную ответственность за нарушение прав потребителей, представляет интерес с научной точки зрения, поскольку позволяет сопоставить два различных подхода к определению публично-правовой ответственности хозяйствующих субъектов за нарушение прав граждан-потребителей". Ученым подробно раскрыта степень изученности поднимаемых в статье проблем: "В российской научной литературе специальному рассмотрению уголовной ответственности за нарушение прав потребителей уделяется достаточно мало внимания, что не в последнюю очередь связано с тем, что действующая редакция Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) не закрепляет составы преступлений, в которых права потребителей являлись бы основным объектом уголовно-правовой охраны. Внимания заслуживает работа Е.Ю. Поспеловой, в которой предпринята попытка классификации преступлений, посягающих на права потребителей. [4] В свою очередь, в белорусской юридической литературе вопросам уголовной ответственности за нарушение прав потребителей уделяется более пристальное внимание, в частности, в работах В.В. Хилюты и К.Ю. Щербак. Последним автором уделяется внимание не только исследованиям в области уголовного права Республики Беларусь, но и сравнительно-правовому анализу норм уголовного права государств постсоветского пространства. [5]"; "В российской литературе вопросы административной ответственности за нарушение прав потребителей не так часто заслуживают детального анализа. Как правило, проблемы административной ответственности за нарушение прав потребителей рассматриваются не обособленно, а в рамках более общих исследований, как, например, это было сделано О.Е. Стародубовой и П.П. Кабытовым. [1, с. 174-184] Особенного упоминания заслуживает диссертационное исследование Е.И. Жадановой, посвященное вопросам определения критериев выделения административных правонарушений, посягающих на права потребителей, классификации таких нарушений

и анализу норм об ответственности за них. [17] Что касается белорусской научной мысли, то вопросы административной ответственности за нарушение прав потребителей рассматривались в диссертации Т.А. Горупы. [18] Однако обращает внимание, что значительная часть работ по рассматриваемой теме была издана три и более года назад, вследствие чего не учитывает изменения российского законодательства об административных правонарушениях, произошедшие в 2022-2023 гг., а также принятие в 2021 г. нового КоАП РБ. Кроме того, внимание ученых сосредоточено на анализе положений национального законодательства, а не на сравнительно-правовых исследованиях".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора, к примеру: "Из сказанного следует вывод, что в рамках ЕАЭС, очевидно, предполагается сближение в первую очередь гражданско-правового регулирования в области защиты прав потребителей, тогда как установление мер публично-правовой ответственности отнесено к сфере усмотрения национального законодателя. Однако в связи с этим нельзя не отметить, что совершенствование гражданско-правового регулирования потребительских отношений обычно влечет также модернизацию системы мер публично-правовой ответственности за нарушение прав потребителей..."; "... едва ли возможна полная унификация уголовного законодательства или законодательства об административных правонарушениях, даже если это касается только вопросов установления ответственности за нарушение прав потребителей. Закрепление сопоставимого уровня гарантий прав потребителей, разумеется, касается в том числе и ответственности за нарушение их прав. Однако установление административной или уголовной ответственности за те или иные нарушения прав потребителей не может основываться на чисто механическом копировании опыта законодательного регулирования другого государства, а должно учитывать состояние национального правового регулирования защиты прав потребителей и правоприменительной практики"; "Таким образом, до 2024 г. уголовное законодательство Республики Беларусь отличалось от российского более строгим подходом в отношении криминализации обмана потребителей, однако на сегодняшний день в обеих странах указанное деяние является только административным правонарушением. Однако, в отличие от уголовного права России, в белорусском уголовном праве сохраняются положения об ответственности за распространение заведомо ложной информации о товарах, работах и услугах или вводящей в заблуждение рекламы. С учетом высказываемой в научной литературе критики указанных норм УК РБ, представляется тем не менее оправданным закрепление в уголовном законе ответственности за распространение заведомо ложной информации о товарах, работах и услугах или вводящей в заблуждение рекламы в отношении товаров, работ или услуг, которые могут причинить вред жизни или здоровью потребителя, причем именно как формального состава преступления, поскольку общественная опасность подобных действий достаточно высока"; "... законодательство Российской Федерации характеризуется более детальной регламентацией административной ответственности за нарушение прав потребителей, ее большей конкретизацией, что выражается в закреплении в КоАП РФ целого ряда составов административных правонарушений, посягающих на права потребителей. В связи с этим представляется, что законодательство Республики Беларусь в данной области нуждается в совершенствовании в целях расширения административно-правовых гарантий защиты потребителей от нарушений со стороны недобросовестных хозяйствующих субъектов" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность

избранной им темы исследования, раскрывает его методологию. Основная часть работы состоит из двух разделов: "Уголовная ответственность за нарушение прав потребителей в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь"; "Административная ответственность за нарушение прав потребителей в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь". В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено небольших недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В современных экономических условиях и охрана и защита прав граждан – потребителей товаров и услуг является не менее значимой задачей государства, чем обеспечение прав предпринимателей" - первый союз "и" является лишним.

Ученый указывает: "Развитие законодательства в данной области не должно основываться на чисто механическом копировании опыта правового регулирования другого государства, а учитывать состояние национального правового регулирования защиты прав потребителей" - "Развитие законодательства в данной области должно основываться не на чисто механическом копировании опыта правового регулирования другого государства, а учитывать состояние национального правового регулирования защиты прав потребителей".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 21 источником (монографиями, диссертационными работами, научными статьями, учебником). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Е.Ю. Поспелова, В. В. Хилюта и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Несмотря на потребность в сближении положений законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, устанавливающих ответственность за нарушение прав потребителей, представляется, что на сегодняшний день полная гармонизация положений уголовного законодательства, так и законодательства об административных правонарушениях в этой части вряд ли возможна и необходима. Развитие законодательства в данной области не должно основываться на чисто механическом копировании опыта правового регулирования другого государства, а учитывать состояние национального правового регулирования защиты прав потребителей").

Сравнительно-правовой анализ положений уголовного и административного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь позволяет сделать вывод о формировании в двух странах принципиально разных подходов к установлению публично-правовой ответственности за нарушение прав потребителей. Для российского законодательства характерным является приоритет применения мер административно-правового воздействия. При этом положения, устанавливающие административную ответственность за нарушение прав потребителей, носят очень детализированный характер. Уголовная ответственность рассматривается как крайняя мера, применимая лишь в случаях опасного посягательства не просто на права потребителей, но на здоровье населения. В свою очередь законодательство Республики Беларусь исходит из необходимости более широкого применения мер уголовно-правового воздействия в случае серьезных нарушений прав потребителей. При этом нормы об административной ответственности за посягательства на права потребителей малочисленны и отличаются

меньшей детализацией по сравнению с российским законодательством. Вместе с тем прослеживается тенденция постепенного снижения значимости уголовно-правового воздействия для обеспечения охраны и защиты прав потребителей, что неизбежно влечет необходимость совершенствования законодательства об административных правонарушениях в рассматриваемой сфере"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права, административного права, уголовного права при условии ее небольшой доработки: устранении нарушений в оформлении статьи.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Чарыков А.В. Место и роль адвоката-защитника в процессе доказывания в розыскном типе уголовного судопроизводства // Юридические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.9.71644 EDN: BJHNIO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71644

Место и роль адвоката-защитника в процессе доказывания в розыскном типе уголовного судопроизводства

Чарыков Александр Викторович

адвокат; адвокатский кабинет

620130, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Лукиных, 5, оф. 516

✉ ekb@advokat66.su

[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.9.71644

EDN:

BJHNIO

Дата направления статьи в редакцию:

05-09-2024

Аннотация: Предметом исследования является участие адвоката-защитника в процессе доказывания. Достаточного давно идут споры относительно реформирования существующего порядка уголовного производства, в котором адвокат-защитник, согласно ст. 86 УПК РФ, имеет право собирать доказательства. Однако на практике эти положения закона сталкиваются с сопротивлением со стороны правоприменителя, что вызвано, как полагает автор, историческим типом отечественного уголовного производства, в котором ключевые позиции занимают объективная истина и превалирование публичного интереса над частным. Особое место уделяется историческим этапам формирования российского уголовного производства, которое, начиная с Устава уголовного судопроизводства, закрепило в качестве ключевой фигуры доказывания следователя, в то время как суд лишь проверяет собранные им доказательства "на прочность". Отечественный уголовный процесс сложился как производство розыскного типа, где три функции – обвинения, защиты и разрешения дела соединяют в себе одно лицо – следователь. Автором делается вывод, что в такой

системе уголовного производства адвокат не может собирать доказательств, однако его деятельность в процессе доказывания должна быть упорядочена. В связи с чем предлагается внести изменения в действующее законодательство, определяющие статус и виды используемых в доказывании материалов адвокатской деятельности. Часть 3 статьи 86 УПК РФ подлежит исключению. Предлагается сформулировать ст. 86.1 УПК РФ «Использование в доказывании материалов адвокатской деятельности» в которой предусмотреть возможность адвоката собирать информацию путем: истребования по запросу информации от организаций, опроса лица с его согласия, привлечения специалиста. Кроме того, необходимо указать в УПК РФ, что все собранные адвокатом материалы выступают в системе доказательств в качестве «иных документов», в связи с чем заключение специалиста подлежит исключению из п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Ключевые слова:

адвокат-защитник, уголовный процесс, розыскной тип процесса, доказывание, Устав уголовного судопроизводства, опрос лица, заключение специалиста, иные документы, материалы адвокатской деятельности, доказательства

Новые веяния в общественной жизни страны после 1991 года сделали актуальной проблему о равенстве прав защиты и обвинения в доказывании, а также подняли вопрос о реформировании уголовного производства как средства её решения. В литературе эта проблема так же встречается в терминологии «проблема состязательности» или «участия адвоката в доказывании».

Предтечей реформирования уголовного процесса в России и процессуального положения адвоката явилась Концепция судебной реформы 1991 года, утвержденная Постановлением Верховного совета РСФСР от 24.10.1991 N 1801-1. В ней провозглашалось: «Для советского законодательства были характерны забота об интересах государства в ущерб другим субъектам правоотношений, подмена общественных и частных начал государственными». Как также отмечалось в литературе «концепция судебной реформы в Российской Федерации среди прочих направлений реформирования уголовно-процессуального законодательства предусматривает расширение частного начала в уголовном процессе» (Седаш Е.А.Частное начало в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Саратов, 2000. С. 3). В частности, Концепция предполагала реализовать идею следующего содержания: «Задачи и представителю потерпевшего обеспечивается возможность самостоятельно собирать доказательства по делу, допустимость которых устанавливается законом. Ничем не может быть ограничено право адвоката встречаться с очевидцами события и другими лицами, располагающими какими-либо сведениями по делу, требовать их вызова и допроса».

Возможно, создатели нового УПК РФ пытались внести изменения, которые бы направили развитие уголовного производства на путь англо-американского уголовного процесса.

Под «флагом» состязательности и понимания адвоката как равноправной стороны спора в современной уголовно-процессуальной науке возникли две новые концепции – параллельного адвокатского расследования [1. С. 21-29] и следственного судьи [2. С. 5].

После 1991 года и до принятия УПК РФ в литературе звучали предложения коренным

образом изменить отечественный уголовный процесс. Так, например, И.Л. Трунов предлагал ввести в новый Уголовно-процессуальный кодекс норму о наделении защиты правом и обязанностью составлять «защитительное заключение» и представлять его в суд с обязательным вручением заинтересованным сторонам и публичным оглашением в начале судебного следствия наравне и в порядке, предусмотренном для обвинительного заключения [3. С. 4-7]. После принятия УПК РФ в литературе продолжали звучать доводы о собирании адвокатом доказательств [4. С. 147-148], предлагалось также обязать следователя приобщать любые собранные адвокатом доказательства к материалам дела [5. С. 7].

Представляется, что данные концепции в чистом виде не имеют перспектив развития. Для определения места и роли адвоката в доказывании в отечественной форме уголовного производства необходимо обратиться к истории уголовного процесса, воспользовавшись историческим методом исследования, а также к текстам уголовно-процессуальных кодексов нашей страны (формально-логический метод).

В литературе давно сложилось мнение, что уголовный процесс может существовать в двух ипостасях, – состязательная, где участвуют три субъекта, и инквизиционная, где вся власть находится в руках одного субъекта [6. С. 10] [7. С. 5]. Инквизиционный процесс в отечественной науке также иногда именуется розыскным, следственным или континентальным. Целью такого процесса (в теории) становится обнаружение истины, так как (опять же, в теории) только один человек, наделенный максимальными полномочиями, способен такую истину установить. Отмечается также, что в розыском процессе публичное доминирует над частным [8. С. 8]

Способ отделить друг от друга два типа процесса был предложен в XIX веке Н. Гартунгом [9. С. 5-6]. Он выделил в уголовном производстве три функции: обвинение, защита и разрешение дела. Если один субъект соединяет в себе три функции – это розыскной процесс (инквизиция), если же функции разделены между обвинителем, защитой и судом – то это состязательность.

Историю становления отечественного розыскного процесса, где вся власть и весь процесс доказывания находятся в руках одного лица, можно проследить через положения Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС), а также советских УПК.

Как указывалось в ст. 406 УУС следователь «изыскивает законные средства к открытию истины». Следователь проводил осмотры и освидетельствования (ст. ст. 315, 332 УУС), обыски (ст. 357 УУС), допрашивал свидетелей (ст. 433 УУС) и составлял об этом протоколы, назначал экспертизы сведущим людям и получал их заключения. Уголовно-преследуемое лицо могло указывать на доказательства своей невиновности, но в силу ст. 449 УУС «обстоятельства, приведенные обвиняемым в опровержение показаний свидетеля, должны быть исследованы, если имеют существенное в деле значение».

Все письменные материалы дела (протоколы осмотров, экспертиз, допросы свидетелей), добытые органами предварительного расследования, могли быть оглашены в судебном заседании и считаться доказательствами (ст.ст. 627, 687 УУС). О похожей процедуре относительно показаний обвиняемого, данных на стадии предварительного расследования, УУС умалчивал. Суд по общему правилу «направлял ход дела к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины» (ст. 613 УУС). Слово «истина» периодически встречается в тексте УУС как цель деятельности властного субъекта. Л.Е. Владимиров, например, обосновывал возможность поиска так называемой «материальной истины» - установления того, что было на самом деле путем свободной

оценки доказательств присяжными и судом [10. С. 45].

Таким образом, в УУС были отражены основы отечественного розыскного уголовного производства, в котором процесс доказывания начинался со сбора должностным лицом доказательств на специально предназначеннной для этого досудебной стадии, а суд рассматривал дело по письменным доказательствам, добытым органом следствия. На досудебной стадии адвокат (присяжный поверенный) не присутствовал, так как в этой процессуальной фигуре, очевидно, не видели необходимости.

В истории российского уголовного процесса принято рассматривать среди первых Кодексов УПК РСФСР 1922 и 1923 годов. Положения Кодекса 1923 года принципиально не отличаются от варианта 1922 года, поэтому мы не будем делать на него специальных ссылок.

Статья 114 УПК 1922 года предусматривала, что «следователь направляет предварительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела. Следователь не вправе отказывать обвиняемому или потерпевшему в допросе свидетелей и экспертов и в собрании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела». Как отмечал при этом М.С. Стrogович «на предварительном следствии функции защиты отчасти осуществляют сам обвиняемый, отчасти же следственный орган, обязаный исследовать и собирать доказательства не только против обвиняемого, но и в его пользу» [11. С. 24] .

В УПК РСФСР 1922 председательствующий судья обязан был направлять судебное следствие «в сторону, наиболее способствующую открытию истины» (ст. 261 УПК РСФСР 1922), в том числе мог менять обвинение в сторону ухудшения (ст. 244 УПК РСФСР 1922), самостоятельно истребовать любые доказательства или вернуть дело для дополнительного расследования (ст. 306 УПК РСФСР 1922). Отказ обвинителя от обвинения был необязателен для суда (ст. 310 УПК РСФСР 1922). В литературе того времени отмечалось, что «суд сам выискивает доказательства, сам принимает меры к раскрытию истины, а стороны являются не руководителями его ...а лишь его помощниками в деле отыскания истины» [12. С. 43].

Логику первых советских Кодексов продолжил УПК РСФСР 1960 года. Развитие получила идея превалирования публичного интереса над частным. Целью судопроизводства было быстрое и полное раскрытие преступлений (ст. 2 УПК РСФСР 1960 г.). Данная цель подкреплялась нормативными положениями о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР). УПК РСФСР 1960 года полностью отказался от понятия сторон и отдельных «функций обвинения и защиты». Эти нормы превратились в обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 19 УПК РСФСР).

В УПК РСФСР 1960 года обвиняемый имел право заявлять ходатайства, в том числе касавшиеся сбора доказательств по делу (ст. 46 УПК РСФСР). Аналогичные полномочия о праве на заявления ходатайств также появились у потерпевшего (он же частный обвинитель), гражданского истца, гражданского ответчика. Однако в силу ст. 131 УПК РСФСР следователь мог отказать, если обстоятельства, об установлении которых ходатайствуют указанные лица, по мнению следователя не могут иметь значение для дела. Самостоятельных полномочий по участию в доказывании адвокат не имел, однако, очевидно, что он мог реализовывать их через полномочия своих доверителей.

Все проводимые следователем следственные действия фиксировались с помощью

протоколов, которые в последствии оставались доказательствами в судебной стадии. Это впервые было законодательно отнесено и к признательным показаниям обвиняемого. Показания обвиняемого, данные в ходе предварительного расследования, могли быть оглашены в суде и являться доказательством (ст. ст. 77, 281 УПК РСФСР 1960). Также оглашались и показания свидетелей, в том числе, даже если свидетели не являлись в судебное заседание (ст. ст. 281, 286, 287 УПК РСФСР 1960). Их допустимость и достоверность гарантировалась строгой письменной формой. В судебном следствии суд все также «устранил из судебного разбирательства все, не имеющее отношения к делу», и мог снимать любые вопросы сторон к потерпевшему, свидетелям и обвиняемым (ст.ст. 243, 283, 287 УПК РСФСР).

Приведенные нормы навсегда и прочно связали досудебную и судебную стадию, обеспечив собравшим следователем письменным доказательствам силу и в судебной стадии. Судьбу подсудимого решал профессиональный суд.

В этих законодательных нормах видится розыскная идея превалирования публичного интереса над частным, целенаправленность познания на достижение «истины», которая впервые законодательно оформилась именно в советский период. Один властный субъект сочетает в себе три функции: обвинения, защиты и разрешения дела.

Здесь требуется пояснить, как процесс доказывания должен выглядеть в состязательном производстве.

В Великобритании доказывание в суде включает в себя два важных момента. Первый – перекрестный допрос, который состоит из основного допроса (chief examination), допроса лица противоположной стороной (cross-examination) и повторного допроса (re-examination) [6. С. 79]. Перекрестный допрос – это классическая реализация принципа состязательности в доказывании, когда доказательством становятся только те сведения, которые сообщены допрашиваемым перед судом.

Второй момент, характеризующий доказывание в суде, может именоваться как «альтернативная экспертиза». Например, глава 19 «Criminal Procedure Rules and Practice Directions 2020» в Великобритании предусматривает, что «каждая сторона вправе выбрать эксперта и инициировать проведение собственного исследования. Сторона обвинения обязана предоставить стороне защиты материалы и доступ к объектам, на основании которых было проведено исследование. Для проверки заключения другой стороны эксперт может быть допрошен в суде. При спорных заключениях с обеих сторон суд назначает экспертизу по своей инициативе и сам определяет экспертов из списка, предложенного сторонами».

Трехсубъектность состязательного процесса обязывает участвовать в доказывании суд, защиту и обвинителя, а доказательства «появляются» только в суде. Стороны свободны в поиске сведений до суда и вправе представлять в суд любую информацию, которая может быть признана судом в качестве доказательств, однако это происходит с помощью перекрестного допроса или применения института «альтернативной экспертизы». Вне состязательного оформления доказательства не возникают. Например, предмет или документ (если он оспаривается стороной) признается в качестве доказательства только после перекрестного допроса того лица, который обнаружил предмет или составил документ.

Полагаем все же, что сегодня в России уголовное производство по большинству дел (по нашему мнению, за исключением дел частного обвинения и дел, подсудных суду присяжных) остается розыскным. Хотя создатели нового УПК РФ пытались внести в

уголовный процесс изменения, которые бы пошатнули основы розыска, фактически, как верно констатируется некоторыми авторами [13. С. 22-24], этого не произошло. Проанализируем действующий УПК РФ на предмет его соответствия идеям розыскного уголовного процесса и места и роли адвоката в нем.

В общей части УПК РФ уголовно-процессуальная деятельность (не только судебное, но и досудебное производство) ориентирована на состязательность (ст. 15 УПК РФ). В результате следователь, дознаватель, адвокат представитель потерпевшего, частного обвинителя и гражданского истца оказались на стороне обвинения, а адвокат защитник и адвокат представитель гражданского ответчика предстали стороной защиты.

Нормы особенной части УПК РФ сохранили розыскной характер. Следователь, дознаватель как были, так и остаются полновластными «хозяевами» дела. Адвокат «не стал равноправным с ними участником процесса, а главное - над противоборством обвинения и защиты не появился постоянно действующий суд - арбитр в их споре» [14. С. 58-60]. Суд в досудебной стадии занимается только осуществлением судебного контроля. При этом ведется данная деятельность достаточно формально.

Сегодня, также как и сто пятьдесят лет назад, под предварительным расследованием понимается властная процессуальная деятельность должностных лиц, собирающих доказательства в данной стадии. Следователь самостоятельно направляет ход расследования и принимает решение о производстве следственных и иных процессуальных действий (п. 3 ч. 1 ст. 38 УПК РФ). Общие правила проведения следственных действий не обязывают следователя заранее уведомлять адвоката об их проведении, а также разрешить адвокату фотографирование протокола (ст. 164 УПК РФ). Кроме всего прочего, следователь может отвести вопросы адвоката-защитника при проведении следственного действия (ч. 2 ст. 53 УПК РФ).

Допустимость и достоверность доказательств обеспечиваются следователем путем соблюдения им строгой процессуальной формы досудебного производства. Надзором за этой деятельностью занимается прокуратура, а начиная с 2012 года по большей мере сам орган следствия. Попытки законодателя изменить баланс сил на этапе предварительного расследования, в частности, изменения в ст. 159 УПК РФ о привлечении стороной защиты специалиста, носят незаконченный характер и никак не могут коренным образом отменить базовую аксиому «имеет значение для дела» [15. С. 45-48].

Следователь (дознаватель) наделен дискреционным, то есть по факту судебным, полномочием определять виновность лица и все еще фактически объединяет в себе функции обвинения, защиты и разрешения дела. Например, реализуется это через институт прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования по различным основаниям, в том числе, реабилитирующими (ст. 213 УПК РФ).

Доказательства, собранные органами расследования до суда, приобретают силу легальных доказательств. В дальнейшем эти же доказательства использует суд и на них же он строит свои выводы о виновности или невиновности лица (ст. 74 УПК РФ). Показания подозреваемого, обвиняемого, данные в стадии предварительного расследования в присутствии защитника, могут быть использованы в качестве доказательства в суде даже при дальнейшем отказе от них (ч. 2 ст. 75, ст. 276 УПК РФ). Достаточность доказательств для вынесения решения также определяется судом.

На сегодняшний день институт возврата уголовного дела прокурору для проведения дополнительного расследования (установления истины) продолжает свое поступательное

возвращение. В момент принятия УПК РФ возврат дела юридически допускался лишь по формальным основаниям – в противном случае должен был следовать оправдательный приговор. С 2013 года законодатель восстановил одно из оснований возврата уголовного дела – это необходимость предъявления более тяжкого обвинения (ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ). Не секрет также, что институт возврата уголовного дела прокурору служит завуалированным способом оправдания уголовно-преследуемого лица. В 2021 году процент оправдательных приговоров официально вновь не превысил 1%, что говорит о нежелании системы решать вопросы виновности лица в состязательной процедуре.

Компетенция суда присяжных максимально ограничена, а большинство дел рассматривается одним профессиональным судьей (ст. 30 УПК РФ). При этом сохраняется возможность отмены оправдательного приговора суда, вынесенного на основе вердикта коллегии присяжных заседателей, в апелляционной инстанции по формальным основаниям (ст. 389.25 УПК РФ). Как отмечалось в исследовании Института проблем правоприменения (подробнее на их сайте enforce.spb.ru), доля оправдательных приговоров с участием суда присяжных составляет около 30%, при этом около 90% таких приговоров отменяется судом апелляционной инстанции. О статистике повторного пересмотра дел присяжными заседателями информации не приводится.

Вопрос о направленности деятельности государственных органов на достижение объективной истины остается дискуссионным [16. С. 224-237] [17. С. 44-46] [18. С. 12-13], так как формально она в УПК РФ не предусмотрена, а фактически в деятельности суда и правоохранительных органов сохраняется. В этой связи Следственный комитет РФ выступал с законодательной инициативой о введении в УПК РФ понятия объективной истины.

Таким образом, уголовное судопроизводство сохраняет розыскной тип процесса, а тенденции к переходу в состязательную модель не просматриваются. Этими же обстоятельствами обусловлено правовое положение адвоката. В то же время российскому адвокату, по сравнению с советским, даны более широкие полномочия.

С 2013 года адвокат может вступать в уголовное дело с момента проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ). Адвокат вправе беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине и конфиденциально, а также копировать любые материалы, к которым он допущен на данном этапе дела.

Заштитник получил право «собирать доказательства»: привлекать специалиста, опрашивать лиц с их согласия, направлять в любые организации адвокатские запросы и получать на них ответы в установленный законом срок (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), однако порядок производства таких действий, а также их доказательственное значение законодательно не определены.

При этом адвокат вправе заявлять не обязательные для удовлетворения ходатайства (ст. 159 УПК РФ) о производстве тех или иных действий следователем. Аргументируя свое решение по поводу заявленного адвокатом ходатайства, следователь может ссылаться на положения ч. 2 ст. 159 УПК РФ, согласно которым те или иные обстоятельства устанавливаются лишь в том случае, если «имеют значение для данного уголовного дела». Право определять такую значимость всецело принадлежит следователю.

В суде адвокату по общему правилу не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о допросе свидетеля или специалиста (ч. 4 ст. 271 УПК РФ). В оглашении документов, ранее приобщенных к уголовному делу, адвокату может быть отказано, если это не имеет значение для дела (ст. 285 УПК РФ). Документы со стороны защиты не

обязательны для приобщения к материалам уголовного дела в судебном следствии (ст. 286 УПК РФ). Вопросы адвоката участвующим в деле лицам также могут быть сняты председательствующим, если суд полагает, что такие вопросы и ответы на них не имеют значение для дела (такое право предусмотрено только в отношении допроса подсудимого, однако расширительно толкуется судьями на всех допрашиваемых в суде лиц). Доказательства стороны защиты, строго говоря, не являются обязательными к исследованию в описательно-мотивированной части приговора (ст. 307 УПК РФ). Верховный суд РФ в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 «О судебном приговоре» прямо указывает на необходимость оценки всех исследованных в судебном заседании доказательств, как уличающих, так и оправдывающих подсудимого, однако его рекомендации далеко не всегда выполняются нижестоящими судами.

Когда подавляющее большинство доказательств собраны на досудебной стадии, складывается вполне закономерная для розыскного процесса ситуация. Суды заняты не установлением обстоятельств совершенного деяния, а исключительно определением размера наказания. Такое положение вещей именуется в адвокатской среде «обвинительным уклоном».

Российский уголовный процесс на протяжении веков развивался в русле континентальной правовой семьи, где существовало две стадии производства: предварительное расследование и судебное следствие; публичный интерес превалировал над частным; целью познания по делу являлась объективная истина; процесс был построен по розыскному типу. Данные обстоятельства обусловили правовое положение адвоката в нашей стране.

На современном этапе развития уголовного производства вместе с расширением полномочий адвоката в доказывании, увеличением числа процессуальных статусов адвоката по уголовному делу, идет поиск оптимальной нормативной модели, определяющей место и роль адвоката в демократическом государстве, исторически сложившимся в континентальной правой семье, с учетом дореволюционного и советского опыта.

Эта простая логика применима и тогда, когда мы ведем речь о процессе доказывания в каждом из типов процесса и определении в нем роли следователя или адвоката. В уголовном процессе, где все три функции объединяет в себе одно лицо, адвокат не может стать «стороной» процесса, так как для него в розыскном типе процессе просто нет места. Адвокат не может и собирать доказательства, так как он никогда не может заменить собой основу розыскного процесса – следователя. Учитывая все вышеизложенное, процессуальный порядок участия адвоката-защитника в доказательственной деятельности нуждается в следующих корректировках:

- в УПК РФ следует вести речь не о собирании адвокатом доказательств, а о собирании им сведений, которые могут быть признаны правоприменителем доказательством по уголовному делу;
- необходимо уточнить и закрепить три способа собирания адвокатом доказательственной информации: а) истребование по адвокатскому запросу справок, характеристик и других документов; б) опрос лица с его согласия; в) привлечение специалиста;
- указать в УПК РФ, что все собранные адвокатом материалы выступают в системе доказательств в качестве «иных документов»;

- обязать следователя приобщать к материалам уголовного дела опрос лица и заключение специалиста, представленные адвокатом, сохранив за следователем право производить следственные действия, связанные с приобщенными документами, по своему усмотрению;

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что ч. 3 ст. 86 УПК РФ подлежит исключению. Предлагается сформулировать ст. 86.1 УПК РФ «Использование в доказывании материалов адвокатской деятельности» следующего содержания:

«1. Адвокат вправе собирать сведения в интересах доверителя следующими способами:

а) истребовать по адвокатскому запросу от юридических лиц справки, характеристики и иные документы;

б) опрашивать с их согласия лиц, обладающих информацией, которая может быть использована в интересах доверителя;

в) привлекать специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

2. Процессуальный порядок сознания сведений, указанных в ч. 1 настоящей статьи, определяется советом Федеральной палаты адвокатов».

Предлагается внести часть 5 в ст. 84 УПК РФ следующего содержания: «Сведения, собранные адвокатом в порядке ст. 86.1 УПК РФ, допускаются по делу в качестве иных документов».

Часть 2.2 ст. 159 УПК РФ изложить следующим образом: «Адвокату не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела сведений, предусмотренных п.п. б, в ч. 1 ст. 86.1 УПК РФ».

Библиография

1. Мартынчик Е.Г. Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы формирования нового института и модели // Адвокатская практика. 2012. N 1. С. 21-29.
2. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и Комментарии к ней / А.С.Александров и др. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 5.
3. Трунов И.Л. Расширение состязательности уголовного процесса на стадии предварительного расследования в свете судебной реформы // Российский судья. 2002. N 3. С. 4-7.
4. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / Под общей ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2004. С. 147-148.
5. Мельников В.Ю. Необходимо ли возвращаться к вопросу адвокатского расследования // Адвокатская практика. 2015. N 4. С. 7.
6. Уголовный процесс европейских государств: монография / под ред. В. И. Самарина, В. В. Луцика. Москва: Проспект, 2018. С. 10.
7. European Criminal Procedure / Ed. by M. Delmas-Marty, J.R.Spencer. Cambridge, 2004. P. 5.
8. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития: монография / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок. УрГЮУ, Екатеринбург. 2023. С. 8.

9. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. СПб., 1868. С. 5-6.
10. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. С. 45.
11. Цыпкин А.Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов. 1959. С. 24.
12. Карницкий Д. А. Строгович М. С. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Текст и постатейный комментарий / под ред. и с предисл. Н. Я. Нехамкина. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925. С. 43.
13. Воскобитова Л.А. Состязательность: две концепции участия адвоката в доказывании. Статья 1. Поиск алгоритма // Уголовное судопроизводство. 2012. N 2. С. 22-24.
14. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Поворот в практике избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения? // Российская юстиция. 2018. N 9. С. 58-60.
15. Чарыков А.В., Вдовцов П.В. Новые поправки в УПК РФ о специалисте // Российский следователь. 2017. N 18. С. 45-48.
16. Подольный Н.А. Объективная истина, или каким быть уголовному процессу России // Библиотека криминалиста. 2012. N 4 (5). С. 224-237.
17. Занькин Д.В. Истина и справедливость-методология судебного разбирательства // Российский судья. 2018. N 3. С. 44-46.
18. Васяев А.А. О возможности и необходимости установления истины в ходе производства по уголовному делу // Адвокат. 2009. N 5. С. 12-13.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, место и роль адвоката-защитника в процессе доказывания в розыскном типе уголовного судопроизводства. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не обоснована. Также ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, и раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора: "Таким образом, в УУС были отражены основы отечественного розыскного уголовного производства, в котором процесс доказывания начинался со сбора должностным лицом доказательств на специально предназначеннной для этого досудебной стадии, а суд рассматривал дело по письменным доказательствам, добытым органом следствия. На досудебной стадии адвокат (присяжный поверенный) не присутствовал, так как в этой процессуальной фигуре, очевидно, не видели необходимости"; "В этих законодательных нормах видится розыскная идея превалирования публичного интереса над частным, целенаправленность познания на достижение «истины», которая впервые законодательно оформилась именно в советский период. Один властный субъект сочетает в себе три функции: обвинения, защиты и разрешения дела"; "Трехсубъектность состязательного процесса обязывает участвовать в доказывании суд, защиту и обвинителя, а доказательства «появляются» только в суде. Стороны свободны в поиске сведений до суда и вправе представлять в суд любую информацию, которая может быть признана судом в качестве доказательств, однако это происходит с помощью перекрестного допроса или применения института «альтернативной экспертизы». Вне

состязательного оформления доказательства не возникают. Например, предмет или документ (если он оспаривается стороной) признается в качестве доказательства только после перекрестного допроса того лица, который обнаружил предмет или составил документ"; "Таким образом, уголовное судопроизводство сохраняет розыскной тип процесса, а тенденции к переходу в состязательную модель не просматриваются. Этими же обстоятельствами обусловлено правовое положение адвоката. В то же время российскому адвокату, по сравнению с советским, даны более широкие полномочия" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы не вполне логична в том смысле, что вводная часть статьи отсутствует. В основной части работы автор анализирует место и роль адвоката-защитника в процессе доказывания в розыскном типе российского уголовного судопроизводства в историческом срезе. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено небольших недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Все проводимые следователем следственные действия фиксировались с помощью протоколов, которые в последствие оставались доказательствами в судебной стадии" - "впоследствии".

Ученый отмечает: "Во главу угла поставлено понятие – следственная власть" - "Во главу угла поставлено понятие "следственная власть"".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 16 источниками (монографиями, научными статьями, комментарием и учебником), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (И.Л. Трунов, А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский и др.). Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Российский уголовный процесс на протяжении веков развивался в русле континентальной правовой семьи, где существовало две стадии производства: предварительное расследование и судебное следствие; публичный интерес превалировал над частным; целью познания по делу являлась объективная истина; процесс был построен по розыскному типу. Данные обстоятельства обусловили правовое положение адвоката в нашей стране. На современном этапе развития уголовного производства вместе с расширением полномочий адвоката в доказывании, увеличением числа процессуальных статусов адвоката по уголовному делу, идет поиск оптимальной нормативной модели, определяющей место и роль адвоката в демократическом государстве, исторически сложившимся в континентальной правой семье, с учетом дореволюционного и советского опыта. Эта простая логика применима и тогда, когда мы ведем речь о процессе доказывания в каждом из типов процесса и определении в нем роли следователя или адвоката. В уголовном процессе, где все три функции объединяют в себе одно лицо, адвокат не может стать «стороной» процесса, так как для него в розыскном типе процессе просто нет места. Адвокат не может и собирать доказательства, так как он никогда не может заменить собой основу розыскного процесса – следователя. Учитывая все вышеизложенное, процессуальный порядок участия адвоката-защитника в доказательственной деятельности нуждается в следующих

корректировках: - в УПК РФ следует вести речь не о собирании адвокатом доказательств, а о собирании им сведений, которые могут быть признаны правоприменителем доказательством по уголовному делу; - необходимо уточнить и закрепить три способа собирания адвокатом доказательственной информации: а) истребование по адвокатскому запросу справок, характеристик и других документов; б) опрос лица с его согласия; в) привлечение специалиста; - указать в УПК РФ, что все собранные адвокатом материалы выступают в системе доказательств в качестве «иных документов»; - обязать следователя приобщать к материалам уголовного дела опрос лица и заключение специалиста, представленные адвокатом, сохранив за следователем право производить следственные действия, связанные с приобщенными документами, по своему усмотрению; Учитывая вышеизложенное, полагаем, что ч. 3 ст. 86 УПК РФ подлежит исключению. Предлагается сформулировать ст. 86.1 УПК РФ «Использование в доказывании материалов адвокатской деятельности» следующего содержания: «1. Адвокат вправе собирать сведения в интересах доверителя следующими способами: а) истребовать по адвокатскому запросу от юридических лиц справки, характеристики и иные документы;

б) опрашивать с их согласия лиц, обладающих информацией, которая может быть использована в интересах доверителя; в) привлекать специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. 2. Процессуальный порядок собирания сведений, указанных в ч. 1 настоящей статьи, определяется советом Федеральной палаты адвокатов». Предлагается внести часть 5 в ст. 84 УПК РФ следующего содержания: «Сведения, собранные адвокатом в порядке ст. 86.1 УПК РФ, допускаются по делу в качестве иных документов». Часть 2.2 ст. 159 УПК РФ изложить следующим образом: «Адвокату не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела сведений, предусмотренных п.п. б, в ч. 1 ст. 86.1 УПК РФ."), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного процесса при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, обосновании актуальности его темы, уточнении структуры работы, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Место и роль адвоката-защитника в процессе доказывания в розыскном типе уголовного судопроизводства».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам правового статуса адвоката-защитника в процессе доказывания в розыскном типе уголовного судопроизводства. Автор на основании исторического экскурса, современного законодательства и практики делает конкретные выводы по вопросу о том, в какой мере следует изменить уголовно-процессуальное законодательство в целях создания реальных гарантий адвокату как участнику уголовному судопроизводства, а также обеспечения равенства прав защиты и обвинения в доказывании. В качестве

конкретного предмета исследования выступили положения законодательства, мнения ученых, различные документы разных исторических периодов.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о правовом статусе адвоката-защитника в процессе доказывания в розыскном типе уголовного судопроизводства. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм УПК РФ). Например, следующий вывод автора: «В суде адвокату по общему правилу не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о допросе свидетеля или специалиста (ч. 4 ст. 271 УПК РФ). В оглашении документов, ранее приобщенных к уголовному делу, адвокату может быть отказано, если это не имеет значение для дела (ст. 285 УПК РФ). Документы со стороны защиты не обязательны для приобщения к материалам уголовного дела в судебном следствии (ст. 286 УПК РФ). Вопросы адвоката участвующим в деле лицам также могут быть сняты председательствующим, если суд полагает, что такие вопросы и ответы на них не имеют значение для дела (такое право предусмотрено только в отношении допроса подсудимого, однако расширительно толкуется судьями на всех допрашиваемых в суде лиц). Доказательства стороны защиты, строго говоря, не являются обязательными к исследованию в описательно-мотивировочной части приговора (ст. 307 УПК РФ). Верховный суд РФ в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 «О судебном приговоре» прямо указывает на необходимость оценки всех исследованных в судебном заседании доказательств, как уличающих, так и оправдывающих подсудимого, однако его рекомендации далеко не всегда выполняются нижестоящими судами».

Важнейшим в контексте цели исследования стал историко-правовой метод исследования, который позволил сопоставить правовые нормы отечественного уголовного законодательства в разные исторические периоды. В частности, отметим следующий авторский вывод: «Логику первых советских Кодексов продолжил УПК РСФСР 1960 года. Развитие получила идея превалирования публичного интереса над частным. Целью судопроизводства было быстрое и полное раскрытие преступлений (ст. 2 УПК РСФСР 1960 г.). Данная цель подкреплялась нормативными положениями о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР). УПК РСФСР 1960 года полностью отказался от понятия сторон и отдельных «функций обвинения и защиты». Эти нормы превратились в обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 19 УПК РСФСР)».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема правового статуса адвоката-защитника в процессе доказывания в розыскном типе уголовного судопроизводства сложна и неоднозначна. Реальность и

возможность осуществления адвокатом своих прав в уголовном процессе становится фундаментальной основой обеспечения прав граждан и верховенства прав. Сложно спорить с автором в том, что «Новые веяния в общественной жизни страны после 1991 года сделали актуальной проблему о равенстве прав защиты и обвинения в доказывании, а также подняли вопрос о реформировании уголовного производства как средства её решения. В литературе эта проблема так же встречается в терминологии «проблема состязательности» или «участия адвоката в доказывании»».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«Российский уголовный процесс на протяжении веков развивался в русле континентальной правовой семьи, где существовало две стадии производства: предварительное расследование и судебное следствие; публичный интерес превалировал над частным; целью познания по делу являлась объективная истина; процесс был построен по розыскному типу. Данные обстоятельства обусловили правовое положение адвоката в нашей стране. На современном этапе развития уголовного производства вместе с расширением полномочий адвоката в доказывании, увеличением числа процессуальных статусов адвоката по уголовному делу, идет поиск оптимальной нормативной модели, определяющей место и роль адвоката в демократическом государстве, исторически сложившимся в континентальной правой семье, с учетом дореволюционного и советского опыта. Эта простая логика применима и тогда, когда мы ведем речь о процессе доказывания в каждом из типов процесса и определении в нем роли следователя или адвоката. В уголовном процессе, где все три функции объединяют в себе одно лицо, адвокат не может стать «стороной» процесса, так как для него в розыскном типе процессе просто нет места. Адвокат не может и собирать доказательства, так как он никогда не может заменить собой основу розыскного процесса – следователя».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«полагаем, что ч. 3 ст. 86 УПК РФ подлежит исключению. Предлагается сформулировать ст. 86.1 УПК РФ «Использование в доказывании материалов адвокатской деятельности» следующего содержания: «1. Адвокат вправе собирать сведения в интересах доверителя следующими способами: а) истребовать по адвокатскому запросу от юридических лиц справки, характеристики и иные документы; б) опрашивать с их согласия лиц, обладающих информацией, которая может быть использована в интересах доверителя; в) привлекать специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. 2. Процессуальный порядок собирания сведений, указанных в ч. 1 настоящей статьи, определяется советом Федеральной палаты адвокатов». Предлагается внести часть 5 в ст. 84 УПК РФ следующего содержания: «Сведения, собранные адвокатом в порядке ст. 86.1 УПК РФ, допускаются по делу в качестве иных документов». Часть 2.2 ст. 159 УПК РФ изложить следующим образом: «Адвокату не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела сведений, предусмотренных п.п. б, в ч. 1 ст. 86.1 УПК РФ»».

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования»,

так как она посвящена правовыми проблемами, связанным с развитием уголовного процесса.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Владимиров Л.Е., Воскобитова Л.А., Мартынчик Е.Г., Мельников В.Ю., Трунов И.Л. и другие).

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам развития правового статуса адвоката в уголовном судопроизводстве.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Рушанян Д.А. Уголовно-правовая регламентация института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий: исторические аспекты // Юридические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.9.71638 EDN: BMTRRK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71638

Уголовно-правовая регламентация института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий: исторические аспекты

Рушанян Диана Арсеновна

соискатель; кафедра уголовного права и криминологии; Кубанский государственный университет
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ pochta_193@list.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок."](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.9.71638

EDN:

BMTRRK

Дата направления статьи в редакцию:

04-09-2024

Аннотация: Предметом исследования является исторический процесс развития уголовно-правовой регламентации института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий. В качестве материалов исследования используются соответствующие правовые акты, принятые в дореволюционный, революционный и постреволюционный периоды развития отечественного уголовного законодательства. Целью работы выступает изучение исторических аспектов уголовно-правовой регламентации института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий. Задачи исследования: обосновать необходимость и значимость осуществления анализа исторических аспектов уголовно-правовой регламентации ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий; проведение анализа правовых актов, начиная с Русской Правды и заканчивая

действующим Уголовным кодексом Российской Федерации, на предмет выявления в их содержании норм, регламентирующих ответственность за указанное вовлечение; проследить зарождение, становление, развитие и оптимизацию института в данной области. Автором использован всеобщий диалектический метод познания, а также комплекс научных методов, таких, как: сравнительно-правовой, формально-юридический и исторический. Особым вкладом автора в исследование темы является формирование историко-правовой периодизации, состоящей из трех периодов. Делается вывод о том, что при переходе из одного исторического периода в другой уголовно-правовые нормы о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий количественно расширяются, получают достаточную развитость, определенный порядок в расположении и связи между собой, что в итоге приводит к тому, что современный период характеризуется стадийностью развития и оптимизацией института ответственности за указанные преступные деяния. Научная новизна темы исследования заключается в рассмотрении исторических аспектов уголовно-правовой регламентации ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий через призму института.

Ключевые слова:

вовлечение, несовершеннолетние, вовлечение несовершеннолетних, уголовная ответственность, преступления, антиобщественные действия, исторические аспекты, уголовное право, регламентация, институт уголовного права

При изучении аспектов уголовно-правовой регламентации ответственности за совершение какого-либо преступления зачастую важно знать одну из ее немаловажных составляющих – историческую, анализ которой преследует несколько важных целей и имеет определенную значимость. Во-первых, история развития уголовного законодательства позволяет отследить эволюцию конкретной нормы права, осмыслить ее динамику, толкование. Во-вторых, посредством соответствующего изучения можно оценить эффективность применения норм права в различные периоды, что способствует выявлению успешных или, наоборот, неудачных аспектов уголовного законодательства, которые могут лечь в основу разработки более действенных современных нормативных положений. В-третьих, оценка степени стабильности уголовного законодательства прошлого может положительным образом сказаться на его устойчивости к изменяющимся условиям настоящего времени.

«*Historia magistra vitae*» (в переводе с лат. «История – учитель (наставница) жизни» (Цицерон)) – лейтмотив многих ретроспективных исследований, проводимых в области рассмотрения отдельных вопросов уголовной ответственности. Не является исключением и изучение уголовно-правовой регламентации ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий, развитие которой прошло путь от единичных ее проявлений до формирования целого правового института.

Исторические аспекты ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий являются предметом пристального внимания ученых, к которым можно отнести М.В. Иванову, Н.Н. Косову, А.И. Морозова, Ф.Ю. Петрова, Ю.Е. Пудовочкина, А.В. Травникова, Н.П. Шевченко и др. Отдельные вопросы данной темы поднимались на уровне диссертационных и монографических исследований И.В. Литвиновой [1], Б.А. Мкртычян [2], Т.А.

Олейниковой [3], А.В. Осипьян [4] и других авторов. Вместе с тем ни одна из проведенных научных работ не является комплексной, то есть одновременно не отражает вопросы зарождения, становления, развития и оптимизации ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий. Кроме того, эти вопросы еще не рассматривались сквозь призму уголовно-правового института.

Анализ дореволюционного уголовного законодательства в соответствующей части традиционно принято начинать с изучения такого правового акта, как Русская Правда, положения которой основывались на нормах обычного права и местных обычаях, а не на единой кодификации письменного вида: правила формировалась на основе традиций и обычаяев, передаваемых устно. В ней, однако, не содержалось предписаний, ставящих под охрану несовершеннолетнего от преступного вовлечения. В документе лишь освещались вопросы, связанные с имущественным разделом, касающимся в том числе долей, предназначенным детям в порядке законного наследования и опеки над ними (ст. 92–98 Пространной редакции).

Как и Русская Правда, иные правовые акты Древней Руси не выделяли фигуру несовершеннолетнего как особую категорию потерпевших в рамках объекта уголовно-правовой охраны [5, с. 49; 11, с. 13]. Подчеркивая данный факт, Э.Б. Мельникова справедливо отмечает, что до середины XIX столетия, детства, являющегося особым защищаемым периодом жизни человека, как правовой категории (правового понятия), в юриспруденции не существовало. Виновные в совершении правонарушения лица несовершеннолетнего возраста были приравнены к взрослым, выступающим в роли субъекта преступления [6, с. 27]. Ярким подтверждением данного тезиса служит то, что в XVII в. хоть и появляются первые запреты, связанные с вовлечением в преступную деятельность (ст. 12 и 19 гл. XXII Соборного уложения 1649 г.), однако свое действие они распространяют как на совершеннолетних, так и на взрослых лиц, – в правовых нормах возраст не конкретизируется.

Индифферентным, в ключе рассматриваемой проблематики, являлось законодательство времен правления Петра I. В изданном в 1715 г. Артикуле воинском не содержалось норм, предусматривающих ответственность за вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность, что, по большей части, было связано с направленностью данного правового акта на регулирование вопросов, связанных с воинской службой, установлением ответственности за военные проступки, нарушением воинской дисциплины и организацией военных подразделений.

Ряд важных изменений в рассматриваемой области произошел в связи с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение 1845 г.), вышедшем «в свет» в «эпоху великих реформ», начатых Александром II. Следует отметить, что данный правовой документ оказал существенное влияние на последующее развитие российского уголовного права, а его нормативное содержание имело долгосрочные последствия. В нем впервые за всю историю развития российского уголовного законодательства были регламентированы нормы, которые признавали прямое вовлечение взрослыми несовершеннолетних в совершение преступления в качестве самостоятельного преступного деяния. Данные нормы, главным образом, включались в разделы VIII и XI Уложения 1845 г. Так, к примеру, в указанном правовом акте встречалась такая норма-запрет, как склонение или побуждение лицами, осуществляющими надзор за малолетними и несовершеннолетними, последних к «непотребству». Соответствующее «вовлечение» со стороны родителей, опекунов, а

также иных родственников запрещалось и к другим «порокам», что фиксировалось в ст. 993. Статья 998 Уложения 1845 г. запрещала сводничество детей, если оно осуществлялось их родителями. Причем в примечании I к данной норме отмечалось, что таковое выражается в уговоре к совершению «прелюбодеяния». В ст. 1587 был установлен запрет на умышленное вовлечение родителями своих несовершеннолетних детей в какое-либо преступление, в котором сами непосредственного участия они не принимали.

В содержании указанных норм права можно заметить, что соответствующее вовлечение зачастую оказывалось родителями, поскольку во второй половине XIX в. власть таковых над своими детьми была абсолютной. Данный подход противоречил государственным интересам, в связи с чем законодатель вынужден был его ограничить рамками закона. Так, последним были разработаны правила, которыми установились пределы (ограничения) для родителей – нахождение в их самостоятельном ведении лишь сферы нравственности, обеспечения блага детей, семьи и государства [\[7, с. 189\]](#).

По прошествии без малого двадцати лет «родительская» ответственность нашла свое отражение в положениях Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, принятого в 1864 г. (далее – Устав 1864 г.). В ст. 51 данного документа предусматривалась ответственность для родителей или лиц, имеющих попечение над детьми, которые допускали таковых к нищенствованию в виде прошения милостыни. Причем ответственность усиливалась, если совершение данного проступка перерастало из единоразовых проявлений в ремесло, т.е. в профессиональное занятие, однако не в социальном его понимании.

В редакции 1906 года Устав 1864 г. был дополнен новыми статьями, взявшими под охрану здоровье малолетних, которое могло ухудшиться в связи с позволением таковым употреблять алкогольную продукцию и работать в заведениях, где такую продукцию разливают. В частности, установился запрет на допущение указанных лиц к распитию крепких напитков в предназначенных для торговли такими напитками заведениях (ст. 51.10). Кроме того, к ответственности, в соответствии со ст. 51.14, могли привлечь собственников мест, относящихся к заведениям трактирного промысла, в которых осуществлялся сбыт крепких напитков лицами, имеющими статус прислуги, не достигшей установленного возраста.

В ст. 144.1 Устава 1864 г. осуществлена дифференциация детей на две категории: малолетние и несовершеннолетние. Причем существенные отличия между ними не обозначались. Данной нормой указанных лиц запрещалось оставлять без надзора со стороны тех, кто был за него ответственен в соответствии с постановлением судебной или следственной власти. Однако к ответственности виновных лиц можно было привлечь только при констатации того, что ребенок, который освободился от ограничения в виде надзора, совершил либо уголовно-наказуемое деяние, либо менее тяжкое преступление. Безусловно, напрямую речи о преступном вовлечении в ст. 144.1 Устава 1864 г. не шло, однако законодатель того времени посчитал, что признак оставления без надзора есть детерминант, способный обусловить детскую преступность.

Дальнейшее расширение норм, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность произошло в 1903 году. В этот период было принято новое Уголовное уложение (далее – Уложение 1903 г.), которое несмотря на то, что так и не вступило в законную силу полностью, все же содержало в себе отдельные нормы, интересные в ракурсе рассматриваемой темы. К примеру, п. 2 ст. 420 правового акта устанавливал ответственность за совершение виновными лицами

преступлений в виде: 1) обращения не достигшего 17 лет лица к нищенству или другому безнравственному занятию; 2) отдачи указанного лица для реализации данной антиобщественной цели. Причем законодатель в норме перечислил круг субъектов данных противоправных деяний. В него входили родители, опекуны, попечители или иные лица, осуществляющие надзор над несовершеннолетними. В п. 3 этой же статьи запрещалось принуждать вступать в брак лицо, которое не достигло 21 года. Причем преступление считалось оконченным, если такой брак, как результат злоупотребления властью родителей или опекунов, состоялся.

Ответственность за схожее со ст. 144.1 Устава 1864 г. деяние устанавливалась и в ст. 423 Уложения 1903 г., однако, во-первых, бездействие со стороны ответственных за надзор лиц исходило не в отношении не достигшего 17 лет лица, а малолетнего или иного поднадзорного лица и во-вторых, при условии наступления последствий, которые выражались в совершении последними простого или тяжкого преступления.

В ряде статей Уложения 1903 г. предусматривалась ответственность за «непотребство», за совершение против несовершеннолетних половых противоправных деяний. Таковыми данная группа преступлений называлась в связи с одноименным названием главы XXVII («О непотребстве») правового акта, в которой были регламентированы ст. 513-529. Примечательно, что в них была проведена градация лиц по возрасту:

- ребенок – лицо, не достигшее 14 лет;
- малолетний – лицо в возрасте от 14 до 16 лет;
- иные лица в возрасте от 16 лет до 21 года и до 21 года без нижнего возрастного порога [\[5, с. 50\]](#).

Исходя из вышесказанного можно понять, что во временном промежутке – середина XIX – начало XX вв. – уголовно-правовая охрана несовершеннолетних, их прав и свобод, осуществлялась на достаточно развитом уровне. В уголовном законодательстве был сформирован особый правовой институт, связанный с защитой рассматриваемой категории лиц, в котором акцент делался именно на вовлечении молодых людей в преступную и (или) безнравственную деятельность. Однако несмотря на то, что данные вопросы были притягательны для законодателя того времени, они все же требовали детальной проработки.

Произошедшие в начале ХХ в. перемены в России, вызванные социально-экономической и политической нестабильностью в государстве, привели к росту уровня детской преступности, увеличению количества преступных деяний, участниками которых являлись несовершеннолетние [\[8, с. 232\]](#). Данные обстоятельства ускорили процесс формирования качественно нового законодательства в сфере уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от их вовлечения в преступления и антиобщественные действия со стороны взрослых.

В период происходивших в нашей стране революционных изменений были приняты Декреты от 14 января 1918 г. и 04 марта 1920 г. Так, на основании положений последнего была сформирована «Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних». В ней оговаривались вопросы совместного участия несовершеннолетнего и взрослого в совершении преступления. Особо отмечалась роль последнего в таком участии, которая могла выражаться в виде подстрекательства, склонения, соучастия, попустительства и других деяний (ст. 13). Также содержалось предписание, гласившее, что в случае выявления признаков участия взрослого в преступлении, которое совершило лицо, не

достигшее совершеннолетия, соответствующую информацию о первом надлежит передать комиссией органам суда и следствия [9, с. 125].

На этапе становления советского уголовного законодательства нормы об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий не были достаточно разработаны, а их количественное представительство в уголовных законах характеризовалось единичными проявлениями. Так, например, в УК РСФСР 1922 г. в этой связи, устанавливался лишь запрет на вовлечение несовершеннолетнего лица в проституцию. Причем за данное деяние усиливалась ответственность в соответствии со ст. 171. В ст. 73.2 УК РСФСР 1926 г. в схожей форме была установлена ответственность за понуждение несовершеннолетних к занятию проституцией. Вместе с тем данный правовой акт, в отличие от предыдущего уголовного закона, поставил под охрану гораздо больше случаев соответствующего вовлечения несовершеннолетних. Так, указанной нормой, помимо обозначенного, запрещалось: 1) подстрекательство или привлечение к участию в разного рода преступлениях; 2) понуждение к занятию спекуляцией, нищенством и т.п. Причем во втором случае перечень подобных видов деятельности был открытым.

Об ответственности за совершение вышеназванных преступлений упоминалось и в п. 2 постановления ЦИК и СНК СССР от 07 апреля 1935 г., сконструированном по той же форме законодательной техники, как и ст. 73.2 УК РСФСР 1926 г.

В ходе дальнейшего развития советского уголовного законодательства безопасность несовершеннолетнего обеспечивалась все большими средствами уголовно-правовой охраны, что было связано с принятием в 1960 году нового Уголовного кодекса РСФСР. Так, в данном правовом акте положения о соответствующем вовлечении несовершеннолетних были предусмотрены в ст. 210, 210.1, 210.2, 224.2. В первой из них ответственность была предусмотрена за вовлечение в: 1) преступную деятельность; 2) проституцию; 3) попрошайничество; 3) азартные игры; 4) пьянство, а также за использование несовершеннолетних для целей паразитического существования. Следует отметить, что несмотря на явное превалирование перечисленных в норме антиобщественных действий, советский законодатель отражает в названии ст. 210 Уголовного кодекса вовлечение именно в преступную деятельность, которой, по своей сути, могут и не являться антиобщественные проявления. Таким образом становится очевидным, что название анализируемой статьи гораздо уже его содержания.

Ответственность за доведение (до состояния опьянения) несовершеннолетнего, выступающего формой вовлечения, понимаемого в широком смысле, фигурировала в ст. 210.1 Уголовного кодекса 1960 года. Причем виды опьянения в зависимости от веществ, вызвавших подобное состояние, не конкретизировались в законе. Однако в ст. 210.2 УК РСФСР 1960 г. в этом контексте уточнение имеется: преступным признавалось вовлечение лиц, не достигших совершеннолетия, в немедицинское потребление одурманивающих средств – лекарств и иных средств, не относящихся к наркотикам.

О склонении к потреблению таковых (наркотические средства) говорится в ст. 224.2 рассматриваемого кодекса, как об обстоятельстве, отягчающем ответственность виновного лица.

В целом можно отметить, что в УК РСФСР 1960 г. нормы, регламентирующие ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий, получили определенный порядок в расположении и связи [10] между собой, т.е. были облечены в систему. Формирование данной системы

явились предпосылкой дальнейшего развития института в указанной области, о чем свидетельствует, во-первых, введение в Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. отдельной главы (20), посвященной преступлениям против семьи и несовершеннолетних, а во-вторых, расширение в настоящее время количественного состава преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступление и иные антиобщественные действия (к примеру, появились ст. 150, 151, 151.1, п. «в» ч. 4 ст. 228.1, п. «а» ч. 3 ст. 230, п. «б» ч. 2 ст. 230.1, ч. 3 ст. 240, ст. 240.1, п. «в» ч. 2 ст. 241, ч. 2 ст. 242, 242.1, 242.2, ч. 2 ст. 159). Такое положение дел, как представляется, связано с принятием в 1993 г. Конституции РФ, поставившей детство под защиту государства (ч. 1 ст. 38) и вступлением для Российской Федерации в силу в 1991 г. Декларации прав и свобод человека и гражданина.

Проанализировав исторические аспекты рассматриваемой темы, можно предложить следующую периодизацию:

1. Период зарождения ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность (середина XIX – начало XX вв.). Характеризуется появлением первых норм, предусматривающих ответственность за прямое вовлечение взрослыми несовершеннолетних в совершение преступления, нищенствование, употребление алкогольной продукции, работу в заведениях, которые ее разливают и т.п. Причем соответствующее вовлечение зачастую оказывалось родителями, власть которых над детьми была абсолютной. В этот период впервые осуществляется дифференциация детей на две категории: малолетние и несовершеннолетние.
2. Период становления института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий (с 1960 по 1996 гг.). Его особенностью является то, что нормы, регламентирующие ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий, стали упорядоченными, образовались в систему. Их множественность свидетельствует о становлении уголовно-правового института.
3. Период развития и оптимизации названного уголовно-правового института (с 1996 г. по наши дни). Связан с принятием в 1996 году Уголовного кодекса РФ, в котором произошло расширение количественного состава преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий.

Библиография

1. Литвинова И. В. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иные антиобщественные действия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 170 с.
2. Мкртычян Б. А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. 217 с.
3. Олейникова Т. А. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных общественно опасных действий (уголовно-правовой и криминологический аспекты). Ростов-на-Дону, 2005. 210 с.
4. Осипьян А. В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 217 с.
5. Гайков В. Т., Лемчик Т. А. Исторические аспекты уголовной ответственности за

- вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность // *Terra Economicus*. 2009. Т. 7. № 4 (3). С. 49–52.
6. Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминологии: учебное пособие. М., 2000. 272 с.
7. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. 662 с.
8. Шевченко О. В., Габриелян М. Ю. Нормативно-правовое регулирование ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную или иную антиобщественную деятельность в исторической ретроспективе // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. 2017. № 2 (3). С. 225–239.
9. Павлов Д. В. История развития отечественного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественную деятельность // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 4 (18). С. 121–128.
10. Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28751>
11. Шкловский А. О. Эволюция отечественного законодательства об уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Свобода и право: сборник статей XXVI Международной научной конференции (Кемерово, 30 апреля 2018 г.). Кемерово, 2018. С. 13–19.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, уголовно-правовая регламентация института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий. Автор сосредоточил свое внимание на исторических аспектах вопроса. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "При изучении аспектов уголовно-правовой регламентации ответственности за совершение какого-либо преступления зачастую важно знать одну из ее немаловажных составляющих – историческую, анализ которой преследует несколько важных целей и имеет определенную значимость. Во-первых, история развития уголовного законодательства позволяет отследить эволюцию конкретной нормы права, осмыслить ее динамику, толкование. Во-вторых, посредством соответствующего изучения можно оценить эффективность применения норм права в различные периоды, что способствует выявлению успешных или, наоборот, неудачных аспектов уголовного законодательства, которые могут лежать в основу разработки более действенных современных нормативных положений. В-третьих, оценка степени стабильности уголовного законодательства прошлого может положительным образом сказаться на его устойчивости к изменяющимся условиям настоящего времени. «*Historia magistra vitae*» (в переводе с лат. «История – учитель (наставница) жизни» (Цицерон)) – лейтмотив многих ретроспективных исследований, проводимых в области рассмотрения отдельных вопросов уголовной ответственности. Не является исключением и изучение уголовно-правовой регламентации ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий, развитие которой прошло путь от единичных ее проявлений до формирования целого правового

института.". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Индифферентным, в ключе рассматриваемой проблематики, являлось законодательство времен правления Петра I. В изданном в 1715 г. Артикуле воинском не содержалось норм, предусматривающих ответственность за вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность, что, по большей части, было связано с направленностью данного правового акта на регулирование вопросов, связанных с воинской службой, установлением ответственности за военные проступки, нарушением воинской дисциплины и организацией военных подразделений. Ряд важных изменений в рассматриваемой области произошел в связи с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение 1845 г.), вышедшем «в свет» в «эпоху великих реформ», начатых Александром II. Следует отметить, что данный правовой документ оказал существенное влияние на последующее развитие российского уголовного права, а его нормативное содержание имело долгосрочные последствия. В нем впервые за всю историю развития российского уголовного законодательства были регламентированы нормы, которые признавали прямое вовлечение взрослыми несовершеннолетних в совершение преступления в качестве самостоятельного преступного деяния. Данные нормы, главным образом, включались в разделы VIII и XI Уложения 1845 г.;" "Исходя из вышеизложенного можно понять, что во временном промежутке – середина XIX – начало XX вв. – уголовно-правовая охрана несовершеннолетних, их прав и свобод, осуществлялась на достаточно развитом уровне. В уголовном законодательстве был сформирован особый правовой институт, связанный с защитой рассматриваемой категории лиц, в котором акцент делался именно на вовлечении молодых людей в преступную и (или) безнравственную деятельность. Однако несмотря на то, что данные вопросы были притягательны для законодателя того времени, они все же требовали детальной проработки" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор исследует эволюцию уголовно-правовой регламентации института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Виновные в совершении правонарушения лица несовершеннолетнего возраста были приравнены к взрослым, выступающим в роли субъекта преступления [2, с. 27]" - "в роли".

Ученый отмечает: "Однако в ст. 210.2 УК РСФСР 1960 г. в этом контексте уточнение имеется: преступным признавалось вовлечение лиц, не достигших совершеннолетия, в немедицинское потребление одурманивающих средств – лекарства и иные средства, не относящиеся к наркотикам" - "лекарств и иных средств, не относящихся к наркотикам".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 7 источниками (научными статьями, словарем, учебником, учебным пособием). С формальной точки зрения источников

должно быть не менее 10.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно, положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Итоговые выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Проанализировав исторические аспекты рассматриваемой темы, можно предложить авторскую периодизацию, включающую в себя такие периоды, как: 1) зарождение ответственности (середина XIX – начало XX вв.), становление (с 1960 по 1996 гг.), развитие и оптимизация (с 1996 г. по наши дни) института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий"), но не отражают всех научных достижений автора статьи, и потому должны быть уточнены и конкретизированы.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, истории отечественного государства и права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, расширении теоретической базы работы, уточнении и конкретизации выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Уголовно-правовая регламентация института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий: исторические аспекты».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам исторического развития института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий. Автором на основе правовых источников, начиная с Русской Правды, делаются выводы по поводу того, как появился и развивался данный институт. Устанавливаются моменты начала и развития института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий в отечественной истории. В качестве конкретного предмета исследования выступили положения законодательства, мнения ученых, различные документы разных исторических периодов.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса об историческом развитии института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм УК РФ). Например, следующий вывод автора: «Формирование данной системы явились предпосылкой дальнейшего развития института в указанной области, о чем свидетельствует, во-первых, введение в Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. отдельной главы (20), посвященной преступлениям против семьи и несовершеннолетних, а во-вторых, расширение в настоящее время количественного состава преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступление и иные антиобщественные действия (к примеру, появились ст. 150, 151, 151.1, п. «в» ч. 4 ст. 228.1, п. «а» ч. 3 ст. 230, п. «б» ч. 2 ст. 230.1, ч. 3 ст. 240, ст. 240.1, п. «в» ч. 2 ст. 241, ч. 2 ст. 242, 242.1, 242.2, ч. 2 ст. 159). Такое положение дел, как представляется, связано с принятием в 1993 г. Конституции РФ, поставившей детство под защиту государства (ч. 1 ст. 38) и вступлением для Российской Федерации в силу в 1991 г. Декларации прав и свобод человека и гражданина».

Важнейшим в контексте цели исследования стал историко-правовой метод исследования, который позволил сопоставить правовые нормы отечественного уголовного законодательства в разные исторические периоды. В частности, отметим следующий авторский вывод: «На этапе становления советского уголовного законодательства нормы об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий не были достаточно разработаны, а их количественное представительство в уголовных законах характеризовалось единичными проявлениями. Так, например, в УК РСФСР 1922 г. в этой связи, устанавливался лишь запрет на вовлечение несовершеннолетнего лица в проституцию. Причем за данное деяние усиливалась ответственность в соответствии со ст. 171. В ст. 73.2 УК РСФСР 1926 г. в схожей форме была установлена ответственность за понуждение несовершеннолетних к занятию проституцией. Вместе с тем данный правовой акт, в отличие от предыдущего уголовного закона, поставил под охрану гораздо больше случаев соответствующего вовлечения несовершеннолетних. Так, указанной нормой, помимо обозначенного, запрещалось: 1) подстрекательство или привлечение к участию в разного рода преступлениях; 2) понуждение к занятию спекуляцией, нищенством и т.п. Причем во втором случае перечень подобных видов деятельности был открытым».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема исторического развития института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «При изучении аспектов уголовно-правовой регламентации ответственности за совершение какого-либо преступления зачастую важно знать одну из ее немаловажных составляющих – историческую, анализ которой преследует несколько важных целей и имеет определенную значимость. Во-первых, история развития уголовного законодательства позволяет отследить эволюцию конкретной нормы права, осмыслить ее динамику, толкование. Во-вторых, посредством соответствующего изучения можно оценить эффективность применения норм права в различные периоды, что способствует выявлению успешных или, наоборот, неудачных аспектов уголовного законодательства, которые могут лечь в основу разработки более действенных современных нормативных

положений. В-третьих, оценка степени стабильности уголовного законодательства прошлого может положительным образом сказаться на его устойчивости к изменяющимся условиям настоящего времени».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«1. Период зарождения ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность (середина XIX – начало XX вв.). Характеризуется появлением первых норм, предусматривающих ответственность за прямое вовлечение взрослыми несовершеннолетних в совершение преступления, нищенствование, употребление алкогольной продукции, работу в заведениях, которые ее разливают и т.п. Причем соответствующее вовлечение зачастую оказывалось родителями, власть которых над детьми была абсолютной. В этот период впервые осуществляется дифференциация детей на две категории: малолетние и несовершеннолетние. 2. Период становления института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий (с 1960 по 1996 гг.). Его особенностью является то, что нормы, регламентирующие ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий, стали упорядоченными, образовались в систему. Их множественность свидетельствует о становлении уголовно-правового института. 3. Период развития и оптимизации названного уголовно-правового института (с 1996 г. по наши дни). Связан с принятием в 1996 году Уголовного кодекса РФ, в котором произошло расширение количественного состава преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению исторического опыта в рассматриваемой сфере, что может быть полезно специалистам в данной сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с историческим развитием института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Гайков В.Т., Лемчик Т.А., Литвинова И.В., Мкртычян Б.А., Шевченко О.В., Габриелян М.Ю. и другие).

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам об истории и тенденциях развития отечественного уголовного законодательства.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Лайкова Е.А., Рогова Е.В. Некоторые проблемы применения норм, устанавливающих ответственность за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранных граждан и лиц без гражданства // Юридические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.9.36703 EDN: ARRBXW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36703

Некоторые проблемы применения норм, устанавливающих ответственность за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранных граждан и лиц без гражданства**Лайкова Елена Александровна**преподаватель, кафедра уголовного права и криминологии, ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ИНСТИТУТ
МВД России

664009, Россия, Ул. Ядринцева 29/9-22 область, г. Иркутск, ул. Ядринцева, 29/9, кв. 22

✉ elena-lajkova@yandex.ru**Рогова Евгения Викторовна**

доктор юридических наук

профессор, кафедры уголовно-правовых дисциплин, Иркутского юридического института (филиала)
федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования
«Университет прокуратуры», доцент

664009, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Мик-Н крылатый, 24, кв. 20

✉ rev-80@yandex.ru[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.9.36703

EDN:

ARRBXW

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2021

Аннотация: Особое внимание уделяется вопросам применения норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления в сфере регистрационного и миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства. Анализ норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления против порядка регистрационного и

миграционного учета, позволил выявить наличие проблем в их применении, а также то, что они не в полной мере отвечают требованиям сложившейся криминальной ситуации, связанной с фиктивной регистрацией граждан и постановкой на учет. Особое внимание уделяется проблемам квалификации нескольких фактов совершения преступления как единого продолжаемого или как совокупности преступлений, определения субъективной стороны, разграничения рассматриваемых преступлений между собой, а также с другими смежными составами преступлений, квалификации по совокупности с другими преступлениями, а также квалификации действий иных лиц, оказывающих содействие фиктивной регистрации и фиктивной постановке на учет. Новизна исследования заключается в том, что предложены критерии ограничения исследуемых составов преступлений от смежных составов преступления, квалификации по совокупности с другими сопутствующими им преступлениями. Преступления, предусмотренные ст. 3222 и 3223 УК РФ, следует ограничивать от смежных составов преступлений по непосредственному объекту, признакам объективной стороны и признакам субъекта. Если преступления, предусмотренные ст. 3222 и 3223 УК РФ, являются специальными по отношению к другим уголовно-правовым нормам (например, ст. 285, 286 УК РФ), то противоправные деяния квалифицируются только по специальной норме согласно положению, закрепленному в ч. 3 ст. 17 УК РФ. При совершении рассматриваемых преступлений должностными лицами, государственными или муниципальными служащими возможна также их квалификация и по совокупности с другими составами преступлений при наличии соответствующих признаков таких составов преступлений, как, например, служебный подлог, мелкое взяточничество и др.

Ключевые слова:

уголовная ответственность, проблемы квалификации, фиктивная регистрация, миграционный учет, иностранные граждане, лица без гражданства, посредники, единый умысел, совокупность, ложные сведения

Появление в уголовном законодательстве России норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления в сфере регистрационного и миграционного учета, непременно порождает вопросы правильной их квалификации, а также ограничения их от смежных составов преступлений, а также квалификации по совокупности с другими преступлениями. Следует обратить внимание и на бланкетный характер рассматриваемых уголовно-правовых норм, что обуславливает обращение правопримениеля к законодательству, регулирующему правила регистрации, а также правила миграционного учета иностранных граждан стран.

Анализ судебно-следственной практики выявил ряд проблем, с которыми сталкиваются правоприменительные органы при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 3222 и 3223 УК РФ. Среди них следует отметить такие как квалификация нескольких фактов совершения преступления как единое продолжаемое или совокупность преступлений, разграничение их между собой, со смежными составами преступлений и т.д.

Первый из поставленных вопросов касается квалификации нескольких эпизодов преступлений, предусмотренных ст. 3222 и 3223 УК РФ, как единого продолжаемого преступления или как совокупности преступлений. Так, исследование показало, что порой деяния, сходные по своим признакам, получают различную оценку судебно-следственных органов.

Так, гр. О. была осуждена судом за совершение единого преступления, предусмотренного ст. 3223 УК РФ. В разные дни с 12 января по 5 июля 2013 г., гр. О, вымышлено поставила на учет по месту пребывания одиннадцать иностранных граждан. При этом она не имела намерения предоставлять им жилое помещение. Суд, применив положения ст. 64 УК РФ, назначил наказание в виде штрафа^[1]. Рассмотрим противоположный случай гр. Г. в разные дни в период с 8 декабря 2015 г. по 16 мая 2016 г. вымышлено (фактивно) поставил на учет по месту пребывания трех иностранных граждан. Действие подсудимого суд квалифицировал по совокупности трех преступлений, а именно по ст. 3223 УК РФ, ст. 3223 УК РФ, ст. 3223 УК РФ, поскольку, как установил суд, им было совершено три факта такой постановки на учет иностранного гражданина по месту пребывания в жилом помещении в РФ, и назначил ему наказание за каждое преступление в виде штрафа в размере 100 тыс. рублей^[2]. В первом примере при осуждении гр. О. за фактивную постановку на учет десяти иностранных граждан суд ограничился указанием в приговоре лишь на «исполнение преступного умысла, направленного на извлечение прибыли с иностранных граждан». Из этого отдаленно можно сделать вывод о наличии у осужденной единого преступного умысла и единой преступной цели, состоящей в извлечении прибыли, что является признаками единого продолжаемого преступления. Во втором приговоре, приведенном в отношении гр. Г., каждый факт совершения противоправных действий описывается отдельно, суд приходит к выводу о наличии в его действиях совокупности преступлений, так как не было установлено и зафиксировано в приговоре наличия единого умысла, общей цели, к достижению которой стремился преступник.

Таким образом, в действиях лица может усматриваться единое продолжаемое преступление при наличии определенных признаков. К этим признакам можно отнести ряд тождественных действий, осуществляемых с небольшим промежутком во времени, общую цель, наличие единого умысла. По этому поводу Н. Г. Кадников и Г. С. Шкабин высказывают точку зрения о том, что умысел на совершение данных преступлений разрывается при совершении общественно опасного деяния в отношении разных лиц. Следовательно, совершение деяний в отношении двух и более лиц, даже и объединенных единым умыслом, составляет множественность преступлений^[3].

Вместе с тем представляется, что в каждом конкретном случае необходимо решать вопрос о наличии единого продолжаемого преступления или совокупности преступлений в зависимости от обстоятельств совершенного деяния, наличия единого умысла и единой цели.

Переходя к рассмотрению вопросов квалификации по совокупности изучаемых преступлений с другими противоправными действиями, следует сказать, что совокупность преступлений – весьма распространенное явление. В каждом конкретном случае в ходе квалификации совершенного деяния важно определить присутствие правовых признаков совокупности, отделить от других форм множественности преступлений и от сложных единичных преступлений.

Как показало проведенное исследование, рассматриваемые преступления, могут совершаться в совокупности с такими преступлениями, как незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации (ст. 2921 УК РФ), внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные

документы заведомо ложных сведений (ст. 292 УК РФ), подделка, изготовление, сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов и печатей (ст. 327 УК РФ).

Например, в период с 01.10.2019 по 12.10.2019 г. гр. Сидоровой С.А., являющейся должностным лицом, обратился гр. К., с просьбой произвести регистрацию его знакомого гр. М., по месту пребывания понимая, что он в данном населенном пункте никогда проживать не будет, пообещав при этом денежное вознаграждение. Гр. Сидорова С.А., изготовив подложный документ – заявление по форме №1, после чего, произвела регистрацию гражданина Российской Федерации по месту пребывания, без согласия собственника жилого помещения^[5]. Деяние, предусмотренное ст. 327 УК РФ может сопутствовать совершению рассматриваемых преступлений. Вместе с тем имеется мнение, согласно которому как совокупность ст. 3222 УК РФ и ч. 3 ст. 327 УК РФ следует квалифицировать регистрацию (учет), совершенную с использованием подложного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей^[6]. Эта позиция находит отражение и в судебной практике.

Гражданин Д., с целью зачисления своего несовершеннолетнего ребенка в первый класс познакомился по интернету с неустановленным лицом для приобретения – подложного свидетельства о регистрации по месту пребывания в целях его последующего использования. Противоправные действия гражданина Д. по приобретению иного официального документа были квалифицированы только по ч. 3 ст. 327 УК РФ^[7].

Впрочем, существует достаточно обоснованное мнение, согласно которому при использовании поддельного документа в целях совершения преступления совокупность в действиях лица отсутствует. Р. А. Сабитов и Е. Ю. Сабитова пишут следующее: «Использование... заведомо подложного документа является разновидностью обмана. Поэтому в случаях, когда обман является способом совершения определенного преступления и признаком состава, использование подложного документа не требует дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 327 УК РФ^[8]. Если виновные лица предоставили в орган регистрационного учета подделанный официальный документ, изготовленный другим лицом, то содеянное охватывается составом ст. 3222 либо 3223 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ не требуется^[9]. А в случае, если лицо само изготовило поддельный документ, то его действия необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 327 УК РФ.

Таким образом, соглашаясь со второй точкой зрения, отметим, что использование подложного документа в целях осуществления мнимой регистрации и учета является способом совершения указанных преступлений и дополнительной квалификации не требует согласно правилам квалификации преступлений, когда способ является частью их объективной стороны^[10]. Анализ правовых предписаний, содержащихся в Законе РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»^[11] и в примечании к ст. 3223 УК РФ, раскрывающих понятие фиктивной регистрации и фиктивной постановки на учет, образующих объективную сторону инкриминируемых составов, позволил сделать вывод, что рассматриваемые деяния могут быть выполнены как общим субъектом, так и специальным субъектом. Специальным субъектом признается в той части, в которой уполномоченные лица принимают решение о регистрационном учете или о постановке на миграционный учет, а общим – в той части, где предоставляет подложные документы, на основании которых осуществляется регистрационный и миграционный учет.

Следовательно, предоставление поддельных документов общим субъектом охватывает собой использование подложного документа и не требует его дополнительной квалификации. В части действия специального субъекта использование подделанных документов им не осуществляется. Следовательно, совершение им действий, образующих объективную сторону рассматриваемого состава, не соединено с использованием подделанного документа. В этом и состоит специфика реализации объективной стороны указанных составов разными субъектами и отсутствие оснований для дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 327 УК РФ. Дополнительная квалификация по ст. 327 УК РФ требуется только в случае, если лицо само изготовило официальный документ. В этой ситуации необходима квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ и в зависимости от обстоятельств конкретного дела ст. 3222 УК РФ или ст. 3223 УК РФ.

Далее обратим внимание на случаи квалификации рассматриваемых составов по совокупности с преступлением, предусмотренным ст. 285 УК РФ.

Так, гр. С., являясь официальным лицом, за денежное вознаграждение была признана виновной в осуществлении фиктивной постановки на учет двух иностранных граждан, а также регистрации гражданина России достоверно зная, что данные граждане по данному адресу пребывать не будут.

Суд квалифицировал ее действия по ст. 3223, ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 285 УК РФ^[12]. Анализ предписаний, содержащихся в ст. 285 УК РФ и ст. 3222 и 3223 УК РФ, позволяет заключить, что в рассматриваемых преступлениях содержится специальный вид злоупотребления должностными полномочиями, которое выражается в выполнении специальным субъектом действий, направленных на осуществление фиктивной регистрации и фиктивной постановки на учет. Другими словами, ст. 3222 и 3223 УК РФ являются специальными по отношению к ст. 285 УК РФ, и по правилам ч. 3 ст. 17 УК РФ квалификация осуществляется по специальной норме. В нашем случае по ст. 3222 и 3223 УК РФ в зависимости от обстоятельств дела. Исходя из этого, полагаем, что в приведенном выше случае была излишне вменена ст. 285 УК РФ.

В судебно-следственной практике отмечаются случаи, когда к уголовной ответственности привлекаются два и более лиц, участвовавших в совершении рассматриваемых преступлений. Однако такие случаи встречаются достаточно редко. При этом интервьюирование сотрудников миграционной службы выявило, что зачастую между мигрантами и теми, кто их регистрирует или ставит на учет, имеются посредники. Эти посредники помогают найти им тех людей, кто их фиктивно зарегистрирует или поставит на учет. Вместе с тем они остаются за рамками правового поля, лишь в некоторых случаях привлекаются к уголовной ответственности как посредники.

Например, гр. И. предложила гр. Б. за денежное вознаграждение фиктивно поставить их на учет по месту пребывания в квартире по месту своей регистрации иностранных граждан, при этом было оговорено, что указанные лица проживать в квартире не будут. Склоняя путем уговора и подкупа к совершению преступления, гр. И. пообещала гр. Б. денежное вознаграждение. Затем, действуя совместно и согласованно, группой лиц по предварительному сговору, согласно оговоренным условиям, в дневное время гр. И. вместе с гр. Б. встретились с неустановленным лицом в помещении, после оформления всех документов гр. Б. осуществил постановку иностранных граждан на учет по месту пребывания. За содеянное гр. И. была осуждена по ч. 4 ст. 33 УК РФ, ст. 3223 УК РФ^[13].

Принимая во внимание вышеизложенное необходимо отметить, что при квалификации

преступлений против порядка регистрационного и миграционного учета необходимо давать правильную оценку фиктивной регистрации (постановке на учет) нескольких лиц как единому продолжаемому преступлению или совокупности с учетом конкретных обстоятельств совершенного деяния, наличия единого умысла и единой цели у лица, виновного в совершении преступления. От смежных составов преступлений они отграничиваются по непосредственному объекту, признакам объективной стороны и признакам субъекта. При совершении рассматриваемых преступлений должностными лицами, государственными или муниципальными служащими возможна также их квалификация и по совокупности с другими составами преступлений при наличии соответствующих признаков таких составов преступлений, как, например, служебный подлог, мелкое взяточничество и др.

Библиография

1. Кадников Н. Г., Шабин Г. С. Проблемы уголовной ответственности за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет граждан Российской Федерации и иностранцев по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 83-88.
2. Сабитов Р. А., Сабитова Е. Ю. Уголовно-правовая оценка обманов и действий, совершённых с документами: монография. М., 2012. – 354 с.
3. Шатилович С. Н. Ответственность за преступления, предусмотренные статьей 322.2 УК РФ: вопросы теории и практики // Юридическая наука и правоохран. практика 2016. № 4 (38). С. 61-62.
4. Яковleva L. V., Udarzova T. M. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьями 3222, 3223 УК РФ: науч.-практ. комментарий / Упр. по организации дознания МВД России; ВНИИ МВД России. М., 2014.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Некоторые проблемы применения норм, устанавливающих ответственность за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранных граждан и лиц без гражданства».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам применения норм, устанавливающих ответственность за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранных граждан и лиц без гражданства. Автором изучается судебная практика по вопросам, вынесенным в название статьи, делаются выводы по обобщению судебной практики. В качестве предмета исследования выбраны материалы судебной практики, мнения ученых, действующее законодательство.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных применения норм, устанавливающих ответственность за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранных граждан и лиц без гражданства. Исходя из поставленных цели и задач

автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм уголовного законодательства РФ). Например, следующий вывод автора: «Совершению рассматриваемых преступных деяний могут сопутствовать некоторые должностные преступления, ответственность за которые установлена ч. 1 ст. 2921, ст. 290 УК РФ. Так, получение должностным лицом взятки за фиктивную регистрацию (постановку на учет), а также за внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства РФ, подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 3222 или 3223, ч. 1 ст. 2921 и соответствующей части ст. 290 УК РФ».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением материалов судебной практики (автором делаются выводы на основе материалов практики различных судов, в том числе Верховного Суда РФ).

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема толкования норм уголовного законодательства сложна, так как анализируемые автором нормы и судебная практика не предлагают единого подхода к тому, как правильно понимать состав преступления. Автор прав в том, что следует обратить внимание и «на бланкетный характер рассматриваемых уголовно-правовых норм, что обуславливает обращение правоприменителя к законодательству, регулирующему правила регистрации, а также правила миграционного учета иностранных граждан стран». С точки зрения практики и правоприменения в целом важными могли бы быть обобщения судебной практики по предложенным автором делам. Такие обобщения могут быть необходимыми для практических работников (в целях понимания тенденций в развитии судебной практики), а также в правотворческой работе (при создании изменений и дополнений в законодательство).

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи вызывает некоторые сомнения и требует уточнения. Конечно, по тексту статьи имеются некоторые рассуждения автора, связанные с обобщением судебной практики. В них, как представляется, есть определенная научная новизна. Так, сделан следующий вывод:

«Как показало проведенное исследование, рассматриваемые преступления, могут совершаться в совокупности с такими преступлениями, как незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации (ст. 2921 УК РФ), внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные

документы заведомо ложных сведений (ст. 292 УК РФ), подделка, изготовление, сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов и печатей (ст. 327 УК РФ)».
Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Однако однозначному выводу о наличие в статье научной новизны препятствует несколько моментов. Во-первых, отсутствует конкретный вывод в целом по статье. Автор завершает свои рассуждения мнением о квалификации конкретного случая. Не ясно, какой имеется вывод в целом по результатам обобщения судебной практики. Во-вторых, автор делает ссылки и приводит мнения различных ученых. При этом количество изученных источников невелико. Следовательно, сложно сказать, в чем конкретно мнение автора отличается от имеющихся в науке. При увеличении количества цитируемых работ научная новизна статьи могла бы выглядеть более очевидно и ярко. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки, но при этом научная новизна статьи должна быть конкретизирована и явно следовать и текста работы.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с толкованием и применением норм уголовного законодательства России.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено. Вместе с тем могут быть некоторые рекомендации по улучшению оформления статьи. Так, имеются опечатки в номерах статей. Автор, например, пишет про «ст. 3223 УК РФ». Однако, очевидно, что пропущена точка и имеется в виду ст. 322.3 УК РФ.

Библиография.

Сложно оценить качество использованной литературы, так как автором использовано слишком мало источников. Автором использована литература, представленная авторами из России (Кадников Н. Г., Шкабин Г. С., Сабитов Р. А., Сабитова Е. Ю., Шатилович С. Н., Яковлева Л. В., Ударцева Т. М.). Использовано всего 4 источника, которые не всегда отличаются новизной издания. Возможно, малое количество использованной литературы обосновано правоприменительной направленностью статьи или отсутствием исследования по теме, но в этом случае автору следует обозначить и доказать этот момент в тексте статьи.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, но не обладают признаком достаточности, не способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор не провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Как было указано выше, необходимо расширить теоретическую базу исследования.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием

общепризнанной методологии. Необходимо уточнить некоторую научную новизну выводов. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к толкованию норм законодательства России.

Таким образом, имеются несколько существенных замечаний, после исправления которых статья может быть рекомендована к опубликованию. А именно:

- следует уточнить научную новизну статьи;
- следует исправить некоторые недочеты по оформлению статьи;
- следует расширить теоретическую базу исследования.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования в представленной статье, как следует из ее наименования, составляют «Некоторые проблемы применения норм, устанавливающих ответственность за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранных граждан и лиц без гражданства». Заявленные границы исследования полностью соблюдены ученым.

Методология исследования не раскрывается автором в тексте работы. Очевидно, что при ее написании им использовались всеобщий диалектический метод, методы анализа, синтеза, дедуктивный и индуктивный, формально-юридический метод.

Актуальность избранной автором темы исследования обоснована в тексте работы следующим образом: «Появление в уголовном законодательстве России норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления в сфере регистрационного и миграционного учета, непременно порождает вопросы правильной их квалификации, а также ограничения их от смежных составов преступлений, а также квалификации по совокупности с другими преступлениями. Следует обратить внимание и на бланкетный характер рассматриваемых уголовно-правовых норм, что обуславливает обращение правоприменителя к законодательству, регулирующему правила регистрации, а также правила миграционного учета иностранных граждан стран. Анализ судебно-следственной практики выявил ряд проблем, с которыми сталкиваются правоприменительные органы при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ». Дополнительно ученому необходимо указать степень изученности поднимаемых в статье вопросов и перечислить фамилии ведущих исследователей.

В чем проявляется научная новизна исследования, ученый прямо не говорит. Фактически она должна была проявиться в предложениях автора по квалификации преступлений, предусмотренных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ. В этой части положения работы должны быть уточнены. Необходимо обращение к дополнительному теоретическому материалу (в частности, к работам Л. А. Букалеровой, Т. Н. Уторовой, Р. В. Шагиевой и др.). Частично в статье воспроизводится работа Е. А. Лайковой («Проблемы квалификации фиктивной регистрации и фиктивной постановки на учет иностранных граждан по совокупности с должностными преступлениями») – речь идет об исследовании вопросов квалификации изучаемых преступлений по совокупности. Теоретически и практически значимых предложений автора по совершенствованию

действующих уголовно-правовых норм в исследуемой сфере не приводится.

Научный стиль статьи выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы ученый осуществляет критический анализ квалификации нескольких эпизодов преступлений, предусмотренных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, как единого продолжаемого преступления или как совокупности преступлений; проводит исследование вопросов квалификации изучаемых преступлений с другими противоправными деяниями по совокупности. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков.

Как уже отмечалось, в небольшой доработке нуждается вводная часть работы.

Автору необходимо проанализировать рекомендации по решению исследуемых им вопросов, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией», в частности, при рассмотрении дискуссионного вопроса о квалификации нескольких эпизодов преступлений, предусмотренных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, как единого продолжаемого преступления или как совокупности преступлений, и предложить конкретное решение проблемы (которое может состоять в совершенствовании соответствующих уголовно-правовых норм). Каким образом неконкретизированный умысел лица, совершающего преступление, отражается на квалификации исследуемого преступного деяния?

В остальной части статья во многом повторяет положения работы Е. А. Лайковой («Проблемы квалификации фиктивной регистрации и фиктивной постановки на учет иностранных граждан по совокупности с должностными преступлениями»), о чем уже было сказано выше.

Библиография исследования представлена всего 4 источниками (монографией, комментарием и научными статьями). С формальной и фактической точек зрения точки зрения этого недостаточно. Автору необходимо расширить теоретическую базу исследования за счет обращения к научным статьям Л. А. Букалеровой, М. А. Григорьевой, Е. А. Лайковой, В. В. Тараненко, В. Н. Шиханова за 2020-2021 гг. и др. Это поможет ученому высказать новые научные идеи, убедительнее обосновать свою позицию по спорным вопросам, уточнить некоторые положения исследования и проч.

Апелляция к оппонентам имеется (Н. Г. Кадников и Г. С. Шкабин и др.), однако в основном автор ссылается на те или научные труды в подтверждение своих суждений. Научная дискуссия ведется ученым корректно.

Выводы по результатам всего проведенного исследования имеются, но не обладают свойством научной новизны («... при квалификации преступлений против порядка регистрационного и миграционного учета необходимо давать правильную оценку фиктивной регистрации (постановке на учет) нескольких лиц как единому продолжаемому преступлению или совокупности с учетом конкретных обстоятельств совершенного деяния, наличия единого умысла и единой цели у лица, виновного в совершении преступления. От смежных составов преступлений они ограничиваются по непосредственному объекту, признакам объективной стороны и признакам субъекта. При совершении рассматриваемых преступлений должностными лицами, государственными или муниципальными служащими возможна также их квалификация и по совокупности с другими составами преступлений при наличии соответствующих признаков таких составов преступлений, как, например, служебный подлог, мелкое взяточничество и

др.»), поскольку аналогичные суждения встречаются в трудах других авторов – Е. А. Лайковой, Л. А. Букалеровой и др.

Статья нуждается в тщательном вычитывании. В ней встречаются опечатки и стилистические ошибки.

Интерес читательской аудитории к представленной статье может быть проявлен, прежде всего, со стороны специалистов в области уголовного права при условии ее существенной доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования, раскрытии его методологии, расширении теоретической базы исследования, введении дополнительных элементов научной новизны и дискуссионности, уточнении отдельных положений работы, дополнении выводов по результатам исследования, устраниении недостатков в оформлении работы.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Китсинг В.А. Понятие и виды преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок // Юридические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.9.44061 EDN: AHILLN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44061

Понятие и виды преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок

Китсинг Владимир Артурович

ORCID: 0009-0008-7929-7308

аспирант кафедры публичного права Юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук

119049, Россия, г. Москва, пер. Мароновский, 26

✉ kitzingvladimir@gmail.com

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.9.44061

EDN:

AHILLN

Дата направления статьи в редакцию:

18-09-2023

Аннотация: Предметом исследования являются преступные деяния, совершаемые исполнителями контрактов в сфере публичных закупок. Опасность указанных преступлений заключается в причинении ущерба публичным интересам, связанным с функционированием государственных органов и хищением бюджетных средств. Вместе с тем интерес добросовестных исполнителей контрактов также страдает из-за невозможности получения прибыли от участия в торгах. Кроме того, преступные деяния, совершаемые исполнителями контрактов в сфере публичных закупок, латентны и имеют широкое распространение. Однако по сей день понятие и виды указанных преступлений не получили какой-либо официальной регламентации и слабо разработаны наукой. Цель исследования - классифицировать преступления исполнителей контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок в соответствии с общими для них характеристиками и сформулировать универсальное для последних определение. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частно-научные

методы, в частности анализ, синтез, логика, дедукция, индукция, а также метод правовой статистики. Научная новизна исследования заключается в том, что автором в ходе анализа судебной практики были выявлены основные преступные деяния, совершаемые исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок. После этого путем обобщения и систематизации была создана авторская классификация рассматриваемых преступных деяний, которая включает два вида, один из которых делится на подвиды. Кроме того, автором были установлены критерии относимости преступных деяний к указанным видам и подвидам разработанной классификации. И, наконец, на основании выявленного круга преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок, было сформулировано общее для последних понятие.

Ключевые слова:

государственные закупки, контрактная система, публичные закупки, мошенничество, взяточничество, коррупционная направленность, ограничение конкуренции, муниципальные закупки, уголовно-правовое противодействие, понятие преступления

Введение

Государственные и муниципальные закупки – инструмент обеспечения основных потребностей государства, к которому предъявляются определенные требования и стандарты. Последние, в свою очередь, закреплены регуляторным законодательством в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ. Однако в действительности стандарты остаются «бумажными», а практика пестрит огромным количеством нарушений в закупочной деятельности, что демонстрирует статистика.

Так, согласно информации, предоставленной Счетной палатой РФ, в 2020 году в сфере закупок выявлено около 83 500 нарушений. За 2021 год органы прокуратуры установили наличие было 170 000 нарушений законодательства в сфере государственных закупок, также было возбуждено 800 уголовных дел. Схожая статистика наблюдается и за 2022 год: количество выявленных прокуратурой нарушений составило более 168 000, а в органы предварительного расследования направлено более 1056 материалов, по которым возбуждено 748 уголовных дел.

Кроме того, согласно исследованию, проведенному PricewaterhouseCoopers, российские государственные и муниципальные закупки действительно уникальны, ведь в отличие от остальных стран, незаконные действия в отечественных публичных закупках совершаются на всех стадиях тендера [\[1\]](#).

Высокий уровень криминогенности рассматриваемой сферы также объясняется латентностью преступлений, совершаемых в ней, которая в том числе базируется на влиянии заказчиков на исполнителей контрактов, а также на соблюдаемых обеими сторонами особенных «обычаях».

Участники закупочной деятельности на стороне исполнителей не сообщают о нарушениях, совершаемых их коллегами, идут на условия, которые предлагает заказчик вне зависимости от правомерности последних. Ведь несоблюдение данных «обычаев» может повлечь применение к исполнителю контракта санкций, исключающих дальнейшее участие последнего в закупках, например, требование выполнения условий контракта,

которые не предъявлялись бы в случае предварительной договоренности, наложение штрафов, внесение в реестр недобросовестных поставщиков [2].

Постоянно растущее количество нарушений в сфере государственных и муниципальных закупок в совокупности с их латентностью наносит серьезный урон общему экономическому развитию страны, а также сказывается на общественном доверии к государственным и муниципальным институтам.

При этом интерес научного сообщества больше прикован к преступлениям должностных лиц в рассматриваемой сфере, что оставляет без внимания проблематику, связанную с преступными деяниями, которые совершаются исполнителями контрактов.

На основании всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что требуется развернутая уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок. Для получения наиболее полной и достоверной характеристики указанных преступных деяний необходимо их классифицировать в соответствии с общими для последних характеристиками и сформулировать универсальное для данных преступлений определение. В связи с указанным необходимо:

- проанализировать судебную практику, относимую к преступлениям в сфере государственных и муниципальных закупок, совершаемых исполнителями контрактов;
- установить круг деяний, формирующих группу преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок, совершаемых исполнителями контрактов;
- классифицировать указанные преступные деяния в соответствии с общими для них характеристиками;
- сформулировать универсальное определение для преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок, совершаемых исполнителями контрактов.

Методологическую основу исследования составили общенакальные методы, в частности анализ, синтез, логика, дедукция, индукция, которые позволили сделать выводы из материалов судебной практики, обобщить и разделить по видам преступные деяния, совершаемые исполнителями контрактов в сфере закупок, в соответствии с определенными критериями в авторской классификации, а также дать универсальное определение для указанных преступлений.

Кроме того, был использован такой частно-научный метод познания как метод правовой статистики, а именно наблюдение и приведение в качестве обоснования распространенности преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок общего количества совершенных нарушений и возбужденных уголовных дел в данной сфере, а также статистическая группировка проанализированных судебных решений для уяснения процентного соотношения определенных преступных деяний исполнителей контрактов во всей их совокупности.

Круг деяний, которые относятся к преступлениям в сфере закупок, совершаемым исполнителями контрактов, и их классификация

Как уже было указано ранее, исследователи, чей научный интерес направлен на преступные деяния в сфере государственных и муниципальных закупок, в качестве предмета исследования чаще избирают преступления должностных лиц, всю совокупность преступных деяний в указанной сфере либо выбирают иные частные критерии для выделения интересующей их группы преступлений в сфере закупок.

Так, стоит обратить внимание на исследование авторов, а именно Ш.М. Шурпаева, О.В. Синчурина, которые сконцентрировали свое внимание на группе преступлений коррупционной направленности в сфере государственных и муниципальных закупок и сформулировали авторские классификации указанных преступных деяний по своим специфическим критериям.

Так, О.В. Синчурину принадлежит классификация коррупционных преступлений в сфере закупок на виды преступлений в зависимости от этапа закупок: планирование закупок, определение поставщиков, заключение государственного контракта, исполнение контракта, мониторинг закупок, аудит в сфере закупок, контроль за соблюдением контрактного законодательства [\[3\]](#).

Ш.М. Шурпаев, в свою очередь, одним из возможных критериев разделения преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок коррупционной направленности на виды определил обстановку совершения преступления: совершаемые при участии в конкурсных процедурах, совершаемые при заключении государственного контракта, совершаемые при исполнении государственного контракта [\[4\]](#).

Приведенные классификации обладают достоинствами в рамках целей исследований, которые были поставлены перед указанными авторами, и также могут быть применимы к преступным действиям, совершаемым исполнителями контрактов в сфере закупок. Однако последнее, в свою очередь, говорит об их абстрактности, отсутствии специфики, относимой к конкретной группе преступных деяний.

В рамках данного исследования результатом является индивидуализированная, применимая только к преступлениям в сфере государственных и муниципальных закупок, совершаемых исполнителями контрактов, классификация, рассмотрение которой начнем с определения круга преступных деяний, входящих в нее.

Так, на основании анализа судебной практики (выборка из 60 приговоров, связанных с преступлениями в сфере государственных и муниципальных закупок, совершаемых исполнителями контрактов) было выявлено, что чаще всего исполнителями контрактов совершаются следующие преступные действия: 55 % от указанной выборки составило мошенничество (ст. 159 УК РФ), 50 % - дача взятки (ст. 291 УК РФ) и оставшиеся 5 % преступление, предусмотренное ст. 178 УК РФ, а именно ограничение конкуренции.

Также на практике встречаются иные составы преступных деяний, которые составляют совокупность преступлений с вышеназванными, к примеру, ст. 238.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконной оборот медицинских изделий, лекарственных средств и биологически активных добавок, которые нередко выступают предметом закупок.

В соответствии с установленным кругом преступных деяний и обстоятельств проанализированной судебной практики была выведена следующая классификация.

Первыми видом преступлений, совершаемых исполнителями государственных и муниципальных контрактов, являются «основные», которые также делятся на подвиды: преступления с коллективным преступным поведением и индивидуальным преступным поведением.

В свою очередь, преступления с коллективным преступным поведением делятся на:

- преступное вертикальное соглашение, где участниками являются заказчик и

- исполнитель контракта;
- преступное горизонтальное соглашение, которое, соответственно, образуют только исполнители контракта.

Вместе с тем вертикальное соглашение может быть непреступным, если оно имеет какое-либо правовое обоснование и не обладает коррупционной направленностью. Таковым, например, является дополнительное соглашение о поставке товара с улучшенными характеристиками, предусмотренное ч. 7 ст. 95 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (далее – ФЗ «О защите конкуренции»).

Преступное вертикальное соглашение, в свою очередь, имеет свои особенные индикаторы – критерии, которыми являются специфические повторяющиеся правовые ситуации, указывающие на наличие преступного соглашения.

Примеры данных критериев содержатся в некоторых ведомственных разъяснениях. Например, в Приказе Генеральной прокуратуры России от 14.01.2021 № 6 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» упоминается, что особое внимание следует уделять выявлению и пресечению фактов оплаты невыполненных работ, неоказанных услуг, непоставленных товаров, завышения объемов работ.

Также некоторые из критериев описаны в специальной литературе. Например, А.С. Кинев выделяет следующие критерии преступного горизонтального соглашения: 1) выигрыш большинства торгов одной и той же компанией; 2) выигрыш рядом компаний торгов по очереди («карусель»); 3) участие в торгах минимального числа участников и так далее [5].

Однако в ходе исследования было обнаружено, что все же наибольшее количество критериев для определения наличия преступных соглашений позволяет выявить судебная практика по соответствующим уголовным делам.

Таким образом, было установлено, что критериями преступного вертикального соглашения являются:

- участие в формировании конкурсной документации [6];
- включение ограничивающих условий в техническое задание [7];
- получение информации о конкурсе до его начала [8];
- регулярная победа одних и тех же участников [9];
- незаконный отказ в допуске к участию в торгах [10];
- приемка некачественных или невыполненных работ [11];
- оплата до исполнения контракта [12].

Так, в приговорах Лефортовского районного суда города Москвы от 01.09.2021 по делу № 01-0298/2021 и от 09.09.2021 [13] по делу № 1-297/2021 [14] к ответственности за дачу (ст. 291 УК РФ) и получение взятки (ст. 290 УК РФ) были привлечены директор департамента по работе с государственными органами поставщика и начальник департамента по осуществлению закупок Пенсионного фонда Российской Федерации соответственно за то, что последний за вознаграждение от представителя поставщика систематически предоставлял служебную информацию о предстоящих государственных закупках, содействовал при составлении технических заданий и формировании начальной максимальной цены контракта (далее – НМЦК), способствовал победе в

государственных закупках и в заключении государственных контрактов на поставку оборудования и программного обеспечения поставщику и его подконтрольным лицам.

Кроме того, довольно часто действия участников вертикального соглашения квалифицируют как мошенничество (ст. 159 УК РФ), также имеющее коррупционную направленность, то есть хищение с использованием служебного положения заказчика.

Например, в приговоре Октябрьского районного суда города Белгорода от 29.12.2022 по делу № 1-562/2022 [6] группа лиц по предварительному сговору, состоящая из представителя заказчика и поставщика, совершила мошенничество при следующих обстоятельствах: заведующая бактериологической лаборатории больницы ввела в заблуждение руководителя больницы относительно острой потребности в реагентах путем заключения контракта с единственным поставщиком, обосновав это срочной необходимостью борьбы с Covid-19. При этом заведующая умолчала о имеющихся излишках данных реагентов. Руководитель больницы дал добро на заключение контракта, на который была выделена субсидия. Впоследствии состоящий в сговоре с заведующей поставщик по согласованию с последней фактически поставил реагентов на меньшую сумму – товар в сумме 10 236 680 рублей не был поставлен. Поставка в ненадлежащем объеме была принята, поскольку приемка контролировалась заведующей. Вместе с тем последняя должна была восполнить отсутствующие реагенты имеющимися в больнице неучтенными излишками, а обозначенную сумму непоставленных товаров участники разделили между собой.

Вернемся к общей характеристике видов преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок, и обозначим, что коллективное преступное поведение исполнителей контракта, имеющее название преступное горизонтальное соглашение, направлено на ограничение конкуренции и имеет следующие признаки: 1) соглашение между конкурентами (устное либо письменное); 2) ограничение конкуренции, то есть наступления одного из последствий, предусмотренных ч. 1 ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции»; 3) причинение крупного ущерба (10 000 000 рублей) либо извлечение дохода в крупном размере (50 000 000 рублей).

При этом непреступное горизонтальное соглашение не только не обладает вышеперечисленными признаками, но и может попадать под исключения, предусмотренные ФЗ «О защите конкуренции», например, если это согласованные действия хозяйствующих субъектов, входящих в одну группу лиц, при условии, что одним из таких хозяйствующих субъектов в отношении другого хозяйствующего субъекта установлен контроль и т.д.

Преступное горизонтальное соглашение является менее распространенным, по сравнению с вертикальным, однако на практике все же встречается и имеет следующие критерии:

- заключение субподрядных договоров с участниками тендера после победы [15];
- заявка на тендер подаются с одного IP-адреса [16];
- массовое одновременное выбытие участников из тендера по схожим причинам [17];
- существенная разница цен тендеров при участии с одним и с другим составом участников [18];
- победы одерживаются без снижения НМЦК, или это снижение незначительно [19];
- подача заявок с небольшой временной разницей [16];

- между компаниями-конкурентами имеется тесное финансово-хозяйственное взаимодействие [\[20\]](#).

Для наглядной демонстрации обратимся к приговору Ленинского районного суда города Саранска от 08.06.2022 по делу № 1-194/2022 [\[21\]](#), согласно обстоятельствам которого поставщики медицинских изделий разработали «карельное» поведение, в соответствии с которым осуществлялось поочередное согласованное совершение аукционных шагов с незначительным снижением НМЦК. Вместе с тем победившие участники организованной группы впоследствии привлекали иных участников картельного соглашения, участвующих в тендере, в рамках субподрядных договоров. Кроме того, заявки от разных лиц на тендер подавались с одного IP-адреса. Действия лиц были квалифицированы по ч. 1 ст. 178 УК РФ.

При всем вышеприведенном отнюдь не исключается возможность индивидуального преступного поведения исполнителя контракта, что обуславливает второй подвид преступных деяний.

Здесь стоит выделить преступления против собственности, превалирующую долю которых по статистике составляет мошенничество [\[22\]](#), которое, в свою очередь, в сфере публичных закупок характеризуется использованием обмана в качестве способа совершения, выражавшегося в:

- завышении цены контракта [\[23\]](#);
- завышении объемов [\[24\]](#);
- ненадлежащем исполнении контракта [\[25\]](#).

Так, в приговоре Кировского районного суда города Саратова от 23.04.2020 № 1-10/2020 [\[26\]](#) фигурантом уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, стал директор компании, который, по версии следствия, являясь субподрядчиком по государственному контракту на прокладку медного кабеля к очистным сооружениям, получил денежные средства, фактически не выполнив условия контракта, и при этом завысил цену за счет заключения поддельных субподрядных договоров с фиктивными организациями.

Стоит отметить, что возможна квалификация действий исполнителя по «дополнительному» составу в случае причинения вреда не только отношениям собственности, но и другому объекту, находящемуся под уголовно-правовой охраной, при идеальной совокупности преступлений. Например, как в приговоре Центрального районного суда города Волгограда от 28.02.2022 по делу № 1-120/2022 [\[27\]](#) индивидуальный предприниматель по государственному контракту поставил в ГУ Волгоградское региональное отделение фонда социального страхования РФ медицинские изделия – противопролежневые матрасы. Впоследствии было установлено, что часть поставленных им матрасов не соответствовала условиям государственного контракта и была приобретена в Китае. Помимо этого, к матрасам были пришиты бирки с недостоверной информацией, которые были изготовлены самостоятельно предпринимателем. Действия последнего были квалифицированы как сбыт недоброкачественных медицинских изделий, а также как хищение чужого имущества путем обмана в особо крупном размере, то есть по ч. 1 ст. 238.1 УК РФ и ч. 4 ст. 159 УК РФ соответственно.

Наконец, после установления круга преступных деяний в сфере публичных закупок,

совершенных исполнителями контракта, и их классификации можно сформулировать определение последних как системы преступлений.

Определение понятия преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок, совершаемых исполнителями контрактов

Для того, чтобы дать точное определение понятию преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок, совершаемых исполнителями контрактов, необходимо установить круг объектов, на которые рассматриваются преступные деяния посягают.

По мнению Ш.М. Шурпаева, преступления в сфере закупок причиняют материальный ущерб консолидированной бюджетной системе Российской Федерации, что сопровождается неэффективным расходованием бюджетных средств, неисполнением и (или) ненадлежащим исполнением условий заказа либо контракта в сфере публичных закупок [\[28, с. 6\]](#).

В свою очередь, И.А. Любыи^у указывает на негативное влияние рассматриваемых преступлений на нормальное функционирование государственных органов, причинение этими преступлениями материального ущерба государству и обществу посредством заключения заведомо невыгодных контрактов, их некачественного исполнения, необоснованного повышения цен в социально значимых областях, нарушение принципа свободы конкуренции, гарантированного Конституцией Российской Федерации [\[29, с. 13\]](#).

Нельзя не согласиться с ранее указанными исследователями, однако для индивидуализации формулируемого определения необходимо обратиться к объекту преступного посягательства каждого преступления, составляющего систему преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок, совершаемых исполнителями контрактов, а именно должностных преступлений, хищений, ограничения конкуренции и «дополнительных» составов.

Так, видовым объектом должностных преступлений являются общественные отношения, связанные с государственной властью, с интересами государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Проще говоря, должностные преступления препятствуют нормальной деятельности государственных органов.

У хищений, в свою очередь, объектом являются отношения собственности, в рассматриваемом случае государственной, а именно активы бюджета, которые выделяются на оплату государственных и муниципальных контрактов.

Для ограничения конкуренции в целом можно обратиться к непосредственному объекту ст. 178 УК РФ, которым являются общественные отношения, складывающиеся в урегулированном антимонопольным законодательством порядке осуществления конкуренции, как конституционной ценности.

Кроме того, не стоит забывать о возможности негативного влияния на иные общественные отношения, сопутствующие осуществлению закупочной деятельности.

Таким образом, получается, что преступления в сфере публичных закупок, совершаемые исполнителями контрактов – это запрещенные нормами УК РФ под угрозой наказания умышленные общественно опасные деяния, которые:

- дестабилизируют нормальное функционирование органов государственной власти;

- причиняют материальный ущерб бюджетной системе РФ, что также влечет причинение вреда обществу и каждому конкретному гражданину, являющемуся его частью;
- посягают на свободу конкуренции в ходе публичных закупок;
- влекут вредные последствия для иных отношений, связанных с государственными и муниципальными закупками.

Заключение

Так, в соответствии с вышеизложенным, можно заключить, что «основные» как вид преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере публичных закупок делятся на два подвида: коллективные и индивидуальные. Коллективные, в свою очередь, представлены преступным вертикальным соглашением, характеризующимся коррупционной направленностью и включающим как должностные преступления, так и хищения, и преступным горизонтальным соглашением, направленным на ограничение конкуренции. Также исполнители контрактов совершают преступления единолично – чаще всего это мошенничество, а именно хищение чужого имущества путем обмана. Помимо этого, частью системы преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок являются «дополнительные» составы, вытекающие из идеальной совокупности с «основными».

При этом на основании установления круга деяний, которые совершаются в сфере государственных и муниципальных закупок исполнителями контрактов, и их классификации удалось сформулировать универсальное определение указанных преступных деяний, а именно как запрещенных нормами УК РФ под угрозой наказания умышленных общественно опасных деяний, которые дестабилизируют нормальное функционирование органов государственной власти, причиняют материальный ущерб бюджетной системе РФ, что также влечет причинение вреда обществу и каждому конкретному гражданину, являющемуся его частью, посягают на свободу конкуренции в ходе публичных закупок, влекут вредные последствия для иных отношений, связанных с государственными и муниципальными закупками.

Указанные результаты исследования, по нашему мнению, окажут положительное влияние на дальнейшие исследования, направленные на установление уголовно-правовой и криминологической характеристики преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок.

Библиография

1. Гусак М.Ю. Квалифицирующие признаки мошенничества в сфере государственных и муниципальных закупок // Юридическая наука. 2022. № 2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifitsiruyuschie-priznaki-moshennichestva-v-sfere-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-zakupok> (дата обращения: 28.07.2023).
2. Еремин С.Г., Кондуков А.А. Проблемы своевременного выявления, раскрытия преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок и меры по их преодолению // ЮП. 2020. № 4 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-svoevremennogo-vyyavleniya-raskrytiya-prestupleniy-v-sfere-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-zakupok-i-mery-po-ih> (дата обращения: 16.06.2023).
3. Синчурин О.В. Понятие коррупционных преступлений в сфере закупок и их классификация // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 15.07.2023).
4. Шурпаев Ш.М. Криминологическая классификация преступлений коррупционной направленности в сфере государственных и муниципальных закупок // Безопасность

- бизнеса. 2019. № 6. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 12.07.2023).
5. Кинев А.Ю. Антимонопольный «заслон» сговорам на торгах // Юрист. 2011. № 16. С. 20-26.
6. Приговор Октябрьского районного суда города Белгорода от 19.12.2022 по делу № 1-563/2022. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 11.02.2023).
7. Приговор Синарского районного суда города Каменска-Уральского от 14.09.2021 по делу № 1-6/2021. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 01.10.2022).
8. Приговор Никулинского районного суда города Москвы от 07.09.2020 по делу № 01-0011/2020. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 06.10.2022).
9. Приговор Лефортовского районного суда г. Москвы от 01.09.2021 по делу № 01-0298/2021. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 11.11.2022).
10. Приговор Псковского городского суда Псковской области от 12.02.2020 по делу № 1-23/2020. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 11.12.2022).
11. Приговор Октябрьского районного суда города Белгорода от 29.12.2022 по делу № 1-562/2022. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 15.03.2023).
12. Приговор Советского районного суда города Махачкалы от 02.08.2021 по делу № 1-11/2021. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 20.04.2023).
13. Приговор Лефортовского районного суда города Москвы от 01.09.2021 по делу № 01-0298/2021. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/criminal/details/922bcc60-d7d2-11eb-bb0e-e72efe6302c6> (дата обращения 15.09.2022).
14. Приговор Лефортовского районного суда города Москвы от 09.09.2021 по делу № 01-0297/2021. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/criminal/details/0129deb0-d7d1-11eb-bb0e-e72efe6302c6> (дата обращения 15.09.2022).
15. Приговор Саяногорского городского суда Республики Хакасия от 15.09.2020 по делу № 1-82/2020. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 10.06.2023).
16. Приговор Октябрьского районного суда города Ижевска от 06.04.2021 по делу № 1-1/2021. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2023).
17. Приговор Московского районного суда города Санкт-Петербурга от 23.12.2019 по делу № 1-1041/2019. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.02.2023).
18. Приговор Промышленного районного суда города Ставрополя от 29.09.2020 № 1-413/2020. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 01.06.2023).
19. Приговор Октябрьского районного суда города Самары от 21.09.2021 по делу № 1-541/2020. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 03.04.2023).
20. Приговор Зеленогорского районного суда города Санкт-Петербурга от 13.05.2022 по делу № 1-15/2022. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 05.05.2023).
21. Приговор Ленинского районного суда города Саранска от 08.06.2022. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращение 11.11.2022).
22. Лапин В.О. Актуальные проблемы выявления и расследования преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // ППД. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-vyyavleniya-i-rassledovaniya-prestupleniy-v-sfere-zakupok-tovarov-rabot-uslug-dlya-obespecheniya-gosudarstvennyh-i> (дата обращения: 12.07.2023).
23. Приговор Первомайского районного суда города Ижевска от 15.07.2019 по делу № 1-5/2019. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 01.04.2023).
24. Приговор Калужского районного суда от 07.04.2022 г. по делу № 1-30/2022. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 07.04.2023).
25. Приговор Советского районного суда города Новосибирска от 21.05.2019 г. по делу № 1-8/2019. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 25.05.2023).

26. Приговор Кировского районного суда города Саратова от 23.04.2020 по делу № 1-10/2020. URL:<https://www.consultant.ru> (дата обращения 16.03.2023).
27. Приговор Центрального районного суда города Волгограда от 28.02.2022 по делу 1-120/2022. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 01.02.2023).
28. Любыи^ч И.А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск., 2022. 225 с.
29. Шурпаев Ш.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2021. 297 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья «Понятие и виды преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок» оформлена, в целом, соответственно предъявляемым требованиям к содержанию научных статей.

Статья посвящена актуальной проблеме правового регулирования в сфере государственных и муниципальных закупок, а именно, разработке содержания понятия и классификации видов преступлений в указанной сфере.

Положительно следует отметить, что статья содержит статистические данные по количеству нарушений законодательства в сфере государственных закупок и возбужденных уголовных дел, а, также, аналитику консалтинговых и аудиторских международных компаний (например, PricewaterhouseCoopers).

К, сожалению, приведенные данные, называемого авторами статьи «анонимного анкетирования», не подлежат верификации и не могут быть отмечены в качестве положительного аспекта исследования.

Статья вполне обладает новизной исследования. В ней, в частности, сформулирована классификация коррупциогенных преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок, определяемых авторами рецензируемой статьи как преступное вертикальное соглашение и преступное горизонтальное соглашение, а, также, ее критерии и признаки. Предложена структура преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере публичных закупок, куда входят, по мнению авторов, должностные преступления, хищения, ограничение конкуренции и «дополнительные» составы.

В статье широко использованы данные судебной практики.

Однако нами отмечены отдельные замечания к оформлению статьи. Рецензируемая научная статья не структурирована. Отсутствует четкая постановка цели исследования и его задач. Статья не содержит в самом тексте специально выделенного методологического раздела. Авторомавторами статьи не представлена методология исследования, включая использованные методы и подходы к исследованию. Для уровня статьи, предлагаемой для опубликования в журнале, рецензируемом ВАК РФ, это является важной рекомендацией.

Между тем, следует одновременно подчеркнуть, что в самом тексте статьи при его прочтении и анализе, представляется возможным определение предмета исследования, его новизны и иных важных компонентов научного исследования. Актуальность исследования сформулирована и вполне убедительно обоснована. Очевидным

становится использование авторами в научной статье как общих методов исследования (преимущественно анализа), так теоретико-правового и иных методов юридической науки.

Полагаем также, что автору/авторам удалось сформулировать научные результаты проведенного исследования.

Библиографический список представлен 25 источниками. В основном – судебная практика.

К сожалению, научная дискуссия в статье не развернута, элементы научной дискуссии и апелляция к оппонентам отсутствуют.

Статья содержательно вполне способна вызвать научный и читательский интерес и, полагаем, что, скорее всего, будет достаточно полезна для целевой читательской аудитории.

Отдельно следует указать на то обстоятельство, что, представленная на рецензирование научная статья «Понятие и виды преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок», судя по датам обращения к электронным ресурсам, подготавливалась авторами в течение целого года.

Тем не менее, сказанное не влияет на уровень научности статьи, в целом, и ее можно рекомендовать к опубликованию с учетом исправления высказанных замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье "Понятие и виды преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок" предметом исследования являются нормы уголовного права, квалифицирующие преступления, совершаемые исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. При написании статьи использовались такие методы как: исторический, теоретико-прогностический, формально-юридический, системно-структурный, статистический и правового моделирования. Применение современных методов позволило изучить сложившиеся подходы, взгляды на предмет исследования, выработать авторскую позицию и аргументировать ее. Кроме того, в работе использовалось сочетание теоретической и эмпирической информации.

Актуальность исследования подтверждается тем фактом, что "...постоянно растущее количество нарушений в сфере государственных и муниципальных закупок в совокупности с их латентностью наносит серьезный урон общему экономическому развитию страны, а также сказывается на общественном доверии к государственным и муниципальным институтам". Еще одно обстоятельство подтверждает важность и

значимость исследований проблематики преступности в сфере заключения и исполнения контрактов на государственные и муниципальные закупки и связано с "...латентностью преступлений, совершаемых в ней, которая в том числе базируется на влиянии заказчиков на исполнителей контрактов, а также на соблюдаемых обеими сторонами особенных «обычаях». Любые доктринальные разработки по данной проблематике могут иметь практическую значимость, как для нормотворчества, так и правоприменения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных научных исследований, послуживших теоретической базой для данной статьи, тем не менее, отмечается, что в этой публикации впервые сформулированы заслуживающие внимания положения и выводы, "...направленные на установление уголовно-правовой и криминологической характеристики преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок".

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем, использована специальная терминология. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Статья структурирована. Тема раскрыта. Содержание статьи соответствует ее названию.

Библиография. Автором использовано достаточное количество библиографических источников. Однако ссылки на источники оформлены с нарушением требований библиографического ГОСТа. В источнике № 2 сокращенное название издания "ЮП", что это за журнал? Также следует актуализировать даты обращения на интернет-ресурсы на момент завершения работы над статьей.

Апелляция к оппонентам. В статье представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья "Понятие и виды преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок" рекомендуется к опубликованию, т.к. отвечает требованиям, предъявляемым к научным публикациям, и соответствует редакционной политике журнала "Юридические исследования". Статья написана на актуальную тему, имеет практическую значимость и отличается научной новизной. Данная может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области уголовного права, а также будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ванян Д.Н. Дифференциация ответственности за преступления против личности: эволюция в российском уголовном законодательстве // Юридические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.9.71683
EDN: APTUDK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71683

Дифференциация ответственности за преступления против личности: эволюция в российском уголовном законодательстве

Ванян Диана Николаевна

соискатель; кафедра уголовного права и криминологии; Кубанский государственный университет

350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ mail_23.rus@mail.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.9.71683

EDN:

APTUDK

Дата направления статьи в редакцию:

11-09-2024

Аннотация: Предметом исследования являются нормы права, устанавливающие уголовную ответственность за преступления против личности, в том числе, и в исторической ретроспективе. В качестве материалов исследования были избраны уголовно-правовые памятники отечественной истории, в содержании которых осуществлена дифференциация ответственности за преступления против личности. В статье представлен историко-правовой обзор основных источников уголовного права Х-ХХ вв. в части отраженного в них подхода к дифференциации ответственности за преступления против личности и проведен анализ становления соответствующего механизма уголовно-правовой охраны. На примере памятников российского уголовного права обозначенного периода времени рассматриваются особенности конструирования квалифицированных и привилегированных составов преступлений против личности, способы их конструирования и изложения в тексте уголовного закона. В статье использованы такие общенаучные и частные методы, как диалектический, логический, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический и др. Методологический

аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, а также можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения. Новизна исследования заключается в том, что с учетом ретроспективного подхода, прослежен исторический опыт формирования института дифференциации уголовной ответственности за посягательства на жизнь, здоровье, свободу, честь, достоинство и другие охраняемые ценности и отражен процесс последовательного нормативно-правового оформления дифференцирующих уголовную ответственность признаков. В заключении автором сформулирована периодизация эволюции российского уголовного законодательства в сфере дифференциации ответственности за преступления против личности. Делается вывод, что процесс конструирования дифференцирующих уголовную ответственность признаков берет начало еще в законодательстве Древней Руси, а их последующая регламентация сохраняла определенную преемственность на всем протяжении развития российского уголовного законодательства. Институт дифференциации ответственности, несмотря на свою продолжительную историю, в настоящее время остается основным и главным методом уголовно-правовой политики, применение которого, в том числе и к преступлениям против личности, требует дальнейшего осмыслиения и совершенствования.

Ключевые слова:

личность, преступления против личности, преступления против здоровья, убийство, честь и достоинство, половые преступления, дифференциация, дифференциация уголовной ответственности, квалифицирующие признаки, привилегирующие признаки

Преступления против личности совершались еще в первобытном обществе. С появлением первых форм социальной организации (кровнородственных, соседских общин), члены общества неизбежно контактировали друг с другом и нередко в конфликтных и насильственных формах, приобретающих общественно опасный характер [1, с. 22]. Механизм противодействия подобным формам взаимодействия на ранних этапах оставался примитивным и, как правило, включал в себя лишь правовые обычаи (принцип талиона, кровная месть и прочее). Однако в следствие возникновения российской государственности и развития права стали появляться писанные уголовно-правовые запреты, которые дифференцировали ответственность за посягательства против личности.

Актуальность темы исследования заключается в том, что вопросу дифференциации ответственности за преступления против личности уделялось внимание еще с древнейших времен и на сегодняшний день можно говорить о целом институте в данной области, который, несмотря на свою продолжительную историю формирования, и в настоящее время остается основным и главным методом уголовно-правовой политики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут представлять интерес для специалистов в области уголовного права, а также преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов, интересующихся вопросами дифференциации уголовной ответственности.

Целью исследования является изучение эволюции российского уголовного законодательства в сфере дифференциации ответственности за преступления против личности. Задачами исследования являются: проведение историко-правового обзора

основных источников уголовного права X–XX вв. в части отраженного в них подхода к дифференциации ответственности за преступления против личности; проведение анализа становления соответствующего механизма уголовно-правовой охраны; рассмотрение, на примере исторических памятников российского уголовного права, особенностей конструирования квалифицированных и привилегированных составов преступлений против личности, способы их конструирования и изложения в тексте уголовного закона.

Для проведения объективного и всестороннего рассмотрения избранной темы в статье использованы такие общенаучные и частные методы исследования, как диалектический, логический, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический и др. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, а также можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения.

Результатом исследования явилось формирование авторской периодизации эволюции в российском уголовном законодательстве дифференциации ответственности за преступления против личности.

Комплексного исследования дифференциации ответственности за преступления против личности, в контексте эволюции российского уголовного законодательства, отечественными учеными-криминалистами не проводилось. Собственный вклад в изучение вопросов истории дифференциации уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья внесли такие авторы, как Д.Ж. Гостькова, Э.В. Кабурнеев, М.Н. Каплин, К.А. Кретова, Р.Ю. Смирнов и др. Отдельные признаки (например, мотив, потерпевший), как средство дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности, жизни или здоровья, были рассмотрены С.А. Маркарян, Е.В. Пахомовой и др.

Исходной точкой развития российского уголовного права в сфере дифференциации ответственности за посягательства против личности выступают Договоры Руси с Византией 911 и 944 гг. Так, к примеру, Договором 911 г. предусматривалась ответственность за убийство (ст. 4) и причинение вреда здоровью (ст. 5). Об этих деяниях говорилось также в ст. 6 («...и схвачен будет вор потерпевшим в то самое время, когда совершил кражу, при этом он окажет сопротивление и будет убит») и ст. 8 («если же случится, что кто-либо из прибывших на той ладье будет убит или избит нами...»). Аналогичные уголовно-правовые запреты содержались в Договоре 944 г., а новеллой явилась криминализация обращения в рабство греков, потерпевших кораблекрушение (ст. 9), и запрета на расправу с убийцей на месте преступления (ст. 13).

Заметно расширился круг преступлений против личности в Русской Правде. Так, данным правовым актом (Пространная редакция по Троицкому списку) предусматривалась уголовная ответственность за совершение преступлений против жизни, против здоровья, против свободы, чести и достоинства.

Наибольшее внимание Русской Правдой уделялось регламентации ответственности за убийство, как самого опасного преступления против жизни [\[6, с. 17\]](#). Данный правовой акт, по верному замечанию В.Г. Балковой и Д.А. Неретиной, предусматривал два вида убийства – убийство «на пиру явлено» (ст. 6) и «убийство на разбое без всякой свары» (ст. 7) [\[3, с. 267\]](#). В основу выделения названных видов убийств положены признаки мотива и формы вины, дифференцирующие убийство на неумышленное и умышленное [\[5,](#)

[с. 47; 7, с. 99](#). Русской Правдой (Краткой редакцией) выделялись и виды убийств по месту их совершения – возле клети, коня, коровьего стада [\[8, с. 114\]](#).

Преступления против здоровья личности включали в себя нанесение побоев и членовредительство (отсечение конечностей, пальцев, лишение глаза). Отдельные посягательства данной категории были обособлены в самостоятельных нормах в зависимости от орудия преступления (ст. 23, 25). В качестве квалифицирующего признака рассматривалось причинение смерти в результате нанесения побоев (ст. 30).

Новеллой явилось закрепление в Русской Правде норм об ответственности за преступления против свободы, чести и достоинства. Так, посягательством на свободу человека называлось обращение в рабство (ст. 54). Русская Правда предусматривала и ответственность за похищение челядина (ст. 38).

Преступлением против чести и достоинства, как справедливо отмечает Т.Н. Нуркаева, считалось личное оскорблениe, под которым понимались только побои, но не словесная форма унижений [\[9, с. 7\]](#). Вместе с тем автор не отмечает, что к данной категории преступлений относились вырывание бороды (ст. 67), основным непосредственным объектом которого считалось достоинство, хотя оно и предполагало нанесение телесного повреждения. Так, по мнению С.С. Омельченко, нормами Русской Правды не разграничивались преступления против здоровья и чести, а последние фактически сливалась с нанесением телесного повреждения. Таким образом, посягательством на честь признавалась только реальная обида [\[10, с. 240\]](#).

Все преступления рассматриваемой группы дифференцировались на посягательства с отягчающими либо смягчающими обстоятельствами. В качестве критериев, как было упомянуто ранее, выступали мотив и форма вины (убийство в разбое), орудие преступления (нанесение телесных повреждений). Кроме того, в качестве дифференцирующих признаков следует рассматривать признаки субъекта и потерпевшего – их социальное и имущественное положение.

Большинство правовых норм Русской Правды получили свое отражение в источниках периода централизации российского государства – Судебниках 1497 и 1550 гг. Объект преступления в данных актах не дифференцировался. Так, в Судебнике 1497 г. посягательства на личность упоминались наряду с иными видами преступлений, в том числе с преступлениями против собственности (ст. 7-9, 38-39) [\[10, с. 54\]](#). Выделялись квалифицированные виды убийств – убийство господина, совершенное его холопом («государский убийца»), и убийство, совершенное «ведомым лихим человеком». Новеллой Судебника 1497 г. стала регламентация уголовной ответственности за ябедничество («злостная клевета»), которое рассматривалось как оскорблениe чести. Уголовная ответственность за оскорблениe действием и словом предусматривалась и Судебником 1550 г. (ст. 25). В этой связи, очевидно, нельзя согласиться с Н.Е. Беспаловым в той части, что впервые ответственность за клевету была введена в Артикуле воинском [\[4, с. 149\]](#).

Дифференциация уголовной ответственности за преступления против личности получила дальнейшее развитие в Соборном уложении 1649 г. Составы преступлений против личности описывались в гл. XXI, XXII данного правового документа. Как и ранее, среди преступлений против личности детальную регламентацию получило убийство, основной и квалифицированные составы которого были сформулированы главным образом в ст. 69–73 гл. XXI. Прежде всего убийство дифференцировалось на умышленное, влекущее

смертную казнь (ст. 72 гл. XXI), и неумышленное («не умышлением в драке, пьяным делом»), мера наказания за которое определялась в зависимости от наличия других субъективных и объективных признаков. Представляется, что убийство в драке или в состоянии алкогольного опьянения следует рассматривать в качестве привилегированного состава убийства, а дифференциация ответственности за его совершение осуществлялась по признакам субъекта и потерпевшего. Так, крестьянин при убийстве крестьянина подвергался битью кнутом, отдавался на поруки с письменным обязательством поручителей предотвратить рецидивы и передавался с женой, детьми и имуществом («животами») тому, у кого он убил крестьянина (ст. 73 гл. XXI). Иное наказание предусматривалось боярину при убийстве крестьянина – передача лучшего крестьянина с женой, детьми и имуществом тому, у кого он убил крестьянина (ст. 71 гл. XXI). Квалифицированные виды убийства описывались также в гл. XXII Соборного уложения.

Соборное уложение 1649 г. предусматривало ответственность и за отдельные посягательства на здоровье личности – побои и членовредительство (к примеру, ст. 10, 11 гл. XXII). Нанесение побоев родителям каралось битьем кнутом (ст. 4 гл. XXII).

Посягательством на честь и достоинство человека рассматривалось оскорблечение, объективная сторона которого уже не сливалась с нанесением телесного повреждения. Так, Соборное уложение 1649 г. предусматривало ответственность за оскорбление «непригожим словом», то есть словесное унижение, направленное против чести любого человека, вплоть до государя (ст. 99, 105 гл. X) [\[10, с. 244\]](#). Впервые в Соборном уложении 1649 г. появляются нормы об уголовной ответственности за половые преступления (к примеру, в ст. 30 гл. VII описывался состав изнасилования, совершенного военнослужащим при следовании им на службу).

Принятие в 1715 г. Артикула воинского повлекло ужесточение уголовно-правовой политики в области противодействия преступлениям против личности. Главным образом это выражалось в нормативном конструировании новых квалифицированных составов убийств и расширении видов наказаний.

За совершение любого убийства по Артикулу воинскому 1715 г. предусматривалась смертная казнь, различные формы которой применялись в зависимости от тяжести совершенного преступления. Так, простое убийство каралось смертной казнью в виде отсечения головы (Арт. 154), а убийство с отягчающими признаками, к которым относилось, например, убийство путем отравления, убийство родителей и дитя во младенчестве, убийство на дуэли и проч., – смертной казнью через колесование, то есть наиболее мучительной формой ее исполнения (Арт. 161, 162, 163).

Наказание в виде смертной казни предусматривалось и за покушение на самоубийство, которое могло заменяться на наказание в виде изгнания из полка в случае, если мотивом совершенного стали мучения, досада, стыд или беспамятство (Арт. 164). Реализованное самоубийство также рассматривалось в качестве преступления, влекущего наказание в форме глумления над трупом виновного («тело его в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу»).

В системе преступлений против здоровья Артикул воинский выделялувечья и побои – нанесение ударов ножом, тростью или рукой по щеке (Арт. 85, 143–146). Как и ранее, данные посягательства одновременно рассматривались как оскорбление действием, что заметно при анализе санкций. Так, за удар другого человека рукой по щеке налагалось наказание в виде публичного унижения – виновного публично ударял профос (низший

воинский чин, наблюдавший за чистотой отхожих мест, близость с ним была унизительной) [5, с. 292]. Оскорблением являлось и словесное унижение, в том числе клевета, объектом которых считалась не честь конкретной личности, а интересы государства, поскольку честь в этот исторический период была неотделима от государственного или служебного положения [10, с. 246]. Так, оскорбление царя каралось конфискацией имущества и отсечением головы (Арт. 20). Названный правовой акт расширил круг деяний, ныне признаваемых половыми преступлениями, установив уголовную ответственность за недобровольное половое сношение (Арт. 167–168).

Вплоть до середины XIX в. уголовное законодательство изменений не претерпевало. Однако развитие общественных отношений и накопление большого массива нормативного материала предопределили необходимость масштабной кодификации законодательства, результатом которого стало издание Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее по тексту – Уложение), справедливо называемого первым уголовным кодексом, в котором выделялись Общая и Особенная части [11, с. 70]. Нормы, предусматривающие ответственность за посягательства против личности, были сосредоточены в разд. X Уложения («О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц»).

Уложение разделяло убийство на умышленное («с обдуманным заранее намерением или умыслом»), неумышленное («без обдуманного заранее намерения или умысла, в запальчивости или раздражении») и случайное («не только без намерения, но и без всякой неосторожности»). Как указывает Т.Н. Нуркаева, Уложение описывало 41 вид квалифицированных убийств [9, с. 10]. Среди отягчающих ответственность признаков назывались свойства потерпевшего (убийство родителей, детей, супруга и иных родственников; начальника и господина; беременной женщины – ст. 1920, 1922, 1923). Квалифицированные составы убийства также описывались в ст. 1924 Уложения (убийство через поджог, разрушение зданий, выстрелов в толпу, отравление; убийство, сопряженное с истязанием или мучениями; убийство, сопряженное с хищением). При дифференциации ответственности за убийство учитывался и рецидив (ст. 1921). К привилегированным видам убийства относились убийство матерью незаконнорождённого ребенка при самом рождении младенца от стыда или страха (ст. 1922), а также убийство в драке и при превышении пределов необходимой обороны (ст. 1936–1938). Как и ранее, в качестве преступления рассматривалось самоубийство и покушение на него (гл. 2 разд. X Уложения).

Преступлениям против здоровья была посвящена гл. 3 разд. X Уложения, выделявшая достаточно большой перечень посягательств данного вида без построения их системы. Так, к преступлениям против здоровья относилось нанесениеувечий и ран различной степени тяжести (лишение зрения, слуха, языка, конечностей и других частей тела, неизгладимое обезображивание лица). При дифференциации ответственности учитывались различные объективные и субъективные признаки – мотив, способ и орудие совершения преступления, общественно опасные последствия (причинениеувечья, сопряженное с истязанием; в запальчивости или раздражении; повлекшее смерть и проч.).

Уложением был также расширен перечень и создана система половых преступлений, видовым объектом которых считалась честь, а непосредственным – честь и целомудрие женщины (гл. 6 разд. X). При этом при построении их системы учитывался возраст потерпевшей, что позволяет говорить о разделении половых преступлений на посягательства против половой свободы и половой неприкосновенности.

Уложение предусматривало и ответственность за ранее неизвестные российскому уголовному законодательству посягательства на личность – умышленное прерывание беременности без согласия и ведома женщины (ст. 1932); учиненный кому-либо поединок (ст. 1970); оставление человека в опасности и неоказание помощи погибающему (гл. 5 разд. X).

Новый этап развития уголовного законодательства в сфере дифференциации ответственности за преступления против личности связан с принятием УК РСФСР 1922 г. Содержание убийства включало в себя как умышленное, так и неосторожное лишение жизни. Законодателем была воспринята преемственность при регламентации квалифицирующих и привилегирующих признаков убийства. При формировании системы отягчающих ответственность признаков учитывались мотив (корысть, ревность и иные низменные побуждения), цель (с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление), способ совершения убийства (общеопасный или мучительный для потерпевшего), а также свойства субъекта и потерпевшего (ст. 142) [2, с. 79]. Мотив сострадания в первоначальной редакции УК РСФСР 1922 г. рассматривался в качестве исключающего уголовную ответственность обстоятельства.

УК РСФСР 1922 г. дифференцировал посягательства на здоровье по критерию степени тяжести (тяжкое, менее тяжкое, легкое). Среди иных преступлений данной группы выделялись неосторожные телесные повреждения, нанесение ударов или иных насильственных действий, причинивших физическую боль. Кроме того, в системе посягательств против здоровья стало выделяться заражение другого лица венерической болезнью, которое ранее было известно российскому законодательству, но рассматривалось в качестве посягательства на народное здравие.

Достоинством УК РСФСР 1922 г. следует назвать более четкую регламентацию ответственности за посягательства на честь и достоинство личности. Так, законодателем было сформулировано понятие клеветы (ст. 174) и предусматривалась ответственность за оскорбление без приведения его дефиниции (ст. 172–173). Посягательством на достоинство считался и заведомо ложный донос, заведомо ложные показания и хулиганство.

Преступления против половой свободы были сосредоточены в разд. 4 гл. 5. Помимо составов изнасилования и полового сношения с малолетними, в рамках данной категории преступлений выделялись и такие, как сношение, сопряженное с растлением и удовлетворением половой страсти в извращенных формах (ст. 167), понуждение к занятию проституцией (ст. 170), сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции (ст. 171).

Во многом принципы построения системы преступлений против личности и регламентации ответственности за их совершение воспринял УК РСФСР 1926 г. Нормы об ответственности за убийство не претерпели существенных изменений, за исключением некоторых особенностей изложения диспозиций уголовно-правовых норм и ужесточения санкций. Новеллой стало введение с 1936 г. нового состава умышленного убийства – убийства, совершенного военнослужащим при особо отягчающих обстоятельствах, за которое устанавливалась высшая мера наказания в виде расстрела (ч. 2 ст. 136). Кроме того, УК РСФСР 1926 г. предусмотрел ответственность за доведение до самоубийства (ч. 1 ст. 141).

Отдельные изменения коснулись системы преступлений против здоровья – все телесные повреждения в соответствии с УК РСФСР 1926 г. делились на два вида: тяжкие и легкие.

Кроме того, законодателем был введен дополнительный признак определения тяжести телесного повреждения – расстройство здоровья, соединенное со значительной потерей трудоспособности (ст. 142).

Система преступлений против свободы, чести и достоинства личности сохранялась прежней. Важно, что законодателем в УК РСФСР 1926 г. было приведено развернутое определение клеветы, которое воспринято действующим законодательством. Кроме известных ранее составов половых преступлений, УК РСФСР 1926 г. предусматривал ответственность за мужеложство (ч. 1 ст. 154-а), а состав изнасилования был дополнен новыми квалифицирующими признаками.

Стоит также отметить, что в УК РСФСР 1926 г. был расширен перечень нарушений прав граждан – в основном в сфере трудовых отношений (ст. 133а).

Принятие нового УК РСФСР 1960 г. ознаменовало собой усиление уголовно-правовой репрессии за посягательства на личность. Прежде всего это связано с существенным пересмотром и расширением перечня квалифицированных видов убийства. В ст. 102 УК РСФСР 1960 г. последовательно описывалось 11 квалифицирующих признаков убийства, большинство из которых практически в неизменном виде восприняты действующим УК РФ.

Необходимо заметить, что все посягательства на личность в УК РСФСР 1960 г. структурно обособлялись в единой главе с последовательным изложением уголовно-правовых запретов. При этом нормы об ответственности за посягательства на здоровье были выстроены в виде четкой системы, включавшей в себя: 1) преступления против здоровья (ст. 108-115); 2) преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье (ст. 116, 122, 124, 127-129) [\[9, с. 30\]](#). Кроме того, в основу построения этой системы вновь было положено деление телесных повреждений на тяжкие, менее тяжкие и легкие.

Регламентация ответственности за преступления против свободы, чести и достоинства существенных изменений не претерпела. Так, УК РСФСР 1960 г. впервые определил понятие оскорблений как умышленного унижения чести и достоинства личности, выраженного в неприличной форме. Кроме того, система преступлений против свободы была дополнена двумя составами преступлений – захват заложников (ст. 126.1) и похищение человека (ст. 125.1).

Достаточное внимание в УК РСФСР 1960 г. было удалено регламентации ответственности за посягательства на права граждан, перечень которых закреплялся в самостоятельной главе (гл. IV). Среди них были предусмотрены самостоятельные составы преступлений, посягающих на личную жизнь граждан (ст. 135-136 УК РФ).

Сохранив с незначительными изменениями ответственность за содержащиеся в УК 1926 г. преступления против семьи и несовершеннолетних, УК РСФСР 1960 г. предусмотрел ответственность за ряд новых, ранее неизвестных, посягательств (ст. 124.1, 125.2, 210.2).

Многие положения УК РСФСР 1960 г., предусматривающие ответственность за посягательства против личности, были восприняты действующим УК РФ 1996 г., в том числе сохранена преемственность в построении их системы и изложении соответствующих уголовно-правовых запретов. Вместе с тем спецификой УК РФ 1996 г. стала совершенно иная система ценностей, во главу которой поставлена личность. Это предопределило обособление всех преступлений против личности в едином разделе, открывающим собой Особенную часть УК РФ и подразделяющимся на конкретные главы.

Таким образом, на основании изучения эволюции российского уголовного законодательства в сфере дифференциации ответственности за преступления против личности, можно сформулировать авторскую периодизацию в данной области:

1. Период зарождения дифференциации уголовной ответственности за посягательства против личности (X в. – конец XV в.). История развития российского уголовного законодательства свидетельствует о том, что дифференциации ответственности за преступления против личности уделялось внимание с древнейших времен, что связано с принятием таких правовых актов, как Договоры Руси с Византией 911 и 944 гг. и Русская правда. Характеризуется появлением в последних отдельных признаков, дифференцирующих ответственность за указанные посягательства. Данные признаки регламентировались бессистемно, а техника их изложения отличалась казуистичностью.
2. Период законодательного расширения признаков, дифференцирующих уголовную ответственность за преступления против личности (конец XV в.– середина XIX в.). Связан с принятием таких правовых актов, как Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г. и Артикул воинский 1715 г. Его особенностью стало то, что конструирование квалифицированных и привилегированных составов преступлений против личности осуществлялось бессистемно, местами казуистично.
3. Период формирования системы в сфере использования юридической конструкции квалифицированных (привилегированных) составов, что выражалось в последовательном, но, порой, бессистемном конструировании новых дифференцирующих признаков, число которых применительно к отдельным посягательствам против личности составляло несколько десятков (середина XIX в. – XX в.). Связан с принятием первого в России кодифицированного уголовного закона, в котором выделялись Общая и Особенная части – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.
4. Период становления (формирования) института дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности (начало XX в. – 1996 г.). Уголовное законодательство характеризуется унификацией системы квалифицированных (привилегированных) составов преступлений с параллельным сокращением числа дифференцирующих признаков и отходом от казуистичного изложения уголовно-правовых запретов. Указанный период связан с принятием УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг.
5. Период развития и оптимизации института дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности (1996 г. – наше время). Связан с принятием в 1996 году Уголовного кодекса РФ. Характеризуется отношением к указанному институту как основному и главному методу уголовно-правовой политики, применение которого, в том числе и к преступлениям против личности, требует дальнейшего осмысления и совершенствования.

Библиография

1. Антонян Ю. М., Звизжова О. Ю. Преступность в истории человечества: монография. М., 2022. 208 с.
2. Бабичев А. С. Законодательство России о преступлениях против жизни в советский период // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 2. С. 79–81.
3. Балковая В. Г., Неретина Д. А. Система преступлений в средневековой Руси: возникновение и развитие // Право, экономика и управление: теория и практика: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Гл. редактор Э. В. Фомин (Чебоксары, 23 июня 2022 г.). Чебоксары, 2022. 266–

271.

4. Беспалов Н. Е. История развития российского законодательства о преступлениях против свободы, чести и достоинства личности // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XX Международной научно-практической конференции (Пенза, 25 июня 2021 г.). Пенза, 2021. С. 147–151.
5. Исаев И. А. История государства и права России: учебник. М., 2004. 797 с.
6. Каплин М. Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 47 с.
7. Кретова К. А. Преступления против личности и имущества в уголовном праве Киевской Руси // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор: сборник научных трудов (Владивосток, 05–27 апреля 2022 г.). Владивосток, 2022. С. 97–102.
8. Лоба В. Е., Малахов С. Н. Уголовное право Древней Руси XI–XII вв. (по данным Русской Правды): монография. Армавир, 2011. 176 с.
9. Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики. М., 2017. 255 с.
10. Омельченко С. С. Оскорблечение и клевета в уголовном праве России XI–XVII вв. // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 1. С. 240–246.
11. Шестопалов А. П., Фумм А. М. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в системе источников уголовного права российской империи // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2015. № 3. С. 69–73. 1. Антонян Ю. М., Звизжова О. Ю. Преступность в истории человечества: монография. М., 2022. 208 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема дифференциации ответственности за преступления против личности. Автор сосредоточил свое внимание на изучении ее эволюции. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не обосновывается. Дополнительно исследователю необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в формировании ученым целостной картины дифференциации ответственности за преступления против личности в историческом срезе. Научный интерес представляет ряд заключений автора: "Все преступления рассматриваемой группы дифференцировались на посягательства с отягчающими либо смягчающими обстоятельствами. В качестве критериев, как было упомянуто ранее, выступали мотив и форма вины (убийство в разбое), орудие преступления (нанесение телесных повреждений). Кроме того, в качестве дифференцирующих признаков следует рассматривать признаки субъекта и потерпевшего – их социальное и имущественное положение. Большинство правовых норм Русской Правды получили свое отражение в источниках периода централизации российского государства – Судебниках 1497 и 1550 гг. Объект преступления в данных актах не дифференцировался"; "Впервые в Соборном уложении 1649 г. появляются нормы об уголовной ответственности за половые преступления (к примеру, в ст. 30 гл. VII описывался состав изнасилования,

совершенного военнослужащим при следовании им на службу). Принятие в 1715 г. Артикула воинского повлекло ужесточение уголовно-правовой политики в области противодействия преступлениям против личности. Главным образом это выразилось в нормативном конструировании новых квалифицированных составов убийств и расширении видов наказаний" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы не вполне логична в том смысле, что вводная часть исследования отсутствует. В основной части статьи автор исследует эволюцию уголовной ответственности за преступления против личности и выделяет ее особенности. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 10 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями, учебником). С формальной точки зрения этого достаточно, однако в целом статья носит описательный характер.

Апелляция к оппонентам отсутствует, что недопустимо для научной статьи. Автор ссылается на ряд теоретических источников в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы, но в научную дискуссию не вступает.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, история развития российского уголовного законодательства свидетельствует о том, что вопросу дифференциации ответственности за преступления против личности уделялось внимание еще с древнейших времен. Однако вплоть до XX в. конструирование квалифицированных и привилегированных составов преступлений против личности осуществлялось бессистемно, а техника изложения дифференцирующих признаков отличалась казуистичностью. По мере развития российского уголовного законодательства использование юридической конструкции квалифицированных (привилегированных) составов стало систематическим. Это выражалось в последовательном, но порой бессистемном, конструировании новых дифференцирующих признаков, число которых применительно к отдельным посягательствам против личности составляло несколько десятков. Современный этап развития института дифференциации ответственности за преступления против личности (начиная с XX в.) характеризуется унификацией системы квалифицированных (привилегированных) составов преступлений с параллельным сокращением числа дифференцирующих признаков и отходом от казуистичного изложения уголовно-правовых запретов. Институт дифференциации ответственности, несмотря на свою продолжительную историю, и в настоящее время остается основным и главным методом уголовно-правовой политики, применение которого, в том числе и к названным преступлениям, требует дальнейшего осмыслиения и совершенствования"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, истории отечественного государства и права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, обосновании актуальности его темы, уточнении структуры работы, введении элементов дискуссионности.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Дифференциация ответственности за преступления против личности: эволюция в российском уголовном законодательстве» предметом исследования являются нормы права, устанавливающие уголовную ответственность за преступления против личности, в том числе, и в исторической ретроспективе.

Методология исследования. В ходе написания статьи использовались современные методы исследования: общенаучные и частные (такие как: диалектический, логический, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический и др.). Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, а также можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения.

Актуальность исследования. Тема статьи представляется весьма актуальной. Можно согласиться с автором, что «...история развития российского уголовного законодательства свидетельствует о том, что вопросу дифференциации ответственности за преступления против личности уделялось внимание еще с древнейших времен». Также верно отмечается, что «...институт дифференциации ответственности, несмотря на свою продолжительную историю, и в настоящее время остается основным и главным методом уголовно-правовой политики, применение которого, в том числе и к названным преступлениям, требует дальнейшего осмысления и совершенствования». Доктринальные разработки по данной проблематике имеют значимость для совершенствования современного отечественного законодательства и правоприменения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что и в этой статье сформулированы положения, которые отличаются научной новизной, например: «...Современный этап развития института дифференциации ответственности за преступления против личности (начиная с XX в.) характеризуется унификацией системы квалифицированных (привилегированных) составов преступлений с параллельным сокращением числа дифференцирующих признаков и отходом от казуистического изложения уголовно-правовых запретов». В статье представлены и иные заслуживающие внимания с точки зрения практической значимости результаты исследования. Результаты этого исследования можно оценить как определенный вклад в отечественную юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. В целом статья написана научным стилем с использованием специальной юридической терминологии. Соблюдаены требование по объему статьи. Содержание статьи соответствует ее названию. Статья структурирована. Однако нельзя сказать, что введение отвечает предъявляемым к этой части научной статьи установленным требованиям. Во введении должны быть указаны актуальность и практическая значимость исследования, цели и задачи исследования, методы исследования, результаты исследования. В этой части статья нуждается в доработке. Кроме того, в заключении следовало бы представить конкретные результаты исследования, а не ограничиваться общим выводом. Замечания устранимые и не умаляют проделанной автором работы.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, в том числе последних лет. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. В статье представлена научная полемика. Обращения к оппонентам корректные, оформлены ссылками на источники опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «Дифференциация ответственности за преступления против личности: эволюция в российском уголовном законодательстве» может быть рекомендована к опубликованию с условием доработки введения и заключения по требованиям, предъявляемым к публикациям в научных журналах (представлены на сайте издательства). Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Публикация по данной теме могла бы представлять интерес для читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области уголовного права, а также, могла бы быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Дифференциация ответственности за преступления против личности: эволюция в российском уголовном законодательстве».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам дифференциации ответственности за преступления против личности. Автором рецензируемой статьи последовательно изучаются исторические документы, правовые акты различных исторических периодов по теме исследования, что в завершении статьи позволило сформулировать авторскую периодизацию в данной области. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, нормы законодательства, правовые акты различных исторических периодов, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена. Автором указано, что «Целью исследования является изучение эволюции российского уголовного законодательства в сфере дифференциации ответственности за преступления против личности». Исходя из поставленных цели и задач автором, выбрана методологическая основа исследования. Так, отмечается, что «Для проведения объективного и всестороннего рассмотрения избранной темы в статье использованы такие общенаучные и частные методы исследования, как диалектический, логический, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический и др. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, а также можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «Многие положения УК РСФСР 1960 г., предусматривающие ответственность за посягательства против личности, были восприняты действующим УК РФ 1996 г., в том числе сохранена преемственность в построении их системы и

изложении соответствующих уголовно-правовых запретов. Вместе с тем спецификой УК РФ 1996 г. стала совершенно иная система ценностей, во главу которой поставлена личность. Это предопределило обособление всех преступлений против личности в едином разделе, открывающим собой Особенную часть УК РФ и подразделяющимся на конкретные главы».

Важнейшую роль в контексте цели исследования, безусловно, сыграл исторический метод, который позволил сопоставить правовое регулирование в различные исторические периоды. В частности, следует отметить следующий авторский вывод: «Исходной точкой развития российского уголовного права в сфере дифференциации ответственности за посягательства против личности выступают Договоры Руси с Византией 911 и 944 гг. Так, к примеру, Договором 911 г. предусматривалась ответственность за убийство (ст. 4) и причинение вреда здоровью (ст. 5). Об этих деяниях говорилось также в ст. 6 («...и схвачен будет вор потерпевшим в то самое время, когда совершил кражу, при этом он окажет сопротивление и будет убит») и ст. 8 («если же случится, что кто-либо из прибывших на той ладье будет убит или избит нами...»). Аналогичные уголовно-правовые запреты содержались в Договоре 944 г., а новеллой явилась криминализация обращения в рабство греков, потерпевших кораблекрушение (ст. 9), и запрета на расправу с убийцей на месте преступления (ст. 13)».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема дифференциации ответственности за преступления против личности сложна и неоднозначна. Одним из направлений для ее изучения должно стать исследование проблемы с учетом тенденций и направлений развития, что предполагает изучение исторического опыта. Сложно спорить с автором в том, что «Актуальность темы исследования заключается в том, что вопросу дифференциации ответственности за преступления против личности уделялось внимание еще с древнейших времен и на сегодняшний день можно говорить о целом институте в данной области, который, несмотря на свою продолжительную историю формирования, и в настоящее время остается основным и главным методом уголовно-правовой политики».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод, который предполагает периоды развития законодательства по рассматриваемому вопросу. Так, выделен «Период формирования системы в сфере использования юридической конструкции квалифицированных (привилегированных) составов, что выражалось в последовательном, но, порой, бессистемном конструировании новых дифференцирующих признаков, число которых применительно к отдельным посягательствам против личности составляло несколько десятков (середина XIX в. – XX в.). Связан с принятием первого в России кодифицированного уголовного закона, в котором выделялись Общая и Особенная части – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором приведены обобщения исторических документов и правовых актов, что может быть полезно специалистам в рассматриваемой сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного

сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с генезисом развития уголовного законодательства России.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Антонян Ю.М., Балковая В.Г., Неретина Д.А., Звизжова О.Ю., Лоба В.Е., Малахов С.Н., Беспалов Н.Е. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области истории уголовного права России. Хотело бы отметить использование автором большого количества материалов судебной практики, что позволило придать исследованию правоприменимую направленность.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам исторического развития российского законодательства в части дифференциации ответственности за преступления против личности.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Полуян Д.А. Определение понятия «самозанятый» и его историческое развитие // Юридические исследования. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.9.71766 EDN: AELRBA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71766

Определение понятия «самозанятый» и его историческое развитие**Полуян Дмитрий Анатольевич**

ORCID: 0000-0003-4434-0923

аспирант; кафедра коммерческого права; Санкт-Петербургский государственный университет

196084, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Красуцкого, 3, лит М, кв. 237

 gradualle@mail.ru[Статья из рубрики "Правоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.9.71766

EDN:

AELRBA

Дата направления статьи в редакцию:

22-09-2024

Аннотация: Предметом исследования является эволюция понятия "самозанятый" в России, начиная с его появления в научной литературе в 90-х годах и до современного состояния. Исследование стремится проследить динамику изменения определения "самозанятости" и "самозанятого" под влиянием различных факторов, включая политические, законодательные и научные тенденции. Цель исследования состоит не только в том, чтобы установить хронологию формирования и изменения понятия, но и в том, чтобы проанализировать способы его применения в практике, в частности, в судебных решениях. Представленные в работе анализ направлены на углубление осмысливания понятия "самозанятый" в разных контекстах и выявлении противоречий в его применении. Это способствует повышению эффективности правоприменительной практики и улучшению будущих теоретических разработок в этой сфере. Методологию исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания. Использованы диалектический, логический, исторический, формально-юридический, герменевтический методы исследования. Новизна исследования заключается в комплексном анализе эволюции понятия "самозанятый" в России, охватывающем

различные контексты его применения. Исследование не ограничивается простым прослеживанием хронологии появления и изменения термина, но и глубоко анализирует его толкование в социологических и правовых работах, правовых актах исполнительной власти, законах, решениях Конституционного Суда и судебной практике, а также причинам появления тех или иных коннотаций. Особое внимание уделяется тому, как происходит смешение различных трактовок этого понятия в судебных решениях. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: Понятие "самозанятый" в России не имеет единого определения, что приводит к неоднозначности его применения в практике. Исторически определение "самозанятости" менялось от широкого толкования (вида занятости людей), до более узкого (налогового режима). Судебная практика демонстрирует несогласованность в толкованиях понятия "самозанятый", что усложняет правоприменение и требует своевременного исправления.

Ключевые слова:

Самозанятость, самозанятый, определение, понятие, предпринимательская деятельность, налоговый режим, занятость, индивидуальная трудовая деятельность, правоприменение, история правового регулирования

Понятия «самозанятость» и «самозанятый» начали активно использоваться в российской научной литературе с начала девяностых годов. Основу этой литературы составляли работы по социологии. Поводом для интереса учёных к данной категории стал динамичный рост числа самостоятельно занятых людей, появившийся вследствие экономического кризиса, снижения заработных плат, снижения спроса на рынке труда, формирования теневой экономики.

Вышеуказанные понятия использовались неоднозначно. В наиболее широком понимании самозанятостью именовалась форма занятости граждан, предполагающая самостоятельное обеспечение себя приносящим доход трудом. Самозанятость в данном значении можно понимать буквально как самостоятельную занятость [\[1\]](#), а к самозанятым можно отнести всех людей, работающих не по найму.

Существенное влияние на формирование данного определения оказала Резолюция о Международной классификации статуса занятости (ICSE), принятая на XV Международной конференции статистиков труда (Resolution concerning the International Classification of Status in Employment (ICSE), adopted by the Fifteenth International Conference of Labour Statisticians (January 1993)), которая разделила виды занятости населения на две группы: оплачиваемую занятость и самозанятость. Самозанятость в данном документе определяется как труд, доход от которого напрямую зависит от прибыли, полученной предприятием (в широком смысле) от произведенных товаров и услуг, причем личное потребление будет считаться прибылью, получаемой от осуществляющей деятельности. В будущем этот подход лег в основу установления существующей и сегодня дилеммы статуса занятости населения в Общероссийском классификаторе информации о населении на наемных работников и работающих не по найму (Общероссийский классификатор информации о населении ОК 018-95 (ОКИН) (утв. постановлением Госстандарта РФ от 31 июля 1995 г. N 412)).

Впрочем, это не было первым использованием понятия «самозанятость» Международной организацией труда. Так, в Резолюции о статистике экономически активного населения, занятости, безработицы и неполной занятости, принятой Тринадцатой Международной

конференцией статистиков труда (Resolution concerning statistics of the economically active population, employment, unemployment and underemployment, adopted by the Thirteenth International Conference of Labour Statisticians. October 1982.), «самозанятость», выделенная как отдельная категория занятости наравне с «оплачиваемой работой», обозначала деятельность лиц, которые выполняли какую-либо работу для получения прибыли или семейной выгоды в денежной или натуральной форме, а также лиц, имеющих предприятие, которое может быть коммерческим предприятием, фермой или предприятием по оказанию услуг, которое по какой-либо причине временно не работало.

Влияние на формирование вышеуказанного определения также могли оказать решения Европейского суда, который с 1992 г. регулярно начал использовать понятие «самозанятый» (self-employed) для обозначения независимо (без работодателя) трудящихся специалистов (European Court. Judgment of the Court of First Instance (Fifth Chamber) of 11 February 1992. Anastasia Panagiotopoulou v European Parliament. Case T-16/90; European Court. Order of the Court of First Instance (Fifth Chamber) of 14 December 1993. Antonio Calvo Alonso-Cortès v Commission of the European Communities. Case T-29/93; European Court. Order of the President of the Court of First Instance of 2 May 1994. Elena Cadiotte v Council of the European Union. Case T-108/94 R).

В более узком значении в российской теории под самозанятостью понимался способ осуществления предпринимательской деятельности, при котором актор не создает юридическое лицо и не нанимает работников, иными словами, осуществляет свою деятельность индивидуально [\[2\]](#).

В рамках данной концепции в качестве замены понятия «самозанятость» в исследованиях часто использовалось понятие «индивидуальная трудовая деятельность», а самозанятые именовались индивидуалами [\[3\]](#). Категория индивидуальной трудовой деятельности была известна ученым ещё с 1977 г., когда в ст. 17 Конституции СССР (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) допускалась индивидуальная трудовая деятельность граждан в сфере кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения, а также другие виды деятельности, основанные исключительно на личном труде граждан и членов их семей. В официальных методологических положениях как категория граждан присутствовали только «лица, работающие на индивидуальной основе», под которыми понимались лица, осуществляющие самостоятельную деятельность, приносящую доход, и не использующие труд наемных работников (Методологические положения по статистике. Гос. ком. Рос. Федерации по статистике. 1996).

Также стоит заметить, что зачастую в проводимых социальных исследованиях категории «самозанятые» и «предприниматели» выделялись отдельно друг от друга. Хотя из представленных нами подходов самозанятость должна либо выступать в качестве родового понятия по отношению к предпринимательской деятельности (широкий), либо как видовое понятие в рамках предпринимательской деятельности (узкий). Путаница приводила к ряду трудностей, связанных с неопределенностью данных понятий и их адекватным разграничением, что отмечали и сами авторы исследований (Общие проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1993. № 2. 1994. С. 7).

Обратим внимание, что неконцептуализированность понятий «самозанятость» и «самозанятый» была и остается общемировой практикой социологических,

экономических и правовых исследований. Что демонстрируется изменением определения понятия «самозанятость» в резолюциях Международной конференции статистиков труда. Марк Линдер, анализируя международные методики учета самозанятых, иронично заметил: «Конечно, самозанятость вряд ли представляет собой первый случай, когда социологи выделяют группу, которой они не удосужились дать определение ...» [\[4\]](#).

Вплоть до 1998 года самозанятость в качестве правовой категории не подвергалась сколь-нибудь существенному теоретическому обсуждению. Редкие же упоминания в диссертационных работах и статьях служили указанием на зарубежное регулирование [\[5\]](#), [\[6\]](#).

Первые использований понятия «самозанятый» в правовых актах органов власти.

Первыми же правовыми актами, использовавшими понятие «самозанятость», были Постановление Президиума Верховного Совета РФ от 15 июня 1993 г. N 5166-I «О ходе выполнения постановления Верховного Совета РСФСР от 26 декабря 1991 года «О мерах Верховных Советов республик в составе РСФСР, краевых, областных, городов Москвы и Санкт-Петербурга, автономной области, автономных округов, городских и районных Советов народных депутатов по социальной защите малоимущих слоев населения в период либерализации цен» и Постановление Правительства РФ от 15 июня 1994 г. N 683 «О Федеральной программе содействия занятости населения Российской Федерации на 1994 год». Понятие «самозанятость» в них не раскрыто, однако оно употребляется в контексте видов занятости граждан и противопоставляется предпринимательству, из чего можно сделать вывод, что под самозанятостью понимается вид доходной занятости граждан, не относящийся к предпринимательству.

Вместе с этим, в Указе Президента РФ от 9 августа 1994 г. N 1668 «О Федеральной миграционной программе» понятие «самозанятость» использовалось, как содержательная часть предпринимательства: «... организация самозанятости мигрантов в предпринимательской сфере, малом бизнесе ...», а в Постановлении Минтруда РФ от 22 января 2001 г. N 11 «Об утверждении Положения о мониторинге городов и других населенных пунктов сmonoэкономической структурой и высоким уровнем безработицы» использовалось как собирательная категория для обозначения граждан, занятых в предпринимательской сфере и личном подсобном хозяйстве.

На уровне актов субъектов РФ впервые это понятие было использовано в Законе Санкт-Петербурга от 16 декабря 1996 г. N 154-52 «О Программе занятости населения Санкт-Петербурга и бюджете Государственного фонда занятости населения по Санкт-Петербургу на 1996 год», где в качестве статьи расхода указано обеспечение самозанятости и предпринимательства безработных. Так, в ст. 3 «самозанятость» и «предпринимательство» указаны как противопоставимые категории, а в разделе 4 приложения к данному закону «самозанятость» обозначается как составная часть предпринимательства: «обучение безработных граждан основам предпринимательской деятельности, в т.ч.: самозанятости; малому и среднему бизнесу». То есть в данном акте можно заметить двусмысленность понятия «самозанятость».

В федеральном законодательстве понятие «самозанятость» впервые было использовано в пятом приложении Федерального закона от 15 августа 1996 г. N 115-ФЗ «О бюджетной классификации Российской Федерации», в котором в качестве вида расходов бюджетов государства указывалась организация содействия самозанятости безработных граждан. Сведения о том, что конкретно под этим подразумевается или что означает «самозанятость», в законе и приложениях отсутствуют.

Непосредственно в тексте закона понятие «самозанятость» появилось только в 2005 г., когда изменениями, вступившими в силу 01.01.2005 г., Закон РФ от 19 апреля 1991 г. N 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» был дополнен положениями об обязанностях федеральных органов власти в части развития у населения предпринимательства и самозанятости. Понятие не раскрывается, но из представленного текста явствует несоответствие понятий «самозанятость» и «предпринимательство». Однако абз. 10 п. 8 ст. 7.1-1 редакции данного закона от 01.01.2012 г. указывал, что содействие самозанятости безработных граждан включает в себя финансовую помощь гражданам при их государственной регистрации в качестве юридического лица и индивидуального предпринимателя. То есть финансирование граждан при их регистрации в качестве предпринимателей обозначалось в качестве содействия самозанятости, что вступает в противоречие с рассмотренным ранее положением, употребляющим самозанятость и предпринимательство как несовпадающие категории.

В последующие годы понятия «самозанятость» и «самозанятые» продолжили использоваться в целом ряде законов. В Федеральном законе от 24 июля 2007 г. N 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в п. 6 ч. 2 ст. 6 одной из целей государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства было указано «обеспечение занятости населения и развитие самозанятости». По мнению О. Ю. Павловской, под самозанятостью в данном случае следует понимать самостоятельную организацию и ведение предпринимательской деятельности [7]. Вслед за этим указанные понятия начали появляться в законах субъектов РФ, посвященных вопросам занятости населения. Так, в Законе г. Москвы от 1 октября 2008 г. № 46 «О занятости населения в городе Москве» содержатся определения «самозанятость», «самостоятельно занятые». Под самозанятостью в законе понимаются самостоятельные организации и ведение предпринимательской деятельности, осуществляемые в соответствии с федеральным законодательством (часть 1 статьи 18 Закона г. Москвы от 1 октября 2008 г. № 46). К самостоятельно занятым для целей данного закона относятся: работодатели, самостоятельные работники, неоплачиваемые семейные работники, члены производственного кооператива.

Стоит упомянуть, что категория, крайне схожая с понятием «самозанятый», содержалась ещё в первой редакции Закона РФ от 19 апреля 1991 г. N 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» – «граждане, самостоятельно обеспечивающие себя работой». Данная категория в законе не раскрывалась, однако было указано, что в неё входят в том числе предприниматели, лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью, включая фермеров, а также члены производственных кооперативов. Ранее она с тем же описанием содержалась в Основах законодательства Союза ССР и республик о занятости населения от 15 января 1991 г. N 1905-I, откуда и попала в Закон о занятости без изменений в тексте наравне с иными указанными в Основах видами занятого населения.

Конституционный суд. Начало судебного толкования.

Полноценным началом юридического толкования понятий «самозанятость» и «самозанятый» можно назвать 1998 год, когда Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) в своем Постановлении от 24.02.1998 N 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1 и 5 Федерального закона от 5 февраля 1997 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в Фонды обязательного медицинского страхования

на 1997 год» в связи с жалобами ряда граждан и запросами судов» адресовал понятие «самозанятый» к категории лиц, уплачивающей страховые взносы вне трудовых отношений, – индивидуальным предпринимателям, занимающимся частной практикой нотариусам, а также адвокатам. В последующих актах КС РФ более подробно раскрывает понятие «самозанятый», определяя его как гражданина, пожелавшего осуществлять свою деятельность на основе самоорганизации, без оформления трудовых отношений (Определение КС РФ от 7 февраля 2008 г. N 226-О-О).

Стоит заметить, что, хотя КС РФ рассматривает самозанятых исходя из их широкого толкования (как самостоятельно занятых), он ограничивает это толкование наличием у них обязанности по уплате страховых платежей. В результате КС РФ дает конкретное толкование понятия «самозанятый» с учетом специфики каждого рассматриваемого им закона и круга лиц, подпадающих под обязательное социальное страхование в рамках данного закона. Так, КС РФ, рассматривая самозанятых граждан как субъектов обязательного социального страхования, в своих актах относит к этой категории адвокатов (Определение КС РФ от 27 октября 2022 г. N 2716-О), частнопрактикующих нотариусов (Определение КС РФ от 1 декабря 2009 г. N 1553-О-П), индивидуальных предпринимателей (Определение КС РФ от 29 мая 2014 г. N 1116-О), совместно частнопрактикующих нотариусов и адвокатов (Определение КС РФ от 12 мая 2016 г. N 1144-О), индивидуальных предпринимателей, частнопрактикующих нотариусов и адвокатов (Постановление КС РФ от 28 января 2020 г. N 5-П), а также индивидуальных предпринимателей, частнопрактикующих нотариусов, адвокатов и глав крестьянских (фермерских) хозяйств (Постановление КС РФ от 23 декабря 1999 г. N 18-П). Это вызывает противоречия между актами КС РФ, когда в одном случае в качестве самозанятых обозначаются занимающиеся частной практикой нотариусы, главы крестьянских (фермерских) хозяйств, адвокаты и индивидуальные предприниматели (Определение КС РФ от 23 декабря 1999 г. N 18-П), а в другом случае самозанятые и индивидуальные предприниматели прямо противопоставляются: «Это тем более касается различий в правовом регулировании в отношении самозанятых граждан, с одной стороны, и индивидуальных предпринимателей – с другой» (Определение Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2017 г. N 2515-О).

С функциональной точки зрения понятие «самозанятый» используется в актах КС РФ как благозвучная замена конструкции «лица, самостоятельно обеспечивающие себя работой», содержащейся, в частности, в Федеральном законе от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования». В подтверждение этого можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2020 г. N 5-П, где в п. 3.1 понятия «самозанятые» и «лица, самостоятельно обеспечивающих себя работой» используются как синонимы.

В вышеназванном подходе КС РФ существовали и исключения, встречающиеся в отказных определениях КС РФ, в частности, в Определении КС РФ от 7 февраля 2008 г. N 226-О-О использовано широкое толкование понятия «самозанятый» без страховых рамок: «граждане, пожелавшие осуществлять свою деятельность на основе самоорганизации, без оформления трудовых отношений, т.е. самозанятые граждане», в таком же широком значении «самозанятый» используется в Определении КС РФ от 17.07.2007 N 565-О-О.

Толкование понятия «самозанятый», данное КС РФ, в следующие несколько лет начало использоваться в правовых исследованиях [8, 9] (в первую очередь за счет анализа решений КС РФ), в практике арбитражных судов (Постановление Федерального

арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12 февраля 2001 г. N Ф08-3777/2000-1098А по делу N А22/1201-99/8-29/Ар23), а в последующем и судов общей юрисдикции (Апелляционное определение СК по гражданским делам Курского областного суда от 07 августа 2013 г.).

Государственная политика легализации деятельности самозанятых.

Существенное влияние на развитие научных изысканий в определении понятия «самозанятый» окажет начатая государством кампания по легализации деятельности незарегистрированных предпринимателей, отправной точкой которой можно назвать 27 декабря 2013 г., когда был подписан Перечень поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ от 12 декабря 2013 г. (далее – Перечень поручений). В указанном Перечне Правительству Российской Федерации поручалось обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих, в том числе, применение патентной системы налогообложения самозанятыми гражданами (п. 1.27 Перечня поручений от 27 декабря 2013 г. № Пр-3086). Определение понятия «самозанятый» в Перечне поручений отсутствует. Но можно предположить, что в Перечне понятие «самозанятый» употреблено в узком смысле, как лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность индивидуально, без создания юридического лица и найма сотрудников.

В первые годы после публикации Перечня поручений, таковые, в части регулирования самозанятости, не вызвали особого интереса ученых, что неудивительно, учитывая отсутствие в то время со стороны государственных органов конкретных мер, направленных на выполнение указанного поручения.

В 2015 году для реализации поручений в правительстве была сформирована Межведомственная рабочая группа, которую возглавил бизнес-омбудсмен Б. Ю. Титов. Рабочая группа занялась пересмотром статуса ИП и адаптацией его для самозанятых. К концу 2015 года группой под руководством Б. Ю. Титова был подготовлен законопроект, предусматривающий упрощенную регистрацию самозанятых в качестве ИП по принципу «одного окна», отмену в их отношении плановых проверок и установление единого платежа в размере до 20 тысяч рублей (из которых 10 тысяч рублей – взнос в ПФР, а оставшаяся часть – региональный налог). Патент охватил бы 45 видов деятельности. Министерством финансов РФ был разработан иной вариант закрепления статуса самозанятых. Минфин предложил рассматривать самозанятых как граждан, работающих в сфере услуг по уборке жилых помещений, ремонту и репетиторству.

Однако ещё до этого, 27 июля 2015 года, на сайте Минфина были опубликованы Основные направления налоговой политики РФ на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов, которые содержали следующее: «физическими лицами, не имеющими работодателей и осуществляющими отдельные виды индивидуальной, приносящей доход деятельности (самозанятые лица)». В «Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р, был избран уже другой подход. Согласно данному документу, к самозанятым относятся граждане, осуществляющие приносящую доход деятельность и не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей. Вскоре Приказом Росстандарта от 09.06.2016 № 600 был введен ГОСТ 12.0.004-2015 (Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения), в котором говорилось о том, что самозанятый – это человек, самостоятельно занятый трудом по оказанию услуг в рамках договоров гражданско-правового характера, в том

числе в форме индивидуального предпринимательства. В вышеназванных документах проглядывается общая идея, установленная в Перечне поручений: самозанятый – это физическое лицо, самостоятельно (индивидуально, вне трудовых отношений) осуществляющее доходную деятельность. Вместе с тем были выбраны разные пути легализации деятельности этих лиц.

В то же время учеными-юристами начали предприниматься попытки формирования авторских толкований понятия «самозанятый», а также анализа существующих концепций. Исследователи не придерживались единого подхода к раскрытию указанного понятия, в большинстве своем самозанятые определялись как лица, самостоятельно обеспечивающие себя доходной деятельностью, видовые признаки которой каждый автор называл уже свои: обеспечение и организация собственной деятельности, которая выступает для них основным источником дохода [\[10\]](#); возмездное выполнение некой функции вне трудовых отношений [\[11\]](#); осуществление основанной на личном трудовом участии деятельности по оказанию услуг, выполнению работ для физических лиц, направленной на систематическое получение прибыли, без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей и найма работников [\[12\]](#); занятие предпринимательской деятельностью в одиночку, без наемных работников и при уплате страховых взносов [\[13\]](#).

Важной вехой становится появление специальных юридических определений, направленных на формализацию понятия «самозанятый» и его поиск в новых нормах, регулирующих доходную деятельность физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей. Первое специально-юридическое определение основывалось на введённых в Налоговый кодекс 30.11.2016 N 401-ФЗ пункте 7.3 статьи 83, устанавливающем право регистрации в качестве налогоплательщиков физических лиц, не являющихся ИП, и оказывающих услуги для личных и домашних нужд без привлечения наемных работников, и стимулирующем данную постановку на учет пункте 70 статьи 217, освобождающим от НДФЛ доходы от оказания таких услуг, как уход за детьми и больными, репетиторство, уборка и ведение домашнего хозяйства. Так, на основании этих норм Е. С. Крюкова и В. Д. Рузанова определяют самозанятых как не являющихся индивидуальными предпринимателями физических лиц, оказывающих без привлечения наемных работников указанные в законе услуги другому физическому лицу для удовлетворения личных, домашних и(или) иных подобных нужд последнего, не привлекая иные активы, кроме своего труда [\[14\]](#).

Следующее специально-юридическое определение понятия «самозанятый» основывалось на абз. 2 п. 1 ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая), введенном Федеральным законом от 26 июля 2017 г. N 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Указанная норма закрепляет возможность установления в законе условий осуществления гражданами предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Таким образом, «с точки зрения ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации самозанятого можно охарактеризовать как физическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя» [\[15\]](#); «применительно к действующему гражданскому законодательству самозанятые граждане должны определяться в качестве физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя» [\[16\]](#); «теперь ГК РФ в отношении так

называемых самозанятых граждан допускает занятие отдельными видами предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя» [17].

Принятие Федерального закона № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее - Закон № 422-ФЗ) привело к смещению обсуждения регламентации деятельности самозанятых в рамках данного закона. На основании его норм и сформировано третье специально-юридическое определение понятия «самозанятый». Учёные предлагают определять понятие «самозанятого» по тем требованиям, которые представлены для плательщика налога на профессиональный доход (далее - плательщик НПД), таким образом отождествляя самозанятых и плательщиков НПД, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Так, Н. В. Тонких и А. В. Бабинцева под самозанятыми предлагают понимать граждан, «участвующих в общественно полезном труде, основанном на личной инициативе, самостоятельности и ответственности, получающих трудовой доход от своей личной официально зарегистрированной в статусе «самозанятого» трудовой деятельности. Ведение трудовой деятельности в статусе «самозанятого» предполагает отсутствие наемных работников по трудовым договорам и получение годового дохода в размерах, не превышающих установленные федеральным законодательством размеры (в настоящее время - 2,4 млн. руб. в год)» [18]. В этом смысле к понятию самозанятый начало формироваться отношение как к определенному налоговому статусу. Что приводит к двойному толкованию понятия «самозанятый», как включающему индивидуальных предпринимателей-плательщиков НПД [19], так и исключающему их [20].

Впоследствии специально-юридическое определение начали использовать и федеральные органы власти. Так, в Приказе Министерства экономического развития РФ от 17 марта 2021 г. N 121 «Об утверждении методики расчета показателя «Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД) и получивших меры поддержки ...» содержится следующее определение понятия «самозанятые граждане»: это физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в порядке, установленном Законом № 422. В том же смысле самозанятые указаны в Письме Минфина России от 20 декабря 2021 г. N 02-08-10/103863, Приказе Федеральной налоговой службы от 2 июля 2021 г. N ЕД-7-20/620@ «Об утверждении Методики расчета показателя «Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД)» федерального проекта «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами», входящего в национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

Современная судебная практика.

За отсутвием унифицированного легального определения в современной судебной практике данный термин употребляется неоднозначно и контекстно. В одном случае суды указывают пункт 3.18 ГОСТ 12.0.004-2015, в котором самозанятым обозначается человек, самостоятельно занятый трудом по оказанию услуг в рамках договоров гражданско-правового характера, в том числе в форме индивидуального предпринимательства (Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 августа 2022 г. по делу N 8Г-17879/2022[88-19615/2022]).

В другом ссылаются на разъяснения, содержащиеся в Письме Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации N 16-1/В-87 от 03 марта 2020 года, согласно которым «самозанятый гражданин» – это субъект, осуществляющий приносящую доход деятельность и не зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя (Определение Чертановского районного суда г. Москвы от 01 июня 2021 г. по делу N 11-0294/2021). В третьем случае суды ссылаются на приказ Минэкономразвития России от 17.03.2021 N 121, в котором самозанятыми названы физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (Решение Долгопрудненского городского суда Московской области от 25 января 2023 г. по делу N 2-68/2023). В четвёртом случае суды ссылаются на Стратегию развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 02 июня 2016 года N 1083-р, которая к самозанятым относит граждан, осуществляющих приносящую доход деятельность и не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей (Решение Московского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики – Чувашии от 25 августа 2022 г. по делу N 2-3156/2022). В других случаях суды при определении самозанятого ссылаются на акты Конституционного суда (Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 июня 2021 г. N 18АП-7916/21 по делу N A07-13344/2020).

Также суды используют понятие «самозанятый» в специально-юридическом смысле. Во-первых, определение строится на норме п. 7.3 ст. 83 Налогового кодекса РФ, соответственно суды определяют самозанятого как физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем и оказывающее без привлечения наемных работников услуги физическим лицам для личных домашних и иных подобных нужд (Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 02 июня 2021 г. по делу N 22-1092/2021). Во-вторых, суды отождествляют самозанятых с плательщиками налога на профессиональный доход, не зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей (Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 6 апреля 2023 г. N 07АП-1864/23 по делу N A67-2192/2022).

Зачастую суды, указывая, что участник спора является самозанятым, не раскрывают данное понятие или не уточняют его. В одних случаях понять, что речь идёт о плательщиках налога на профессиональный доход, возможно из содержания судебного постановления. К примеру, в Решении Суда по интеллектуальным правам от 17 ноября 2022 г. по делу N СИП-620/2022 понятие не раскрывается, но в последующем тексте решения суд ссылается на положения Федерального закона от 27 ноября 2018 г. N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», из чего можно понять, в каком значении использовано понятие «самозанятый». В других случаях определить, о каких именно самозанятых идёт речь, не представляется возможным, к примеру, как в Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 22 февраля 2023 г. N C01-2652/2022 по делу N A40-6782/2021, хотя и можно предположить, что речь идёт о той же категории лиц.

Вполне вероятно, отождествление самозанятых и плательщиков налога на профессиональный доход в силу распространённости данного толкования уже воспринимается судами как само собой разумеющееся, оттого при употреблении понятия «самозанятый» суды не уточняют его. Конституционный суд РФ дал сдержанное подтверждение этому. Так, в 2022 году гражданке Силаевой не дали участвовать в выборах из-за того, что в документах она указала род занятий «самозанятая», а не «налогоплательщик налога на профессиональный доход», как это было написано в

справке из налоговой (Решение Кунцевского районного суда г. Москвы от 05 августа 2022 г. по делу N 02а-0836/2022). Конституционный Суд РФ в Постановлении от 30 мая 2024 г. N 27-П признал это требование неконституционным, так как оно нарушает избирательные права граждан, создавая искусственные препятствия для участия в выборах и ограничивая избирателей в праве на получение достоверной информации о кандидатах. Конституционный Суд указал, что широкое использование категории «самозанятый» во многих президентских, правительственные, ведомственные и других правовых актах, принятых как на законодательном, так и на подзаконном уровне, нередко обозначающих самозанятых как физических лиц, применяющих НПД, но, как правило, не относящих к ним индивидуальных предпринимателей, в совокупности с положениями Федерального закона от 27 ноября 2018 года N 422-ФЗ означают, по сути, официальное юридическое признание института самозанятости граждан как налогооблагаемой деятельности, приносящей им доход. Такое толкование, возможно, станет ориентиром для будущих решений КС РФ.

В редких случаях суды определяли указанное понятие и в других значениях. К примеру, в Постановлении Мирового судьи судебного участка № 1 Свердловского района г. Пермь Пермского края от 3 июня 2020 г. N 5-523/20; Решении Осинского районного суда Пермского края от 25 января 2022 г. по делу N 12-5/2022 и Решении Ленинского районного суда г. Краснодара Краснодарского края от 19 июня 2019 г. по делу N 2а-5493/2019 суды указывают на «широкое понимание самозанятых», исходя из которого к самозанятым гражданам относятся: 1) индивидуальные предприниматели; 2) адвокаты, нотариусы, арбитражные управляющие, оценщики, медиаторы и иные лица, занимающиеся в установленном порядке частной практикой; 3) иные граждане, которые, как правило, выполняют работы или оказывают услуги по гражданско-правовым договорам и получают за это вознаграждение. В Решении Осинского районного суда Пермского края от 25 января 2022 г. по делу N 12-5/2022 указано, что в настоящее время, с учетом действующих норм права, понятие «самозанятые лица» используется в узком значении и охватывает только граждан, которые выполняют работы или оказывают услуги по гражданско-правовым договорам и получают за это вознаграждение. В другом случае суд в качестве определения понятия «самозанятый» указал определение, содержащееся в не поступившем на рассмотрение в Государственную Думу РФ Проекте Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу определения статуса самозанятых граждан», подготовленном Минюстом России 29.05.2018 г. (Решение Железнодорожного районного суда г. Хабаровска Хабаровского края от 08 сентября 2022 г. по делу N 2-3300/2022).

Различные трактовки одного и того же понятия – серьезная проблема для правоприменения, особенно в условиях отсутствия четких законодательных дефиниций. Понятие «самозанятый» служит этому ярким примером. Судебная практика демонстрирует целый ряд ошибок, связанных с его использованием:

1. Смешение «самозанятого» как плательщика налога на профессиональный доход (НПД) и физического лица, оказывающего услуги для личных нужд без регистрации ИП (п. 7.3 ст. 83 НК РФ). Такая подмена понятий встречается не только в решениях судов (например, решение Первомайского районного суда г. Мурманска от 30 марта 2023 г. по делу N 2а-919/2023), но и в действующей инструкции по ведению судебной статистики (Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 июня 2021 г. N 124 «Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики»), что свидетельствует о системном характере ошибки.
2. Отождествление «самозанятого» по смыслу Закона № 422-ФЗ с понятием

«самозанятый», использованным Конституционным Судом РФ. Такая ошибка, допущенная, например, в постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 июня 2021 г. N 18АП-7916/21, привела к неверной квалификации деятельности плательщиков НПД.

3. Ссылки на нерелевантные документы: в попытках дать определение «самозанятому», суды, рассматривая дела с участием плательщиков налога на профессиональный доход, нередко апеллируют к документам, не имеющим отношения к специальному налоговому режиму, например к Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (Решение Самарского районного суда г. Самары Самарской области от 20 марта 2024 г. по делу N 2-255/2024), что ещё больше усугубляет путаницу.

Причины возникновения этих проблем очевидны: отсутствие в действующем законодательстве четкого и однозначного определения понятия «самозанятый», отсутствие единого подхода правоприменителей к его толкованию и недостаточная разработанность вопроса в правовых исследованиях.

Заключение

В ходе исследования было выявлено, что понятие «самозанятый» является относительно новым для отечественной науки и законодательства. Но за время своего существования оно успело пройти путь значительной эволюции. Изначально понятие использовалось для обозначения вида занятости граждан, подразумевающего самостоятельную деятельность, приносящую доход. Со временем оно приобрело более конкретное значение, связанное с конкретными правовыми нормами и налоговым статусом. Сегодня понятие «самозанятый» можно обнаружить в законах, подзаконных актах и судебных решениях, где оно имеет различные толкования, порой противоречащие друг другу. Это свидетельствует о сложности и многогранности данного понятия, которое продолжает развиваться и уточняться в научной и правоприменительной сферах.

Однако четкое разграничение понятий и их однозначное толкование – необходимое условие для эффективной работы правовой системы и защиты интересов всех участников правоотношений. Для устранения правовой неопределенности и обеспечения единообразного применения законодательства необходимы системные меры. Многие ученые в качестве решения предлагают закрепить легальную дефиницию «самозанятого» на уровне федерального закона. На наш взгляд, введение понятия «самозанятый» с его определением в федеральный закон спровоцирует сложности в применении законов субъектов РФ и подзаконных актов, иначе его трактующих. Более эффективной будет разработка Верховным Судом РФ разъяснений по вопросам применения терминологии, связанной с самозанятостью, для формирования единой правоприменительной практики. В любом случае требуется определить, кто такие самозанятые.

Абзац 2 п. 1 ст. 23 ГК РФ устанавливает принципиальную возможность физического лица осуществлять предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, открывая тем самым путь для регулирования специфических организационно-правовых форм предпринимательской деятельности, включая «Налог на профессиональный доход». С учетом этого, мы считаем оправданным определять понятие «самозанятый» на основе положений статьи 23 ГК РФ. Тем самым предполагая, что могут появиться и новые виды самозанятых, чья деятельность будет регулироваться данной нормой. Однако следует подчеркнуть, что

данная позиция не является исключительной. Понятие «самозанятый» обладает широким и иногда противоречивым содержанием, что требует индивидуального подхода к его толкованию в зависимости от контекста и целей использования.

Библиография

1. Токсанбаева М. С. Самозанятость и ее противоречия / М. С. Токсанбаева // Экономическая наука современной России. 1998. № 3. С. 32-45.
2. Заславская Т. И. Бизнес-слой российского общества: понятие, структура, идентификация / Т. И. Заславская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 5. С. 7-15.
3. Громова Р. Сравнительный анализ типичных форм социальной мобильности в российском обществе до и после 1985 г / Р. Громова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 1. С. 18-26.
4. M. Linder, *Farewell to the Self-Employed: Deconstructing a Socioeconomic and Legal Solipsism*, Greenwood Press. 1992. 217 р.
5. Жукова Н. В. Индикаторы развития как инструмент социального программирования: зарубежный опыт / Н. В. Жукова // Социология: Методология, методы, математические модели. 1993. № 3-4. С. 110-153.
6. Мачульская Е. Е. Правовое регулирование социального обеспечения в Великобритании : специальность 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. МГУ. Москва, 1991. 189 с.
7. Павловская О. Ю. Материальная поддержка самозанятости безработных граждан: алгоритм и аспекты правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 67-80.
8. Аксенова И. О. Полномочия Правительства РФ в сфере налогообложения // Законодательство, 1998, N 11.
9. Троицкая А. Конституционная обязанность платить налоги в решениях Конституционного Суда России / А. Троицкая // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4(49). С. 206-216.
10. Лиджеева, К. В. Проблемы определения статуса самозанятых граждан: гражданско-правовой аспект / К. В. Лиджеева, Е. А. Гунаев // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета, Краснодар, 16 февраля 2017 года. Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации». 2017. С. 184-190.
11. Лысенко, Е. Д. Актуальные проблемы правового регулирования самозанятости / Е. Д. Лысенко // Публично-правовые исследования. 2017. № 3. С. 1-11.
12. Грабова О. Н., Суглобов А. Е. Проблемы выхода «Из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления. Экономика. Налоги. Право. 2017. № 6. С. 108-116.
13. Глотов С. А. Самозанятость населения в России: от слов к правовому регулированию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. № 3. С. 52-64.
14. Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Индивидуальный предприниматель и самозанятый гражданин: соотношение понятий. Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 21-26.
15. Серова А. В. Самозанятость в России: проблемы и перспективы национального правового регулирования. Российское право: образование, практика, наука. № 5. 2019. С. 27-41.

16. Перспективы совершенствования института самозанятости в Российской Федерации / Лунева Е. В., Филинов В. П., Погодина О. Н., Лунев В. А. // Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2021. С. 141-151.
17. Вайпан В.А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности (монография).-М.: Юстицинформ, 2020. 696 с.
18. Тонких Н. В., Бабинцева А. В. Исследование самозанятости населения в Российской Федерации: общие и частные проблемы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2020. Т. 18, № 1. С. 172-183.
19. Олифирова И. Пенсия ИП и самозанятых // Трудовое право. 2024 г. N 4. С. 91-98.
20. Константинова Е. Д. Правовой режим самозанятых в Российской Федерации / Е. Д. Константинова // Катановские чтения-2022: Сборник научных трудов студентов, Абакан, 14 марта 2022 года. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2022. С. 101-102.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, определение понятия «самозанятый» и его историческое развитие. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Понятия «самозанятость» и «самозанятый» начали активно использоваться в российской научной литературе с начала девяностых годов. Основу этой литературы составляли работы по социологии. Поводом для интереса учёных к данной категории стал динамичный рост числа самостоятельно занятых людей, появившийся вследствие экономического кризиса 90-х, снижения заработных плат, снижения спроса на рынке труда, формирования теневой экономики. Вышеуказанные понятия использовались неоднозначно"; "Обратим внимание, что неконцептуализированность понятий «самозанятость» и «самозанятый» было и остается общемировой практикой социологических, экономических и правовых исследований. Что, в частности, было продемонстрировано на примере смены определения понятия «самозанятость» в резолюциях Международной конференцией статистиков труда. Марк Линдер, анализируя международные методики учета самозанятых, иронично заметил: «Конечно, самозанятость вряд ли представляет собой первый случай, когда социологи выделяют группу, которой они не удосужились дать определение ...» [4]. Вплоть до 1998 года самозанятость в качестве правовой категории не подвергалась сколь-нибудь существенному теоретическому обсуждению. Редкие же упоминания в диссертационных работах и статьях служили указанием на зарубежное регулирование [5, 6]".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора, к примеру: "В результате, КС РФ дает конкретное толкование понятия «самозанятый» с учетом специфики каждого рассматриваемого им закона и круга лиц, подпадающих под обязательное социальное страхование в рамках данного закона. Так КС РФ рассматривая самозанятых граждан как субъектов обязательного социального

страхования, в своих актах относит к этой категории адвокатов (Определение КС РФ от 27 октября 2022 г. N 2716-О), частнопрактикующих нотариусов (Определение КС РФ от 1 декабря 2009 г. N 1553-О-П), индивидуальных предпринимателей (Определение КС РФ от 29 мая 2014 г. N 1116-О), а также совместно частнопрактикующих нотариусов и адвокатов (Определение КС РФ от 12 мая 2016 г. N 1144-О) индивидуальных предпринимателей, частнопрактикующих нотариусов и адвокатов (Постановление КС РФ от 28 января 2020 г. N 5-П), а также индивидуальных предпринимателей, частнопрактикующих нотариусов, адвокатов и глав крестьянских (фермерских) хозяйств (Постановление КС РФ от 23 декабря 1999 г. N 18-П). Это в свою очередь вызывает противоречия, когда, в одном случае, в качестве самозанятых выступают занимающиеся частной практикой нотариусы, главы крестьянских (фермерских) хозяйств, адвокаты и индивидуальные предприниматели (Определение КС РФ от 23 декабря 1999 г. N 18-П), в другом случае, КС РФ прямо противопоставляет самозанятых и индивидуальных предпринимателей: «Это тем более касается различий в правовом регулировании в отношении самозанятых граждан, с одной стороны, и индивидуальных предпринимателей - с другой» (Определение Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2017 г. N 2515-О). С функциональной точки зрения понятие «самозанятый» используется в актах КС РФ как благозвучная замена конструкции «лица, самостоятельно обеспечивающие себя работой» содержащейся, в частности, в Федеральном законе от 16.07.1999 №165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» и ряде других. В подтверждение этого можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2020 г. N 5-П, где в п. 3.1 понятия «самозанятые» и «лица, самостоятельно обеспечивающие себя работой» используются как синонимы. В вышеназванном подходе КС РФ существовали и исключения, встречающиеся в отказных определениях КС РФ "; "Впоследствии специально-юридическое определение начали использовать и федеральные органы власти. Так в Приказе Министерства экономического развития РФ от 17 марта 2021 г. N 121 «Об утверждении методики расчета показателя «Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД) и получивших меры поддержки ...» содержится следующее определение понятия «самозанятые граждане» – это физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в порядке, установленном Законом № 422"; "Конституционный Суд указал, что широкое использование категории «самозанятый» во многих президентских, правительственные, ведомственные и других правовых актах, принятых как на законодательном, так и на подзаконном уровне, нередко обозначающих самозанятых как физических лиц, применяющих НПД, но, как правило, не относящих к ним индивидуальных предпринимателей, в совокупности с положениями Федерального закона от 27 ноября 2018 года N 422-ФЗ, означают, по сути, официальное юридическое признание института самозанятости граждан как налогооблагаемой деятельности, приносящей им доход. Такое толкование, возможно, станет ориентиром для будущих решений КС РФ" и др. Таким образом, статья, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей и вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор исследует эволюцию сущности понятия "самозанятый" в теоретическом и практическом аспектах. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию. Также оно не лишено других

недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Широкое и узкое понимание самозанятых" - "Широкое и узкое понимание термина "самозанятый" (понятия "самозанятый").

Ученый отмечает: "Так в Резолюции о статистике экономически активного населения, занятости, безработицы и неполной занятости, принятой Тринадцатой Международной конференцией статистиков труда (*Resolution concerning statistics of the economically active population, employment, unemployment and underemployment, adopted by the Thirteenth International Conference of Labour Statisticians. October 1982.*), «самозанятость» выделенная как отдельная категория занятости наравне с «оплачиваемой работой», обозначала деятельность лиц, которые выполняли какую-либо работу для получения прибыли или семейной выгоды в денежной или натуральной форме, а также лиц, имеющих предприятие, которое может быть коммерческим предприятием, фермой или предприятием по оказанию услуг, которое по какой-либо причине временно не работало" - "Так, в Резолюции о статистике экономически активного населения, занятости, безработицы и неполной занятости, принятой Тринадцатой Международной конференцией статистиков труда (*Resolution concerning statistics of the economically active population, employment, unemployment and underemployment, adopted by the Thirteenth International Conference of Labour Statisticians. October 1982.*), «самозанятость», выделенная как отдельная категория занятости наравне с «оплачиваемой работой», обозначала деятельность лиц, которые выполняли какую-либо работу для получения прибыли или семейной выгоды в денежной или натуральной форме, а также лиц, имеющих предприятие, которое может быть коммерческим предприятием, фермой или предприятием по оказанию услуг, которое по какой-либо причине временно не работало" (см. на запятые).

Автор указывает: "По мнению О.Ю. Павловской, под самозанятость в данном случае следует понимать самостоятельную организацию и ведение предпринимательской деятельности [7]" - "самозанятостью".

Ученый пишет: "На основании его норм и сформирована третья специально-юридическое определение понятие «самозанятый»" - "сформировано".

Таким образом, статья нуждается в тщательном вычитывании - в ней встречаются опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Также автору необходимо обратить внимание на четкое ограничение вводной и заключительной частей работы от основной (освободить их от заголовков, которые способствуют их смешению с основной частью исследования).

Библиография исследования представлена 20 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (О. Ю. Павловская, С. А. Глотов и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Различные трактовки одного и того же понятия – серьезная проблема для правоприменения, особенно в условиях отсутствия четких законодательных дефиниций. Понятие «самозанятый» служит этому ярким примером. Судебная практика демонстрирует целый ряд ошибок, связанных с его использованием: 1. Смешение «самозанятого» как плательщика налога на профессиональный доход (НПД) и физического лица, оказывающего услуги для личных нужд без регистрации ИП (п. 7.3 ст. 83 НК РФ). Такая подмена понятий встречается не только в решениях судов (например, решение Первомайского районного суда г.

Мурманска от 30 марта 2023 г. по делу N 2а-919/2023), но и в действующей инструкции по ведению судебной статистики (Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 июня 2021 г. N 124 «Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики»), что свидетельствует о системном характере ошибки. 2. Отождествление «самозанятого» по смыслу Закона № 422-ФЗ с понятием «самозанятый», использованным Конституционным Судом РФ. Такая ошибка, допущенная, например, в постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 июня 2021 г. N 18АП-7916/21, привела к неверной квалификации деятельности плательщиков НПД. 3. Ссылки на нерелевантные документы: в попытках дать определение «самозанятому», суды рассматривая дела с участием плательщиков налога на профессиональный доход нередко апеллируют к документам, не имеющим отношения к специальному налоговому режиму, например к Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (Решение Самарского районного суда г. Самары Самарской области от 20 марта 2024 г. по делу N 2-255/2024), что ещё больше усугубляет путаницу. Причины возникновения проблемы очевидны: Отсутствие в действующем законодательстве чёткого и однозначного определения понятия «самозанятый», отсутствие единого подхода правоприменителей к толкованию данного понятия, недостаточная разработанность вопроса в теории права" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере трудового права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования и устраниении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Определение понятия «самозанятый» и его историческое развитие» предметом исследования являются нормы права, содержащие термин и дефиницию «самозанятый». Особое внимание автор статьи уделяет генезису данного понятия в отечественном праве.

Методология исследования. В ходе написания статьи использовались современные методы исследования: общенаучные и частные (такие как: диалектический, логический, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический и др.). Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, а также можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения.

Актуальность исследования. Тема статьи представляется весьма актуальной. Можно согласиться с автором, что «...Обратим внимание, что неконцептуализированность понятий «самозанятость» и «самозанятый» была и остается общемировой практикой социологических, экономических и правовых исследований. Что демонстрируется изменением определения понятия «самозанятость» в резолюциях Международной конференции статистиков труда» (в ред. автора статьи). Тем не менее, в российском праве «самозанятый» - это особый правовой статус гражданина, и по этой причине терминологическая ясность нужна для совершенствования современного отечественного законодательства и его правоприменения. Доктринальные разработки по данной проблематике имеют большую значимость.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что и в этой статье сформулированы положения, которые отличаются научной новизной, например: «...введение понятия «самозанятый» с его определением в федеральный закон спровоцирует сложности в применении законов субъектов РФ и подзаконных актов, иначе его трактующих. Более эффективной будет разработка Верховным Судом РФ разъяснений по вопросам применения терминологии, связанной с самозанятостью, для формирования единой правоприменительной практики. В любом случае требуется определить, кто такие самозанятые...» (в ред. автора статьи). В статье представлены и иные заслуживающие внимания с точки зрения практической значимости результаты исследования. Результаты этого исследования можно оценить как определенный вклад в отечественную юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. В целом статья написана научным стилем с использованием специальной юридической терминологии (однако не всегда корректно, например: «правовые акты»). Встречаются стилистические ошибки (например: «Отождествление «самозанятого» по смыслу Закона № 422-ФЗ с понятием «самозанятый», использованным Конституционным Судом РФ»). Автору следует скорректировать такие высказывания. Требование по объему статьи соблюдены. Содержание статьи соответствует ее названию. Статья структурирована. Тема раскрыта. Материал изложен последовательно и ясно. Особую значимость данному исследованию придает анализ судебной практики. Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, включая публикации последних лет. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. В статье представлена научная полемика. Обращения к оппонентам корректные, оформлены ссылками на источники опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «Определение понятия «самозанятый» и его историческое развитие» может быть рекомендована к опубликованию, поскольку в целом отвечает требованиям, предъявляемым к публикациям в научных журналах. Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Публикация по данной теме могла бы представлять интерес для читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области трудового права, предпринимательского права и налогового права, а также, могла бы быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Англоязычные метаданные

The reasonableness of the duration of criminal proceedings - a special case of unjustified legal convergence that violates the historical order

Bormotova Ladmila Valer'evna

PhD in Law

Associate Professor; Department of Criminal Procedure Law; North-Western branch of the Russian State University of Justice

197046, Russia, Saint Petersburg, Alexandrovsky Park, 5

 ogulada@rambler.ru

Abstract. The subject of study is some significant historical stages of the formation and development of the institution of criminal procedure deadlines. The aim is to identify the national tradition of regulating deadlines and mechanisms for speeding up criminal procedures. The object of the study was the criminal procedure norms of different periods of time of the development of legislation in Russia, domestic judicial practice and the practice of the European Court of Human Rights in the context of resolving the issue of the need for the existence of a requirement for the reasonableness of the terms of criminal proceedings in the system of traditional Russian principles. The research is based on general scientific and private scientific methods of cognition, which made it possible to analyze sources on the chosen topic and synthesize knowledge about the evolution of the terms of criminal proceedings. The method of comparative historical jurisprudence allowed us to formulate a conclusion about the adherence to the legislative tradition of separating principles-ideas and specific rules for the preliminary investigation and judicial review of criminal cases. It is concluded that the requirement of the reasonableness of the timing of criminal proceedings in the historical context was completely justified and addressed to the preliminary investigation authorities, as a rule, on immediate procedural activity. Changing the status of this rule to a principle did not significantly change law enforcement activities, but introduced an imbalance in the systematic approach to regulating criminal procedural relations. The measures to speed up the judicial review mentioned in the provisions of Article 6.1 of the CPC of the Russian Federation and the corresponding resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are of a mixed nature. The directives of the President of the Court regarding measures to speed up the proceedings contradict the independence of judges and violate the principle of legality. In this regard, a proposal was made to exclude this requirement from the system of principles, followed by the addition of the general conditions of preliminary investigation and judicial proceedings.

Keywords: legislation, judicial review, convergence, reasonableness of deadlines, preliminary investigation, acceleration, justice system, criminal proceedings, principles, historical stages

References (transliterated)

1. Polyakov, M. P. Korrektiruemaya zakonnost' kak printsip ugolovnogo protsessa / M. P. Polyakov // Yuridicheskaya tekhnika. – 2023. – № 17. – S. 473-476.
2. Kushnerev, V. I. Nekotorye voprosy realizatsii printsipa razumnogo sroka ugolovnogo sudoproizvodstva v normakh o protsessual'nykh srokakh stadii vozobuzhdeniya ugolovnogo dela / V. I. Kushnerev // Nauka i novatsiya: sovremennye problemy teorii i

- praktiki prava: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh IV Mezhdunarodnogo Festivalya nauki, Moskva, 20–21 fevralya 2019 goda. – Moskva: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2019. – S. 168-170.
3. Kushnerev, V. I. Struktura normy-printsipa «razumnyi srok ugolovnogo sudoproizvodstva» v rossiiskom prave / V. I. Kushnerev // Akademicheskaya mysl'. – 2018. – № 1(2). – S. 115-118.
 4. Uryvkova, A. E. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya protsessual'nykh srokov v stadii vozbuздeniya ugolovnogo dela / A. E. Uryvkova // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatischeva. – 2021. – T. 2, № 4 (100). – S. 120-133. – DOI: 10.51965/2076-7919_2021_2_4_120
 5. Rodionova, Yu. V. Osobennosti ischisleniya protsessual'nykh srokov na stadii vozbuздeniya ugolovnogo dela / Yu. V. Rodionova, E. A. Kurnysheva // Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya. – 2015. – № 4 (10). – S. 129-132.
 6. Stukonog, I. V. Sravnitel'nyi analiz reglamentatsii protsessual'nykh srokov po Ustavu ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 goda i UPK Rossii / I. V. Stukonog // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2015. – № 1 (50). – S. 168-174.
 7. Rostova, V. N. Protsessual'naya reglamentatsiya nachala ugolovnogo protsessa soglasno Ustavu ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 goda / V. N. Rostova // Aktual'nye problemy yurisprudentsii: sbornik statei po materialam XVI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Tom № 11 (15): Assotsiatsiya nauchnykh sotrudnikov «Sibirskaya akademicheskaya kniga», 2018. – S. 86-92.
 8. Titov, Yu.P. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii: uchebnoe posobie / Yu.P. Titov. – Moskva: Prospekt, 1997. – 472 s.
 9. Volynets, K. I. Istoricheskie predposylki poyavleniya polozheniya o razumnom sroke ugolovnogo sudoproizvodstva v rossiiskom prave / K.I. Volynets // Vestn. Tom. gos. un-ta. – Pravo. – 2012. – № 3 (5). – S. 18-24.
 10. Rozhkov, D. G. Istoki poyavleniya kategorii «Razumnyi srok» v ugolovnom protsesse Rossii / D.G. Rozhkov // Vestnik OmGU. Seriya. Pravo. – 2012. – № 3 (32). – S. 273-276.
 11. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva ot 20 noyabrya 1864 goda: tekst. – Moskva, Berlin: Direkt-Media, 2015. – 646 s.
 12. Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 g. s izlozeniem rassuzhdenii, na koikh oni osnovany. Ch. 3. – Sankt-Peterburg: Tip. 2 Otd. sobstv. e. i. v. kantselyarii, 1867. – 213 s.
 13. Strogovich, M.S. Tseli i sredstva ikh dostizheniya v sovetskem ugolovno-protsessual'nom prave / M S. Strogovich, P.S. El'kind // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. – 1976. – № 4. – S. 135-137.
 14. Baranova, M. A. Razumnyi srok ugolovnogo sudoproizvodstva kak printsip osushchestvleniya protsessual'noi deyatel'nosti / M. A. Baranova // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava. – 2010. – № 6 (76). – S. 52-55.
 15. Apostolova, N. N. Razumnyi srok ugolovnogo sudoproizvodstva / N. N. Apostolova // Rossiiskaya yustitsiya. – 2010. – № 9. – S. 63-66.
 16. Smolin, A. Yu. Razumnyi srok ugolovnogo sudoproizvodstva-proyavlenie printsipa protsessual'noi ekonomii / A. Yu. Smolin // Rossiiskii sledovatel'. – 2010. – № 19. – S. 9-11.
 17. Petrova, G. B. Sroki kak element pravogo regulirovaniya ugolovno-protsessual'noi deyatel'nosti: monografiya / G. B. Petrova; pod red. V. M. Kornukova. – Saratov: Saratovskaya gos. akad. prava, 2006. – 182 s.

18. Koroleva, E. V. Obrashchenie k predsedatelyu suda s zayavleniem ob uskorenii rassmotreniya dela / E. V. Koroleva // Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. – 2021. – № 1. – S. 43-47. – DOI: 10.34076/2410_2709_2021_1_43.
19. Doklad o deyatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii za 2021 god // Ofitsial'nyi sait Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii. – Rezhim dostupa: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/14493f2b-4975-49d0-86dd-c9ac917436fe/0447a931-4bc9-4ce6-ae92-b32f8d741412.pdf>.
20. Mazyuk, R. V. Protsessual'nye deistviya predsedatelya suda dlya uskoreniya rassmotreniya dela v ugolovnom sudoproizvodstve / R. V. Mazyuk, V. S. Logacheva // Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya. – 2016. – № 4(12). – S. 24-34.
21. Kachalova, O. V. Uskorennoe dosudebnoe proizvodstvo v rossiiskom ugolovnom protsesse: formirovanie optimal'nykh modelei / O. V. Kachalova, V. M. Gerasenkov // Pravosudie. – 2022. – T. 4, № 1. – S. 103-121. – DOI: 10.37399/2686-9241.2022.1.103-121

Abortion as a way of violating a woman's reproductive right: a criminal-legal view of the problem

Burtseva Viktoriya Vasil'evna

Postgraduate student; Department of Criminal and Penal Enforcement Law; Saratov State Law Academy

410056, Russia, Saratov region, Saratov, Volskaya str., 1

✉ victoria.perchenko@yandex.ru

Abstract. Through the prism of criminal law views, the article raises issues of the concept of a woman's reproductive right and the need to recognize artificial termination of pregnancy (abortion) as a way to realize the said right of a woman, on the one hand, and a way to violate it, on the other. The object of the study is the social relations arising in relation to a woman's reproductive right and its criminal law protection. The subject of the study is the Russian modern criminal legislation, as well as scientific works reflecting the problems raised in the research. The methodological basis is the universal dialectical method of cognition. Along with it, general scientific and private scientific methods were used: dogmatic, hermeneutical, formal-logical, systemic, structural-functional, formal-legal, legal modeling, etc. The results of the study: the analysis showed that the Basic Law of the country, health care and administrative-tort legislation recognize a woman's reproductive right and positively address the issue of its protection. However, the current Russian criminal law lacks a system of norms that would effectively protect a woman's reproductive right. The lack of a systematic approach in the legal field has a negative impact on the unhindered realization of the most important right of a woman. Therefore, additional guarantees of such implementation are needed, criminal law protection can fill in the missing link of the system of Russian law in the analyzed area. The conclusion made as a result of the study: currently, there is an urgent need for legislative consolidation of special norms in which it is necessary to provide for criminal liability for various encroachments on a woman's reproductive right.

Keywords: pregnancy, the object of the crime, public danger, reproductive law, criminalization, artificial termination of pregnancy, abortion, crime, criminal law protection,

demographic policy

References (transliterated)

1. Gazazyan M. G., Khardikov A. V. Pochemu abort ostaetsya populyarnym metodom regulirovaniya rozhdaemosti v Rossii // Vestnik RUDN. Seriya: Meditsina. – 2009. – № 7. – S. 142-145.
2. Radshikhanova D. K. Reproduktivnye prava lichnosti: sushchnost' i pravovaya priroda // Sotsial'noe i pensionnoe pravo. – 2007. – № 4. – S. 40-45.
3. Perevozchikova E. V. Konstitutsionnoe pravo na zhizn' i reproduktivnye prava cheloveka: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Kazan', 2006. – 28 c.
4. Pavlova Yu. V. Konstitutsionno-pravovoe obespechenie svobody reproduktivnogo vybora kak odnoi iz form realizatsii prava cheloveka na zhizn' // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2008. – № 1. – S. 39-40.
5. Timoshenko I. V., Chumakova K. N. Reproduktivnye prava cheloveka: teoriya voprosa // Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki. – 2004. – № 8. – S. 195-196.
6. Radchenko M. V. Nenadlezhashchee vrachevanie v reproduktivnoi sfere: ugolovno-pravovoi aspekt: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2002. – 26 c.
7. Krylova E. B. Sootnoshenie prava zhenshchiny na materinstvo i prava rebenka na zhizn' // Uchenye zapiski. – 2012. – № 5. – S. 29-32.
8. Pirozhkova I. G., Pominova I. V. Mezhdunarodnye standarty i definitsiya reproduktivnykh prav cheloveka: problema neopredelennosti v otechestvennom pravoporyadke // Meditsina. – 2022. – № 1. – S. 50-59.
9. Lavrik M. A. K teorii somaticeskikh prav cheloveka // Sibirskii yuridicheskii vestnik. – 2005. – № 3. – S. 16-26.
10. Plotnikova E. S. Reproduktivnye prava cheloveka i ikh zashchita v Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stranakh (konstitutsionno-pravovoi aspekt): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Belgorod, 2023. – 22 s.
11. Romanovskii G. B. O prave na abort v Rossii i za rubezhom // Grazhdanin i pravo. – 2017. – № 5. – S. 3-15.
12. Podol'nyi N. A. Ob'ekt ugolovno-pravovoi zashchity reproduktivnykh prav // Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo». – 2020. – T. 8. – № 4 (32). – S. 124-131.
13. Zagorodnikov N.I. Prestupleniya protiv zdorov'ya. – M.: Yurid. lit., 1969. – 166 s.
14. Dyadyun K. V. Analiz ob'ektivnykh priznakov sostava st. 123 UK RF: problemnye voprosy zakonodatel'nogo podkhoda i pravoprimeneniya // Advokat. – 2014. – № 9. – S. 29-35.
15. Ugolovnoe pravo v 2-kh t. T. 2. Osobennaya chast': uchebnik / A.V. Naumov [i dr.]; otv. red. A.V. Naumov, A. G. Kibal'nik. 5-e izd., pererab. i dop. – M.: Yurait, – 2023. – 499 s.
16. Ivanov V. D. Ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii. T. 2. Osobennaya chast'. – Rostov-na-Donu: Bulat, 1996. – 160 s.
17. Verina G. V. Fundamental'nye ponyatiya ugolovnogo prava Rossii: aktual'nye problemy: monografiya – M.: Yurlitinform, 2018. – 200 s.
18. Nikiforov B. S. Ob'ekt prestupleniya po sovetskому ugolovnomu pravu – M.: Gosyurizdat, 1960. – 228 s.
19. Bedrin A. A. Prestupnyi vykidysh – Nizhnii Novgorod: Nizhegor. Pechatnoe Delo, 1915. – 196 s.

20. Kiseleva M. V. Ugolovno-pravovaya okhrana materinstva – M.: Yurlitinform, 2011. – 216 s.
21. Krasikov A. N. Ugolovno-pravovaya okhrana prav i svobod cheloveka v Rossii. – Saratov: Poligrafist, 1996. – 211 s.
22. Lapshina N. S. Abort / pod red. I.T. Golyakova – M.: Yurizdat, 1939. – 25 s.
23. Mendel'son G. A. Otvetstvennost' za proizvodstvo nezakonnogo aborta po sovetskому ugolovnomu pravu v svete Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 23 noyabrya 1955 g «Ob otmene zapreshcheniya abortov» / pod red. V. D. Men'shagina. – M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1957. – 64 s.
24. Shargorodskii M. D. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv lichnosti. – L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1953. – 106 s.
25. Burtseva V. V. Ugolovno-pravovaya okhrana reproduktivnogo prava zhenshchiny: real'nost' i perspektivy // Gosudarstvo i pravo Rossii v sovremenном mire: sb. dokl. XII Moskovskoi yuridicheskoi nedeli. V 5 ch. Ch. 4. – M.: Izd. tsentr Un-ta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2023. – S. 17-20.
26. Blinov A. G. Znachenie ugolovno-pravovogo vozdeistviya v zdravookhranitel'nom pravootnoshenii // Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost'. – 2015. – № 1 (20). – S. 67-72.
27. Burtseva V.V. Reproduktivnoe pravo zhenshchiny kak ob"ekt ugolovno-pravovoi okhrany: postanovka problemy // Pravo i politika. 2018. № 7. S. 28-35. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.7.26879 URL: https://e-notabene.ru/lpmag/article_26879.html
28. Ivanov V. F. Ugolovno-pravovaya otsenka ponuzhdeniya: dis. ... kand. yurid. nauk. – Saratov, 1986. – 196 s.
29. Zaripov V. G. Fizicheskoe i psikhicheskoe prinuzhdenie v ugolovnom prave: ponyatie, vidy, otvetstvennost': avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2007. – 21 s.
30. Nurkaeva T. N. Primenenie nasiliya i pytki kak priznaki prevysheniya dolzhnostnykh polnomochii (st. 286 UK RF): problemy zakonodatel'noi reglamentatsii // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. – 2023. – № 4. – S. 62-68.

Proving in cases of fraud committed in the way "Your relative got into trouble"

Revenko Natal'ya Ivanovna

PhD in Law

Associate Professor; Department of Criminal Procedure and Criminalistics; Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

644099, Russia, Omsk region, Omsk, Krasina str., 2, sq. 40

✉ revenko.ni@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the process of criminal procedural proof in cases of fraud committed in the way "Your relative got into trouble". This method of fraud is implemented, as a rule, by a group of persons, and the task of the investigator during the preliminary investigation is to collect, verify and evaluate the totality of evidence indicating a certain form of complicity in the commission of a crime. Based on the analysis of criminal cases, a typical set of ideal and material traces is investigated, which are recorded by the investigator in the appropriate types of criminal procedural evidence provided for in Part 2 of Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. This body of evidence gives the investigator grounds to assert that when committing fraud, members of a criminal group plan

crimes in advance, assign roles and carry out jointly coordinated activities to implement a criminal plan. The study was conducted using general scientific methods of cognition: analysis, synthesis, deduction, analogy; empirical methods: description, comparison; as well as private scientific methods: legal, sociological, formal legal. The analysis of criminal cases of fraud committed in the way "Your relative got into trouble" allowed us to identify a set of evidence that gives grounds to classify these crimes as committed by a group of persons by prior agreement. At the same time, the paper identifies the problem of inaccessibility to law enforcement agencies of information from the Telegram messenger about the planning and preparation of crimes, which makes it impossible to identify the organizers and other members of the criminal group and does not allow to qualify the actions of accomplices as committed by an organized group. The latter is important from the point of view of bringing to criminal responsibility all members of a criminal group and more precisely qualifying and determining the severity of a crime committed by a group of persons by prior agreement. The above should entail the type and amount of criminal punishment adequate to the activities of an organized criminal group. Only in this case, it is possible to effectively improve the effectiveness of the law enforcement system in preventing and combating this type of fraud.

Keywords: fraud prevention, proving, the stability of the criminal group, a group of people, organized group, complicity in a crime, investigation, cheater, fraud, punishment

References (transliterated)

1. Shepel' N. V. Poluchenie svedenii dokazatel'stvennogo znacheniya pri rassledovanii moshennichestv, sovershennykh s ispol'zovaniem sredstv sotovoi svyazi i seti internet // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 1 (63). S. 84-87.
2. Shcherbachenko A. K. Bazovaya metodika rassledovaniya moshennichestv, sovershennykh gruppoi lits: teoreticheskie osnovy i prikladnye aspekty: avtoref. dis. ... doktora yurid. nauk: 12.00.12. Rostov-na-Donu. 2022. 54 s.
3. Solov'ev V. V. Organizatsiya dokazyvaniya v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam o khishcheniyakh, sovershennykh v forme moshennichestva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.11, 12.00.09. Moskva. 2013. 23 s.
4. Agutin A. V., Troshkin E. Z., Solov'ev V. V. Organizatsiya dokazyvaniya v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam o khishcheniyakh, sovershennykh v forme moshennichestva: osnovaniya i struktura : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2016. 144 s.
5. Urakov D. I. Ugolovnoe presledovanie po ugolovnym delam o moshennichestve v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti : monografiya; pod nauchnoi redaktsiei professora A. S. Aleksandrova. Moskva : Yurlitinform, 2018. 195 s.
6. Revenko N. I. Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika i zhertvy moshennichestva, sovershennogo sposobom «Vash rodstvennik popal v bedu» // Zakon i pravo. 2024. № 8. S. 229-233. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-8-229-233.
7. Revenko N.I. Material'nye i elektronno-tsifrovye sledy kak element kriminalisticheskoi kharakteristiki moshennichestv, sovershennykh sposobom «Vash rodstvennik popal v bedu» // Juridicheskie issledovaniya. 2024. № 8. S. 58-66. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.8.71604 EDN: RZJBHD URL: https://e-notabene.ru/lr/article_71604.html
8. Bessonov A. A. Problemnye voprosy ustanovleniya priznakov organizovannoj gruppy po prestupleniyam, sovershennym s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikacionnykh tekhnologii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2024. T. 28. № 1. S.

108-119. DOI: 10.61205/S160565900027800-4.

9. Pavlinov A. V., Pomykalova I. V. «Telefonnoe moshennichestvo» (st. 159 UK RF) i provokatsiya dachi vzyatki kak novaya ugroza bezopasnosti Rossiiskogo gosudarstva // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i srovnitel'nogo pravovedeniya. 2023. T. 19. № 4. S. 35-40. DOI: 10.61205/jzsp.2023.048.
10. Semerneva N. K. Kvalifikatsiya prestuplenii (chasti Obshchaya i Osobennaya) : nauch.-prakt. posobie. Moskva : Prospekt ; Ekaterinburg : Izdatel'skii dom «Ural. gos. yurid. akad.», 2010. 296 s.
11. Semenikhina T. N. Profilaktika moshennichestv, sovershennykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii // Obshchestvo i pravo. 2023. № 2 (84). S. 20-23.

Administrative and criminal liability for violation of consumer rights in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus: a comparative legal study

 Chagina Elizaveta Mihailovna

Junior Researcher ; Department of Private Law ; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

31 Bolshaya Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

 chagina.elizaveta1997@mail.ru

 Sisoev YUrii Evgen'evich

Senior lecturer; Department of Organization of activities of Road Safety Units; Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikot

117437, Russia, Moscow, Akademika Volgina str., 12

 support_mosu@mvdu.ru

Abstract. The Russian Federation and the Republic of Belarus are members of a number of integration associations, such as the Eurasian Economic Union and the Union State, membership in which implies the convergence of national legal regulation in a number of areas in order to create the legal foundations for the functioning of the single economic space. This applies, among other things, to the harmonization of legislation in the field of consumer protection. However, it must be borne in mind that the protection of consumer rights is carried out not only by private legal means, but also by public legal means. This raises the issue of the need and possibility of harmonizing the provisions of national legislation establishing criminal and administrative liability for violation of consumer rights. In addition, a comparative analysis of the norms of criminal and administrative legislation of the two countries in this area is also of interest because it allows us to compare different approaches to regulating public liability for violation of consumer rights and take into account the relevant experience of legal regulation of another country in the development of national legislation. The authors use comparative legal, formal legal methods, the method of analysis and interpretation of normative legal acts as the main methods. As a result of the study, it is concluded that at present, full harmonization of the provisions of national criminal legislation and legislation on administrative offenses establishing liability for violation of consumer rights is not necessary. During the development of national legislation, the experience of another State may be taken into account, but first of all it is necessary to rely on the state of national legal regulation in the field of consumer protection. The conclusion is also substantiated on the formation of different approaches to the establishment of public liability in two countries: if in the Russian

Federation the main emphasis is on measures of administrative and legal impact, which led to the development of provisions of legislation on administrative offenses and the decriminalization of a number of acts infringing on consumer rights, then in the Republic of Belarus the legislator proceeds from the need for wider application measures of criminal legal impact, while administrative and legal regulation is fragmented.

Keywords: Union State, Eurasian Economic Union, public legal liability, administrative offence, administrative law, decriminalization, crime, criminal law, consumer rights protection, harmonization of legislation

References (transliterated)

1. Zashchita prav potrebitelei: v poiskakh optimal'noi modeli: monografiya / P.D. Bagryanskaya, M.O. D'yakonova, P.P. Kabytov i dr.; otv. red. S.A. Sinitsyn, M.L. Shelyutto; Institut zakonodatel'stva i srovnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. – M.: OOO «YuRIDIChESKAYA FIRMA KONTRAKT», 2021. – 268 c.
2. Chagina E.M., Lubyannikova A.S. Evolyutsiya zakonodatel'stva ob administrativnoi otvetstvennosti za narushenie prav potrebitelei // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2024. № 4. S. 1-15. DOI: 10.7256/2454-0595.2024.4.71588 EDN: RLSAKP URL: https://e-notabene.ru/ammag/article_71588.html
3. Gorupa T.A. Zashchita prav potrebitelei v aspekte integratsionnykh protsessov (na primere Evropeiskogo soyusa i Evraziiskogo ekonomiceskogo soyusa) // Pravo.by. 2016. № 4 (42). S. 115-120.
4. Pospelova E.Yu. Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty zashchity prav potrebitelei: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2005. – 21 s.
5. Shcherbak K.Yu. Kriminalizatsiya deyanii, prichinyayushchikh vred zedorov'yu naseleniya pri proizvodstve i oborote produktsii, v zakonodatel'stve gosudarstv – uchastnikov SNG // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2022. № 12. S. 136-141.
6. Polnyi kurs ugolovnogo prava: v 5 t. T. 1: Prestuplenie i nakazanie. / Golik Yu.V. i dr.; pod red. A. I. Korobeeva. – SPb: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2008. – 1131 s.
7. Polnyi kurs ugolovnogo prava: v 5 t. T. 4: Prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti. / Komissarov V. S. i dr.; pod red. A. I. Korobeeva. – SPb: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2008. – 672 s.
8. Proksh M. Otvetstvennost' za narushenie prav potrebitelei // Zakonnost'. 2003. № 10. S. 52-56.
9. Shcherbak K.Yu. Produktsiya, ne otvechayushchaya trebovaniyam bezopasnosti dlya zhizni i zedorov'ya potrebitelei kak predmet prestupleniya, predusmotrennogo st. 337 Ugolovnogo kodeksa Respubliki Belarus' // Yustitsiya Belarusi. 2023. № 9. S. 40-45.
10. Egorova N.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za obman potrebitelei // Rossiiskii sledovatel'. 2003. № 8. S. 10-12.
11. Tsenova T.L. O primenenii st. 182 UK RF «Zavedomo lozhnaya reklama» // Rossiiskii sledovatel'. 2004. № 1. S. 23-24.
12. Zaitsev O.A., Nudel' S.L. Realizatsiya Strategii ekonomiceskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2030 goda i ee rol' v obespechenii natsional'noi bezopasnosti: ugolovno-pravovoi aspekt // Zhurnal rossiiskogo prava. 2021. N 8. S. 86-103.
13. Merkulova S.N., Pron'kina E.A. Reklama kak sredstvo soversheniya moshennicheskikh deistviy // Reklama i pravo. 2006. № 1. S. 43-44.

14. Khilyuta V.V. Prestupleniya protiv poryadka osushchestvleniya ekonomiceskoi deyatel'nosti: problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniya : monografiya – Grodno: GrGU, 2014. – 456 s.
15. Khilyuta V.V. Nuzhna li ugovornaya otvetstvennost' za obman potrebitelei? // Yustitsiya Belarusi. 2017. №3. S. 38-42.
16. Khilyuta V.V. Rasprostranenie lozhnoi informatsii o tovarakh i uslugakh: prestuplenie ili pravonarushenie? // Yustitsiya Belarusi. 2018. № 8. S. 36-39.
17. Zhadanova E.I. Administrativnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits za narushenie zakonodatel'stva o zashchite prav potrebitelei : diss. ... kand. yurid. nauk : 12.00.14 – M., 2014.
18. Gorupa T. A. Administrativno-pravovaya zashchita prav potrebitelei v Respublike Belarus': avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.14 – Mn., 2002. – 21 s.
19. Chagina E.M., Chamina A.A. Administrativnaya otvetstvennost' za narushenie zakonodatel'stva v sfere zashchity prav potrebitelei: k voprosu ob opredelenii ob"ekta pravonarusheniya // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. 2024. № 3. S. 1-15. DOI: 10.7256/2306-9945.2024.3.71550 EDN: RRBBLQ URL: https://e-notabene.ru/al/article_71550.html
20. Shaikheev T.I. Pravovye pozitsii sudov po ekonomiceskim sporam v primerakh iz sudebnoi praktiki // Arbitrazhnye spory. 2022. № 3. S. 103-162.
21. Shelegova N.A. Obshchaya kharakteristika naibolee rasprostranennykh administrativnykh pravonarushenii v otnoshenii potrebitelei v Respublike Belarus' // Aktual'nye voprosy teorii i praktiki primeneniya administrativnogo, administrativno-deliktnogo i administrativno-protsessual'nogo zakonodatel'stva v pravookhranitel'noi deyatel'nosti : sbornik statei / redkol.: Yu. P. Shkaplerov (predsed.) [i dr.]. – Mogilev: Mogilevskii institut MVD, 2023. S. 112-116.

The place and role of a defense lawyer in the process of proof in the investigative type of criminal proceedings

Charikov Aleksandr Viktorovich

Lawyer

620130, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Lukinykh str., 5, office 516

 ekb@advokat66.su

Abstract. The subject of the study is the participation of a defense lawyer in the proof process. There have been disputes for a long time regarding the reform of the existing procedure of criminal proceedings, in which a defense lawyer, according to Article 86 of the CPC of the Russian Federation, has the right to collect evidence. However, in practice, these provisions of the law face resistance from the law enforcement officer, which is caused, as the author believes, by the historical type of domestic criminal proceedings, in which objective truth and the predominance of public interest over private interests occupy key positions. Special attention is paid to the historical stages of the formation of Russian criminal proceedings, which, starting with the Statute of Criminal Proceedings, has fixed the investigator as a key figure of proof, while the court only checks the evidence collected by him "for strength". The domestic criminal process has developed as a search-type production, where three functions – prosecution, defense and resolution of the case are combined by one person – the investigator. The author concludes that in such a system of criminal proceedings, a lawyer cannot collect evidence, but his activities in the process of proving must be

streamlined. In this regard, it is proposed to amend the current legislation defining the status and types of materials used in proving. Part 3 of Article 86 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation should be abolished. It is proposed to formulate Article 86.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation "The use of materials of advocacy in proving", which provides for the possibility of a lawyer to collect information by: requesting information from organizations upon request, interviewing a person with his consent, involving a specialist. In addition, it is necessary to indicate in the CPC of the Russian Federation that all materials collected by the lawyer act in the evidence system as "other documents", in connection with which the expert's conclusion is subject to exclusion from clause 3.1 of Part 2 of Article 74 of the CPC of the Russian Federation.

Keywords: advocacy materials, other documents, expert opinion, interviewing a person, proof process, Charter of criminal proceedings, investigative process type, criminal trial, defense lawyer, proof

References (transliterated)

1. Martynchik E.G. Pravovye osnovy advokatskogo rassledovaniya: sostoyanie i perspektivy formirovaniya novogo instituta i modeli // Advokatskaya praktika. 2012. N 1. S. 21-29.
2. Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiiskoi Federatsii i Kommentarii k nei / A.S.Aleksandrov i dr. M.: Yurlitinform, 2015. S. 5.
3. Trunov I.L. Rasshirenie sostyazatel'nosti ugolovnogo protsessa na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya v svete sudebnoi reformy // Rossiiskii sud'ya. 2002. N 3. S. 4-7.
4. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B. Ugolovnyi protsess: uchebnik dlya vuzov / Pod obshchey red. A.V. Smirnova. SPb.: Piter, 2004. S. 147-148.
5. Mel'nikov V.Yu. Neobkhodimo li vozvrashchat'sya k voprosu advokatskogo rassledovaniya // Advokatskaya praktika. 2015. N 4. S. 7.
6. Ugolovnyi protsess evropeiskikh gosudarstv: monografiya / pod red. V. I. Samarina, V. V. Lutsika. Moskva: Prospekt, 2018. S. 10.
7. European Criminal Procedure / Ed. by M. Delmas-Marty, J.R.Spencer. Cambridge, 2004. P. 5.
8. Ugolovnyi protsess Rossii: istoricheskie korni, sovremennoe sostoyanie, perspektivy evolyutsionnogo razvitiya: monografiya / A.A. Davletov, N.V. Azarenok. UrGYU, Ekaterinburg. 2023. S. 8.
9. Gartung N. Iстория уголовного судопроизводства и судостроения Франции, Англии, Германии и России. SPb., 1868. S. 5-6.
10. Vladimirov L. E. Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh. Tula: Avtograf, 2000. S. 45.
11. Tsypkin A.L. Pravo na zashchitu v sovetskom ugolovnom protsesse. Saratov. 1959. S. 24.
12. Karnitskii D. A. Strogovich M. S. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks RSFSR. Tekst i postateinyi kommentarii / pod red. i s predisl. N. Ya. Nekhamkina. M.: Jurid. izd-vo NKYu RSFSR, 1925. S. 43.
13. Voskobitova L.A. Sostyazatel'nost': dve kontseptsii uchastiya advokata v dokazyvanii. Stat'ya 1. Poisk algoritma // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2012. N 2. S. 22-24.
14. Davletov A.A., Azarenok N.V. Povorot v praktike izbraniya zaklyucheniya pod strazhu v kachestve mery presecheniya? // Rossiiskaya yustitsiya. 2018. N 9. S. 58-60.

15. Charykov A.V., Vdovtsev P.V. Novye popravki v UPK RF o spetsialiste // Rossiiskii sledovatel'. 2017. N 18. S. 45-48.
16. Podol'nyi N.A. Ob"ektivnaya istina, ili kakim byt' ugolovnomu protsessu Rossii // Biblioteka kriminalista. 2012. N 4 (5). S. 224-237.
17. Zan'kin D.V. Istina i spravedlivost'-metodologiya sudebnogo razbiratel'stva // Rossiiskii sud'ya. 2018. N 3. S. 44-46.
18. Vasyaev A.A. O vozmozhnosti i neobkhodimosti ustanovleniya istiny v khode proizvodstva po ugolovnomu delu // Advokat. 2009. N 5. S. 12-13.

Criminal law regulation of the responsibility for the involvement of minors in the commission of crimes and other anti-social actions: historical aspects

Rushanyan Diana Arsenova

Postgraduate student; Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University

149 Stavropol str., Krasnodar, 350040, Russia

 pochta_193@list.ru

Abstract. The subject of the study is the historical process of development of the criminal law regulation of the institution of responsibility for involving minors in committing crimes and other anti-social actions. The relevant legal acts adopted in the pre-revolutionary, revolutionary and post-revolutionary periods of the development of domestic criminal legislation are used as research materials. The purpose of the work is to study the historical aspects of the criminal law regulation of the institution of responsibility for involving minors in committing crimes and other antisocial actions. The objectives of the study: to substantiate the need and importance of analyzing the historical aspects of criminal law regulation of responsibility for involving minors in committing crimes and other antisocial actions; to analyze legal acts, starting with the Russian Truth and ending with the current Criminal Code of the Russian Federation, in order to identify in their content the norms regulating responsibility for said involvement; to trace the origin formation, development and optimization of the institute in this field. The author uses a universal dialectical method of cognition, as well as a set of general scientific and special scientific methods, such as deduction, systemic, comparative legal, formal legal and historical. The author's special contribution to the research of the topic is the formation of historical and legal periodization, consisting of three periods. It is concluded that during the transition from one historical period to another, the criminal law norms on the involvement of minors in the commission of crimes and other anti-social actions are quantitatively expanded, they receive sufficient development, a certain order in the arrangement and communication with each other, which ultimately leads to the fact that the modern period is characterized by a stage of development and optimization of the institution responsibility for these criminal acts. The scientific novelty of the research topic is to consider the historical aspects of the criminal law regulation of responsibility for involving minors in committing crimes and other anti-social actions through the prism of the institute.

Keywords: institute of criminal law, regimentation, criminal law, historical aspects, antisocial actions, criminal liability, crimes, involvement of minors, minors, involvement

References (transliterated)

1. Litvinova I. V. Ugodovnaya otvetstvennost' za vovlechenie nesovershennoletnikh v sovershenie prestuplenii i inye antiobshchestvennye deistviya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2008. 170 s.
2. Mkrtchyan B. A. Vovlechenie nesovershennoletnikh v sovershenie prestuplenii i inykh antiobshchestvennykh deistvii: ugodovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2003. 217 c.
3. Oleinikova T. A. Vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya i inykh obshchestvenno opasnykh deistvii (ugodovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty). Rostov-na-Donu, 2005. 210 c.
4. Osip'yan A. V. Vovlechenie nesovershennoletnikh v sovershenie prestuplenii ili inykh antiobshchestvennykh deistvii (ugodovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty): dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2004. 217 c.
5. Gaikov V. T., Lemchik T. A. Istoricheskie aspekty ugodovnoi otvetstvennosti za vovlechenie nesovershennoletnego v antiobshchestvennyu deyatel'nost' // Terra Economicus. 2009. T. 7. № 4 (3). S. 49–52.
6. Mel'nikova E. B. Yuvenal'naya yustitsiya: problemy ugodovnogo prava, ugodovnogo protsessa, kriminologii: uchebnoe posobie. M., 2000. 272 s.
7. Lokhvitskii A. Kurs russkogo ugodovnogo prava. SPb., 1867. 662 s.
8. Shevchenko O. V., Gabrielyan M. Yu. Normativno-pravovoe regulirovanie otvetstvennosti za vovlechenie nesovershennoletnikh v prestupnyu ili inyu antiobshchestvennyu deyatel'nost' v istoricheskoi retrospektive // Vestnik Luganskoi akademii vnutrennikh del imeni E. A. Didorenko. 2017. № 2 (3). S. 225–239.
9. Pavlov D. V. Istorya razvitiya otechestvennogo ugodovnogo zakonodatel'stva, predusmistrivayushchego otvetstvennost' za vovlechenie nesovershennoletnikh v sovershenie prestuplenii i antiobshchestvennyu deyatel'nost' // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. 2009. № 4 (18). S. 121–128.
10. Tolkovyj slovar' Ozhegova onlajn. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28751>
11. Shklovskii A. O. Evolyutsiya otechestvennogo zakonodatel'stva ob ugodovnoi otvetstvennosti za vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya // Svoboda i pravo: sbornik statei XXVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kemerovo, 30 aprelya 2018 g.). Kemerovo, 2018. S. 13–19.

Some problems of the application of norms establishing liability for fictitious registration and fictitious registration of foreign citizens and stateless persons

Laikova Elena Aleksandrovna □

Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, EAST SIBERIAN INSTITUTE of the Ministry of Internal Affairs of Russia

664009, Russia, Yadrintseva str. 29/9-22 region, Irkutsk, Yadrintseva str., 29/9, sq. 22

✉ elena-lajkova@yandex.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna □

Doctor of Law

Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education "University of the Prosecutor's Office, Associate Professor

664009, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Mikn krylaty str., 24, sq. 20

Abstract. Special attention is paid to the issues of application of the norms establishing criminal liability for crimes in the sphere of registration and migration accounting of foreign citizens and stateless persons. The analysis of the norms establishing criminal liability for crimes against the procedure for registration and migration accounting revealed the existence of problems in their application, as well as the fact that they do not fully meet the requirements of the current criminal situation related to fictitious registration of citizens and registration. Special attention is paid to the problems of qualification of several facts of committing a crime as a single ongoing one or as a set of crimes, determination of the subjective side, differentiation of the crimes under consideration from each other, as well as from other related crimes, qualification in combination with other crimes, as well as qualification of actions of other persons assisting in fictitious registration and fictitious registration. The novelty of the study lies in the fact that the criteria for distinguishing the studied crimes from related crimes, qualification in combination with other crimes accompanying them are proposed. Crimes provided for in Art. 3222 and 3223 of the Criminal Code of the Russian Federation should be distinguished from related crimes by their immediate object, characteristics of the objective side and characteristics of the subject. If the crimes provided for in Articles 3222 and 3223 of the Criminal Code of the Russian Federation are special in relation to other criminal law norms (for example, Articles 285, 286 of the Criminal Code of the Russian Federation), then the unlawful acts are qualified only under a special norm in accordance with the provision set out in Part 3 of Article 17 of the Criminal Code of the Russian Federation. When the crimes in question are committed by officials, state or municipal employees, they can also be qualified in combination with other crimes if there are corresponding characteristics of such crimes, such as, for example, official forgery, petty bribery, etc.

Keywords: criminal liability, qualification problems, , fictitious registration,, migration registration, foreign citizens, stateless persons, intermediaries, a single intent, combination, false information

References (transliterated)

1. Kadnikov N. G., Shkabin G. S. Problemy ugolovnoi otvetstvennosti za fiktivnyu registratsiyu i fiktivnyu postanovku na uchet grazhdan Rossiiskoi Federatsii i inostrantsev po mestu prebyvaniya ili po mestu zhitel'stva v zhilom pomeshchenii v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik ekonomiceskoi bezopasnosti. 2017. № 4. S. 83-88.
2. Sabitov R. A., Sabitova E. Yu. Ugolovno-pravovaya otsenka obmanov i deistvii, sovershennykh s dokumentami: monografiya. M., 2012. – 354 s.
3. Shatilovich S. N. Otvetstvennost' za prestupleniya, predusmotrennye stat'eii 322.2 UK RF: voprosy teorii i praktiki // Yuridicheskaya nauka i pravookhran. praktika 2016. № 4 (38). S. 61-62.
4. Yakovleva L. V., Udartseva T. M. Ugolovno-pravovaya kharakteristika prestuplenii, predusmotrennykh stat'yami 3222, 3223 UK RF: nauch.-prakt. kommentarii / Upr. po organizatsii doznaniya MVD Rossii; VNII MVD Rossii. M., 2014.

The concept and types of crimes committed by contract executors in the field of state and municipal procurement

Kitsing Vladimir Aruvich

Postgraduate student of the Department of Public Law of the Faculty of Law of the State Academic University of the Humanities

119049, Russia, Moscow, lane. Maronovsky, 26

✉ kitsingvladimir@gmail.com

Abstract. The subject of the study is criminal acts committed by contract executors in the field of public procurement. The danger of these crimes lies in causing damage to public interests related to the functioning of State bodies and embezzlement of budget funds. At the same time, the interest of bona fide contract executors also suffers due to the inability to make a profit from participating in the auction. In addition, criminal acts committed by contract executors in the field of public procurement are latent and widespread. However, to this day, the concept and types of these crimes have not received any official regulation and are poorly developed by science. The purpose of the study is to classify the crimes of contract executors in the field of state and municipal procurement in accordance with their common characteristics and formulate a universal definition for the latter. The methodological basis of the research was made up of general scientific and private scientific methods, in particular analysis, synthesis, logic, deduction, induction, as well as the method of legal statistics. The scientific novelty of the study lies in the fact that the author, during the analysis of judicial practice, identified the main criminal acts committed by contract executors in the field of state and municipal procurement. After that, by generalization and systematization, the author's classification of the criminal acts under consideration was created, which includes two types, one of which is divided into subspecies. In addition, the author established criteria for the relevance of criminal acts to the specified types and subspecies of the developed classification. And, finally, on the basis of the identified range of crimes committed by contract executors in the field of state and municipal procurement, a common concept for the latter was formulated.

Keywords: concept of crime, criminal countermeasures, municipal procurement, restriction of competition, corruption, bribe, fraud, public procurement, contract system, state procurement

References (transliterated)

1. Gusak M.Yu. Kvalifitsiruyushchie priznaki moshennichestva v sfere gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok // Yuridicheskaya nauka. 2022. № 2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifitsiruyuschie-priznaki-moshennichestva-v-sfere-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-zakupok> (data obrashcheniya: 28.07.2023).
2. Eremin S.G., Konukov A.A. Problemy svoevremennogo vyvavleniya, raskrytiya prestuplenii v sfere gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok i mery po ikh preodoleniyu // YuP. 2020. № 4 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-svoevremennogo-vyvavleniya-raskrytiya-prestupleniy-v-sfere-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-zakupok-i-mery-po-ih> (data obrashcheniya: 16.06.2023).
3. Sinchurin O.V. Ponyatie korruptsionnykh prestuplenii v sfere zakupok i ikh klassifikatsiya // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2019. № 1. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 15.07.2023).
4. Shurpaev Sh.M. Kriminologicheskaya klassifikatsiya prestuplenii korruptsionnoi napravленности v sfere gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok // Bezopasnost' biznesa. 2019. № 6. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 12.07.2023).
5. Kinev A.Yu. Antimonopol'nyi «zaslon» sgovorom na torgakh // Yurist. 2011. № 16. S. 20-26.

6. Prigovor Oktyabr'skogo raionnogo suda goroda Belgoroda ot 19.12.2022 po delu № 1-563/2022. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 11.02.2023).
7. Prigovor Sinarskogo raionnogo suda goroda Kamenska-Ural'skogo ot 14.09.2021 po delu № 1-6/2021. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 01.10.2022).
8. Prigovor Nikulinskogo raionnogo suda goroda Moskvy ot 07.09.2020 po delu № 01-0011/2020. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 06.10.2022).
9. Prigovor Lefortovskogo raionnogo suda g. Moskvy ot 01.09.2021 po delu № 01-0298/2021. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 11.11.2022).
10. Prigovor Pskovskogo gorodskogo suda Pskovskoi oblasti ot 12.02.2020 po delu № 1-23/2020. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 11.12.2022).
11. Prigovor Oktyabr'skogo raionnogo suda goroda Belgoroda ot 29.12.2022 по делу № 1-562/2022. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 15.03.2023).
12. Prigovor Sovetskogo raionnogo suda goroda Makhachkaly ot 02.08.2021 по делу № 1-11/2021. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 20.04.2023).
13. Prigovor Lefortovskogo raionnogo suda goroda Moskvy от 01.09.2021 по делу № 01-0298/2021. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/criminal/details/922bcc60-d7d2-11eb-bb0e-e72efe6302c6> (data obrashcheniya 15.09.2022).
14. Prigovor Lefortovskogo raionnogo suda goroda Moskvy от 09.09.2021 по делу № 01-0297/2021. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/criminal/details/0129deb0-d7d1-11eb-bb0e-e72efe6302c6> (data obrashcheniya 15.09.2022).
15. Prigovor Sayanogorskogo gorodskogo suda Respubliki Khakasiya от 15.09.2020 по делу № 1-82/2020. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 10.06.2023).
16. Prigovor Oktyabr'skogo raionnogo suda goroda Izhevska от 06.04.2021 по делу № 1-1/2021. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 01.03.2023).
17. Prigovor Moskovskogo raionnogo suda goroda Sankt-Peterburga от 23.12.2019 по делу № 1-1041/2019. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 02.02.2023).
18. Prigovor Promyshlennogo raionnogo suda goroda Stavropolya от 29.09.2020 № 1-413/2020. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 01.06.2023).
19. Prigovor Oktyabr'skogo raionnogo suda goroda Samary от 21.09.2021 по делу № 1-541/2020. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 03.04.2023).
20. Prigovor Zelenogorskogo raionnogo suda goroda Sankt-Peterburga от 13.05.2022 по делу № 1-15/2022. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 05.05.2023).
21. Prigovor Leninskogo raionnogo suda goroda Saranska от 08.06.2022. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashchenie 11.11.2022).
22. Lapin V.O. Aktual'nye problemy vyyavleniya i rassledovaniya prestuplenii v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd // PPD. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-vyyavleniya-i-rassledovaniya-prestupleniy-v-sfere-zakupok-tovarov-rabot-uslug-dlya-obespecheniya-gosudarstvennyh-i> (data obrashcheniya: 12.07.2023).
23. Prigovor Pervomaiskogo raionnogo suda goroda Izhevska от 15.07.2019 по делу № 1-5/2019. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 01.04.2023).
24. Prigovor Kaluzhskogo raionnogo suda от 07.04.2022 г. по делу № 1-30/2022. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 07.04.2023).
25. Prigovor Sovetskogo raionnogo suda goroda Novosibirska от 21.05.2019 г. по делу № 1-8/2019. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 25.05.2023).

26. Prigovor Kirovskogo raionnogo suda goroda Saratova ot 23.04.2020 po delu № 1-10/2020. URL:<https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 16.03.2023).
27. Prigovor Tsentral'nogo raionnogo suda goroda Volgograda ot 28.02.2022 po delu 1-120/2022. URL: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 01.02.2023).
28. Lyubyi I.A. Ugolovno-pravovye mery protivodei stviya zloupotreblyaniyam v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Omsk., 2022. 225 s.
29. Shurpaev Sh.M. Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika prestuplenii korruptsionnoi napravленности v sfere zakupok dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. M., 2021. 297 s.

Differentiation of responsibility for crimes against the person: evolution in Russian criminal legislation

Vanyan Diana Nikolaevna

Postgraduate student; Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University

149 Stavropol str., Krasnodar, 350040, Russia

✉ mail_23.rus@mail.ru

Abstract. The subject of the study is to consider the issues of the evolution of Russian criminal legislation in terms of the differentiation of responsibility for crimes against the person. As the materials of the study, criminal law monuments of national history were selected, in the content of which the differentiation of responsibility for crimes against the person was carried out. The article presents a historical and legal review of the main sources of criminal law of the X-XX centuries in terms of the approach reflected in them to the differentiation of responsibility for crimes against the person and analyzes the formation of an appropriate mechanism of criminal law protection. Using the example of the monuments of Russian criminal law of the X-XX centuries, the features of the construction of qualified and privileged elements of crimes against the person, the ways of their construction and presentation in the text of the criminal law are considered. To conduct an objective and comprehensive review of the chosen topic, the article used such general scientific and private scientific methods as analysis, generalization, historical, formal legal, comparative legal. The novelty of the study lies in the fact that, taking into account the retrospective approach, the historical experience of the formation of the institution of differentiation of criminal liability for attacks on life, health, freedom, honor, dignity and other protected values is traced and the process of consistent regulatory and legal registration of differentiating criminal liability features is reflected. In conclusion, the author concludes that the process of constructing differentiating criminal liability features dates back to the legislation of Ancient Russia, and their subsequent regulation maintained a certain continuity throughout the development of Russian criminal legislation. The differentiation of responsibility, despite its long history, currently remains the main method of criminal law policy, the application of which, including to the crimes under consideration, requires further reflection and improvement.

Keywords: qualifying signs, privileged features, differentiation of criminal liability, differentiation, sexual crimes, honor and dignity, crimes against health, murder, crimes against the person, personality

References (transliterated)

1. Antonyan Yu. M., Zvizzhova O. Yu. Prestupnost' v istorii chelovechestva: monografiya. M., 2022. 208 s.
2. Babichev A. S. Zakonodatel'stvo Rossii o prestupleniyakh protiv zhizni v sovetskii period // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 2. S. 79–81.
3. Balkovaya V. G., Neretina D. A. Sistema prestuplenii v srednevekovoi Rusi: vozniknenie i razvitiye // Pravo, ekonomika i upravlenie: teoriya i praktika: materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Gl. redaktor E. V. Fomin (Cheboksary, 23 iyunya 2022 g.). Cheboksary, 2022. 266–271.
4. Bespalov N. E. Iстория развиya rossiiskogo zakonodatel'stva o prestupleniyakh protiv svobody, chesti i dostoinstva lichnosti // Sovremennaya nauka: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sbornik statei XX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Penza, 25 iyunya 2021 g.). Penza, 2021. S. 147–151.
5. Isaev I. A. Iстория gosudarstva i prava Rossii: uchebnik. M., 2004. 797 s.
6. Kaplin M. N. Differentsiatsiya ugolovnoi otvetstvennosti za prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2007. 47 s.
7. Kretova K. A. Prestupleniya protiv lichnosti i imushchestva v ugolovnom prave Kievskoi Rusi // Razvitie tamozhennogo dela Rossiiskoi Federatsii: dal'nevostochnyi vektor: sbornik nauchnykh trudov (Vladivostok, 05–27 aprelya 2022 g.). Vladivostok, 2022. S. 97–102.
8. Loba V. E., Malakhov S. N. Ugolovnoe pravo Drevnei Rusi XI–XII vv. (po dannym Russkoi Pravdy): monografiya. Armavir, 2011. 176 s.
9. Nurkaeva T. N. Ugolovno-pravovaya okhrana lichnosti, ee prav i svobod: voprosy teorii i praktiki. M., 2017. 255 s.
10. Omel'chenko S. S. Oskorblenie i kleveta v ugolovnom prave Rossii XI–XVII vv. // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2008. № 1. S. 240–246.
11. Shestopalov A. P., Fumm A. M. Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 goda v sisteme istochnikov ugolovnogo prava rossiiskoi imperii // Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomiceskogo instituta. 2015. № 3. S. 69–73. 1.
- Antonyan Yu. M., Zvizzhova O. Yu. Prestupnost' v istorii chelovechestva: monografiya. M., 2022. 208 s.

Definition of the concept of "self-employed" and its historical development

Polyan Dmitrii Anatol'evich □

Postgraduate student; Department of Commercial Law; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'St. Petersburg State University'

196084, Russia, Saint Petersburg, Krasutskystr., 3, lit. M sq. 237

✉ gradualle@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the evolution of the concept of "self-employed" in Russia, starting with its appearance in the scientific literature in the 90s and up to the present state. The study seeks to trace the dynamics of changes in the definition of "self-employment" and "self-employed" under the influence of various factors, including political, legislative and scientific trends. The purpose of the study is not only to establish the chronology of the formation and change of the concept, but also to analyze the ways of its application in practice, in particular, in court decisions. The analysis presented in the paper is aimed at deepening the understanding of the concept of "self-employed" in different contexts

and identifying contradictions in its application. This helps to increase the effectiveness of law enforcement practice and improve future theoretical developments in this area. The research methodology consists of general scientific and specific scientific methods of cognition. The following methods were used: dialectical, logical, historical, formal-legal, and hermeneutical. The novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the evolution of the concept of "self-employed" in Russia, covering various contexts of its application. The research is not limited to simply tracing the chronology of the appearance and change of the term, but also deeply analyzes its interpretation in sociological and legal works, legal acts of the executive branch, laws, decisions of the Constitutional Court and judicial practice, as well as the reasons for the appearance of certain connotations. Special attention is paid to how different interpretations of this concept are mixed in court decisions.

The conducted research allows us to draw the following conclusions:

The concept of "self-employed" in Russia does not have a single definition, which leads to ambiguity in its application in practice.

Historically, the definition of "self-employment" has changed from a broad interpretation (type of employment of people) to a narrower one (tax regime).

Judicial practice demonstrates inconsistency in the interpretation of the concept of "self-employed", which complicates law enforcement and requires timely correction.

Keywords: individual labor activity, law enforcement, employment, tax regime, entrepreneurial activity, concept, definition, self-employed, Self-employment, history of legal regulation

References (transliterated)

1. Toksanbaeva M. S. Samozanyatost' i ee protivorechiya / M. S. Toksanbaeva // Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii. 1998. № 3. S. 32-45.
2. Zaslavskaya T. I. Biznes-sloi rossiiskogo obshchestva: ponyatie, struktura, identifikatsiya / T. I. Zaslavskaya // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 1994. № 5. S. 7-15.
3. Gromova R. Sravnitel'nyi analiz tipichnykh form sotsial'noi mobil'nosti v rossiiskom obshchestve do i posle 1985 g / R. Gromova // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 1998. № 1. S. 18-26.
4. M. Linder, Farewell to the Self-Employed: Deconstructing a Socioeconomic and Legal Solipsism, Greenwood Press. 1992. 217 p.
5. Zhukova N. V. Indikatory razvitiya kak instrument sotsial'nogo programmirovaniya: zarubezhnyi opyt / N. V. Zhukova // Sotsiologiya: Metodologiya, metody, matematicheskie modeli. 1993. № 3-4. S. 110-153.
6. Machul'skaya E. E. Pravovoe regulirovanie sotsial'nogo obespecheniya v Velikobritanii : spetsial'nost' 12.00.05 «Trudovoe pravo; pravo sotsial'nogo obespecheniya»: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. MGU. Moskva, 1991. 189 s.
7. Pavlovskaya O. Yu. Material'naya podderzhka samozanyatosti bezrabotnykh grazhdan: algoritm i aspekty pravoprimeneniya // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2015. № 1. S. 67-80.
8. Aksanova I. O. Polnomochiya Pravitel'stva RF v sfere nalogoooblozheniya // Zakonodatel'stvo, 1998, N 11.
9. Troitskaya A. Konstitutsionnaya obyazannost' platit' nalogi v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossii / A. Troitskaya // Sravnitel'noe konstitutsionnoe

- obozrenie. 2004. № 4(49). S. 206-216.
10. Lidzheeva, K. V. Problemy opredeleniya statusa samozanyatykh grazhdan: grazhdansko-pravovoi aspekt / K. V. Lidzheeva, E. A. Gunaev // Aktual'nye problemy razvitiya grazhdanskogo prava i grazhdanskogo protsessa : Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 40-letiyu universiteta, Krasnodar, 16 fevralya 2017 goda. Krasnodar: Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Krasnodarskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii». 2017. S. 184-190.
 11. Lysenko, E. D. Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya samozanyatosti / E. D. Lysenko // Publichno-pravovye issledovaniya. 2017. № 3. S. 1-11.
 12. Grabova O. N., Suglobov A. E. Problemy vykhoda «Iz teni» samozanyatykh lits v Rossii: riski i puti ikh preodoleniya. Ekonomika. Nalogi. Pravo. 2017. № 6. S. 108-116.
 13. Glotov S. A. Samozanyatost' naseleniya v Rossii: ot slov k pravovomu regulirovaniyu // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya. 2017. № 3. S. 52-64.
 14. Kryukova E.S., Ruzanova V.D. Individual'nyi predprinimatel' i samozanyatyi grazhdanin: sootnoshenie ponyatii. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2018. № 3. S. 21-26.
 15. Serova A. V. Samozanyatost' v Rossii: problemy i perspektivy natsional'nogo pravovogo regulirovaniya. Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. № 5. 2019. S. 27-41.
 16. Perspektivy sovershenstvovaniya instituta samozanyatosti v Rossiiskoi Federatsii / Luneva E. V., Filinov V. P., Pogodina O. N., Lunev V. A. // Semeinyi biznes & samozanyatye: vzglyad cherez prizmu malogo predprinimatel'stva / otv. red. I. V. Ershova, A. N. Levushkin; Moskovskii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet imeni O. E. Kutafina (MGYuA). Moskva: Obshchestvo s ogranicennoi otvetstvennost'yu «Prospekt», 2021. S. 141-151.
 17. Vaipan V.A. Realizatsiya printsipa sotsial'noi spravedlivosti v pravovom regulirovaniii predprinimatel'skoi deyatel'nosti (monografiya).-M.: Yustitsinform, 2020. 696 s.
 18. Tonkikh N. V., Babintseva A. V. Issledovanie samozanyatosti naseleniya v Rossiiskoi Federatsii: obshchie i chastnye problemy // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika». 2020. T. 18, № 1. S. 172-183.
 19. Olifirova I. Pensiya IP i samozanyatykh // Trudovoe pravo. 2024 g. N 4. C. 91-98.
 20. Konstantinova E. D. Pravovoi rezhim samozanyatykh v Rossiiskoi Federatsii / E. D. Konstantinova // Katanovskie chteniya-2022: Sbornik nauchnykh trudov studentov, Abakan, 14 marta 2022 goda. Abakan: Izdatel'stvo FGBOU VO «Khakasskii gosudarstvennyi universitet im. N. F. Katanova», 2022. S. 101-102.